

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная педагогическая академия»
Лаборатория исторического краеведения

Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае

2007 г.

*Археология,
этнография,
устная история*

Выпуск 4

*Памяти профессора
А. П. Уманского*

Барнаул, 2009

УДК 902+39

ББК 63.4(253.3)+63.5(253.3)+63.3(253.3)

П 491

Редакционная коллегия:

М. А. Демин, д-р ист. наук, профессор;
Т. К. Щеглова, д-р ист. наук, профессор;
А. Н. Телегин, старший преподаватель

П 491 Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2007 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 4: Материалы IV регион. науч.-практ. конф. 6–8 дек. 2007 г. / Под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, А. Н. Телегина. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 198 с.: ил.

ISBN 978-5-88210-487-9

В сборнике публикуются материалы IV региональной научно-практической конференции, посвященной полевым исследованиям различных научных, учебных и музейных центров в области археологии, этнографии и устной истории на территории юга Западной Сибири в 2007 г.

Издание рассчитано на историков, археологов, этнографов, краеведов и всех интересующихся региональной историей и культурой.

УДК 902+39

ISBN 978-5-88210-487-9

© Алтайская государственная
педагогическая академия, 2009

1 АРХЕОЛОГИЯ

Т. А. Акимова

Аварийные раскопки поселения Урлу-Аспак I в Майминском районе Республики Алтай

В июле 2007 г. в Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай (АКИН) поступила заявка от Барнаульского филиала ГИПРОДОРНИИ о согласовании проекта границ реконструкции автодороги Бирюля—Александровка—Урлу-Аспак Майминского района Республики Алтай. Сотрудниками АКИН был осуществлен выезд на место планируемой реконструкции автодороги и произведен визуальный осмотр территорий, непосредственно прилегающих к автодороге. Выяснилось, что дорожные работы уже ведутся на участке км 0 – км 3 (окрестности с. Урлу-Аспак). На вскрытой бульдозером территории признаков культурного слоя и отдельных археологических предметов обнаружено не было. На северо-западной окраине с. Урлу-Аспак, рядом с сельским кладбищем, был осмотрен мысовидный выступ надпойменной террасы правого берега р. Майма. В естественных разрушениях грунтовой дороги и канавы-промоины были найдены четыре фрагмента толстостенной лепной неорнаментированной керамики, обломок керамического пряслица, орнаментированного наколами, и каменный отщеп. По информации, предоставленной ГИПРОДОРНИИ, на участке автодороги, пересекающей этот мыс с юго-запада, реконструкция планировалась в пределах существующей трассы. Это не представляло угрозы для состояния памятника археологии, так как юго-западная часть мыса уже была значительно повреждена во время прежнего строительства дороги. В конце августа 2007 г. на согласование в АКИН поступил проект реконструкции автодороги Бирюля—Александровка—Урлу-Аспак (км 0 – км 3). В проекте на интересующем нас участке было запланировано выпрямление трассы, огибающей оконечность мыса. В связи с этим Агентством по культурно-историческому наследию в начале сентября было организовано проведение срочных аварийных археологических работ на памятнике.

Поселение Урлу-Аспак I расположено на северо-западной окраине с. Урлу-Аспак на мысовидном выступе надпойменной террасы правого берега р. Майма. С северо-запада мыс ограничен ручьем Тайташ, юго-западная часть мыса разрушена грунтовой дорогой Бирюля—Урлу-Аспак. Большая часть ровной поверхности мыса занята сельским кладбищем. Мыс пересекают две грунтовые дороги. По словам местных жителей, до появления на этой территории кладбища поверхность террасы интенсивно распахивалась.

В юго-западной части поселения, где намечалось проведение дорожно-земельных работ, был заложен раскоп общей площадью 51 м², разби-

тый на квадраты размером 3 × 3 м, за исключением квадрата 4Б (2 × 3 м). Выборка грунта велась слоями 15–20 см. Культурный слой однороден по структуре (черный гумус). Ближе к материку состав его изменился до гумусированного суглинка желтовато-коричневого цвета.

Из-за пахоты находки в квадратах распределялись неравномерно. В дерновом слое были найдены как фрагменты орнаментированной и неорнаментированной керамики, так и каменные отщепы и орудия. В непотревоженном состоянии артефакты залегали на глубине 50–30 см в предматериковом слое. Материк – желтая, плотная глина. Основная масса находок найдена в кв. 1А, 2А, 2Б.

Кроме того, на поверхности мыса было дополнительно заложено 4 шурфа размером 2 × 2 м в северной и северо-западной части поселения. На вскрытой площади 51 м² предположительно была зачищена часть жилища. В центральной части раскопа зафиксированы очаг (кв. 2А, 2Б, 3А, 3Б) и прокал (кв. 3Б). В материк впущены две хозяйственных ямы (кв. 2А, 2Б) и неглубокие ямки с закругленным дном без находок (кв. 2А). Все ямы выявлены после зачистки до уровня материка. В квадратах 3А, 3Б, 4Б выявлены заглубленные в материк канавки V-образной формы в разрезе. При зачистке всей вскрытой площади выявились единая система канавок-рукавов, соединяющаяся с очагом, расположенным по центру раскопа. В заполнении канавок встречались мелкие угольки и фрагменты керамики. Очаг окружной формы размерами 1 × 1,1 м заглублен в материк на 5–10 см, прокал красновато-оранжевого цвета, мощностью до 15 см. Очаг оформлен десятью рваными камнями средней величины. Юго-восточная часть свободна от каменной обкладки. В заполнении очага обнаружены следы золы, угольки, фрагменты орнаментированной и неорнаментированной керамики, каменные отщепы. Скопление керамики отмечено в кв. 2А к северу от очага.

В восточной части кв. 2А зафиксирована хозяйственная яма № 1 неправильной окружной в плане формы, заглубленная в материк на 45 см. Размеры ямы 95 × 90 см, заполнение – черный гумус. В заполнении было найдено несколько фрагментов керамики, на дне ямы – развал крупного плоскодонного керамического сосуда, оформленного несколькими рядами крупных оттисков угла лопаточки.

Хозяйственная яма № 2 располагалась в восточной части кв. 2Б, овальной в плане формы, заглубленная в материк на 35 см. Размеры ямы 105 × 95 см. В гумусном заполнении ямы найдены крупные фрагменты орнаментированных венчиков не менее чем от трех сосудов. Кроме того, на дне ямы обнаружены нижний камень зернотерки и фрагмент куранта.

В квадратах 2А и 2Б было найдено наибольшее количество фрагментов керамической посуды, в этих же квадратах расположены хозяйственные ямы. Количество керамики в квадратах 3А, 3Б, 4Б значительно меньше. Здесь выявлены остатки системы обогрева жилища, соединяющейся с очагом и прокалом, расположенным в кв. 3Б. Прокал ярко-оранжевого цвета, зафиксирован при зачистке материка. Мощность прокала 5–10 см, он овальной формы, вытянут по линии СЗ–ЮВ, размерами 70×40 см. Возле прокала найдены фрагменты керамики.

Основными находками на поселении являются фрагменты керамики. Общее их количество (раскоп и шурфы) – 2210 шт., включая орнаментированные венчики и донца. Варианты орнаментации разнообразны: ряды наколов и различные сочетания наколов с оттисками гладкого и гребенчатого штампа, ногтевые вдавления, оттиски угла лопаточки, оттиски гребенки, образующие ряды, елочные узоры и зигзагообразные линии. Верхний срез венчика у многих фрагментов имеет различные варианты орнаментации: отпечаток угла палочки, гребенки, насечка. Кроме того, найдены: целое керамическое прядлище без орнамента, фрагмент прядлища, орнаментированного наколами, керамический шарик с ногтевыми (?) вдавлениями. Предметы из камня: нижний камень зернотерки, фрагмент куранта, точильный камень сильной сработанности с отверстием для подвешивания, заготовка сверленого каменного орудия и значительное количество каменных орудий и отщепов. Костей животных найдено крайне мало, в виде мелких фрагментов. Стратифицировать находки очень сложно, так как большая часть культурного слоя распахана. В неподтверждённом виде остался предметиковый слой и объекты, впущенные в материк.

Мощность очажного прокала и большое количество находок свидетельствуют о стационарном характере поселения. Фрагменты керамики, орнаментированные наколами и оттисками угла лопаточки, имеют многочисленные аналогии на поселенческих комплексах долины р. Майма и Майминского района (Майма-I, II, III, IX, XII, Кызыл-Озек II, IV, VIII, Куташ-II) [1; 2]. Кроме данного керамического комплекса, предварительно выделены фрагменты керамики, отличающиеся по составу формовочных масс и способу орнаментации. Вопрос об их культурной принадлежности пока остается открытым, возможно, они сочетаются с найденными на территории раскопа предметами каменной индустрии.

Литература

1. Вдовина Т. А. К археологической карте Майминского района Республики Алтай // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 2. С. 90–103.
2. Киреев С. М. Майминский археологический комплекс // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 162–169.

А. П. Бородовский, Е. Л. Бородовская

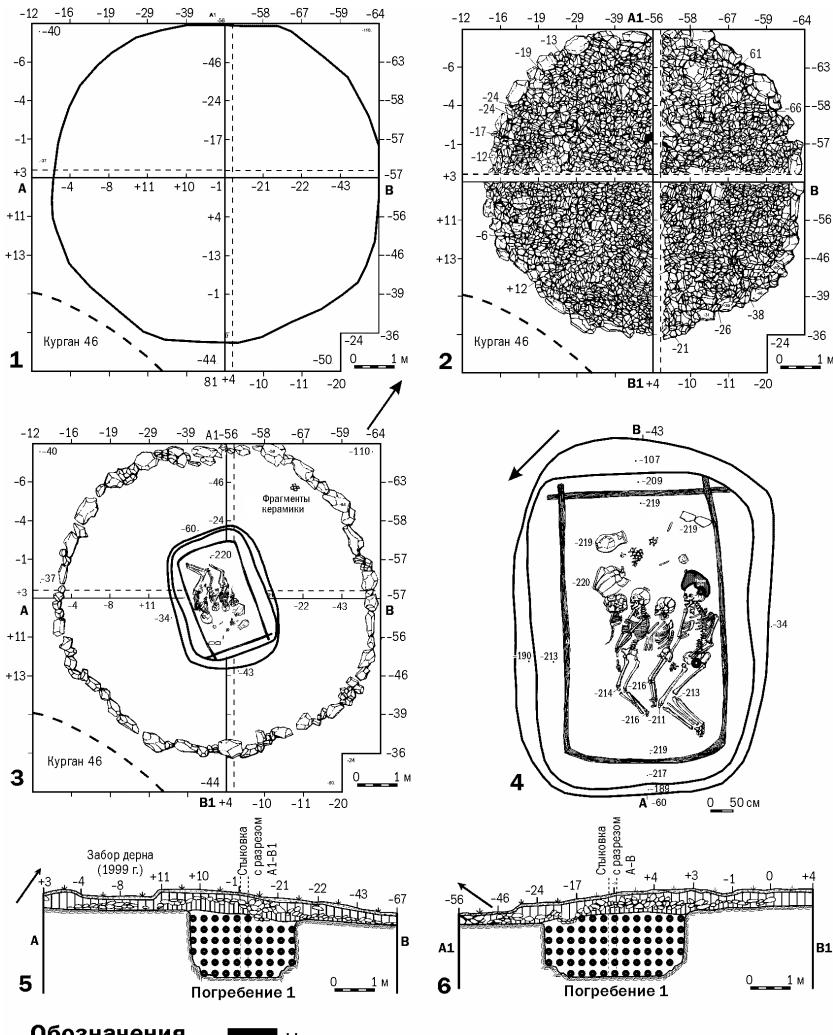
Продолжение исследований некрополя Чултуков Лог-1 на нижней Катуни¹

В 2007 г. Центрально-алтайский археологический отряд ИАЭТ СО РАН продолжал исследования на территории правобережья горной долины Нижней Катуни. Работы велись на курганной группе эпохи раннегоЖелезного века Чултуков Лог-1. Обширный некрополь расположен к северу от с. Манжерок (Майминского района республики Алтай). На западном краю могильного поля были сплошной площадью исследованы четыре северо-пазырыкских курганов с каменной наброской. Каменные конструкции диаметром от 8 до 13 м располагались цепочкой, вытянутой по линии восток–запад. Насыпи трех курганов имели округлую форму. Надмогильная конструкция еще одного кургана представляла собой две скобковидные каменные выкладки, разделенные «въездом». Он был ориентирован по линии север–юг, с незначительными отклонениями от этого направления. В центре северного въезда лежал стелообразный камень. На северо-восточном краю каменной насыпи кургана располагался прокал.

С восточной и западной сторон этого кургана были сооружены две двухметровые галечные выкладки. Они перекрывали каменную конструкцию кургана и край полы соседнего каменного надмогильного сооружения. В центральной части над могильной ямой следов каменной конструкции зафиксировано не было. Значительное по размерам и глубине погребение представляло собой кенотаф. Около узкого юго-восточного края могилы располагались три развода керамических сосудов. Среди этих предметов также находились железный нож и три железные стержневевидные заколки. Место нахождения всех предметов соответствует участку изголовья в северо-пазырыкских захоронениях.

В других курганах были выявлены женские захоронения. В двух случаях это были одиночные погребения, еще в одном – коллективное (женщина и еще три ребенка различного возраста) (рис. 1). В изголовье всех женских скелетов были обнаружены следы сложных головных уборов или причесок. От них сохранились металлические детали (заколки) и краситель темно-сажистого цвета. Очертания пятен красителя над черепами были близки по форме к пазырыкским парикам, изготовленным из целого ряда органических материалов. Металлические заколки находились под углом друг другу в самой верхней части сажного пятна. Одна из них была полностью железной, а другая имела бронзовое рельеф-

¹ Работы выполнены по программе РАН «Адаптация», проект 21.2.

Обозначения

	Чернозем между камнями
	Могильный выкид
	Заполнение могилы
	Материк

Рис. 1. Курган 47 Чултукова Лога-1. 1 – курган до раскопок; 2 – каменная конструкция; 3 – крепида и могила; 4 – погребение; 5, 6 – стратиграфические разрезы.

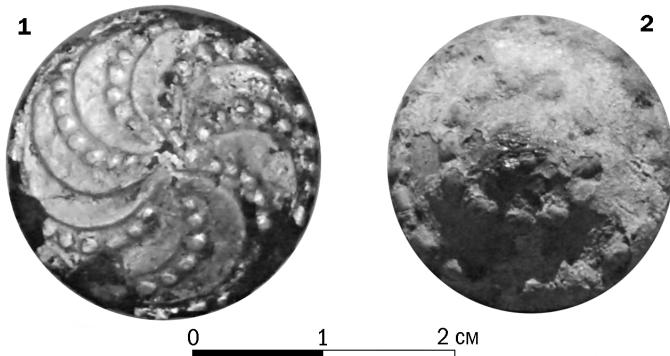

Рис. 2. Бронзовые триквектры Чултукова Лога-1

ное навершие-триквектр, иногда покрытое золотой фольгой (рис. 2, 1). Декор триквектров, как правило, был индивидуален.

В настоящее время на некрополе Чултуков Лог-1 получена одна из самых больших коллекций таких украшений. На территории Нижней Катуни бронзовые триквектры с золотой фольгой известны в материалах Маймы XIX и Барангола-1. Одна из бронзовых заколок имела круглое деревянное навершие с рельефно-вертикальной резьбой, напоминающее дольки апельсина. Аналогичные изделия на Нижней Катуни уже были известны ранее (Барангол-4), хотя в основном они сохраняются в высокогорных пазырыкских захоронениях юго-восточного Алтая.

Другим сопроводительным инвентарем исследованных женских захоронений Чултукова Лога-1 являлись керамические сосуды, железные и бронзовые пластиначатые ножи, петельчатые серьги, бронзовые медальонидные зеркала. Особенно следует отметить находку зеркала с железной петлевидной ручкой. Биметаллический характер этого предмета позволяет рассматривать его в качестве датирующего изделия, бытовавшего на рубеже VI–V вв. до н. э.

В межкурганном пространстве было выявлено еще одно грунтовое захоронение, составляющее ряд с грунтовой могилой, обнаруженной в предшествующем полевом сезоне. Погребение являлось ярусным и вторичным (рис. 3). В верхнем ярусе над деревянным обожженным перекрытием располагался человеческий скелет, заваленный камнями. Вторым и третьим ярусом являлось вторичное погребение еще трех человек, останки которых были представлены черепами, расположенными в разных частях могилы, и длинными костями. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

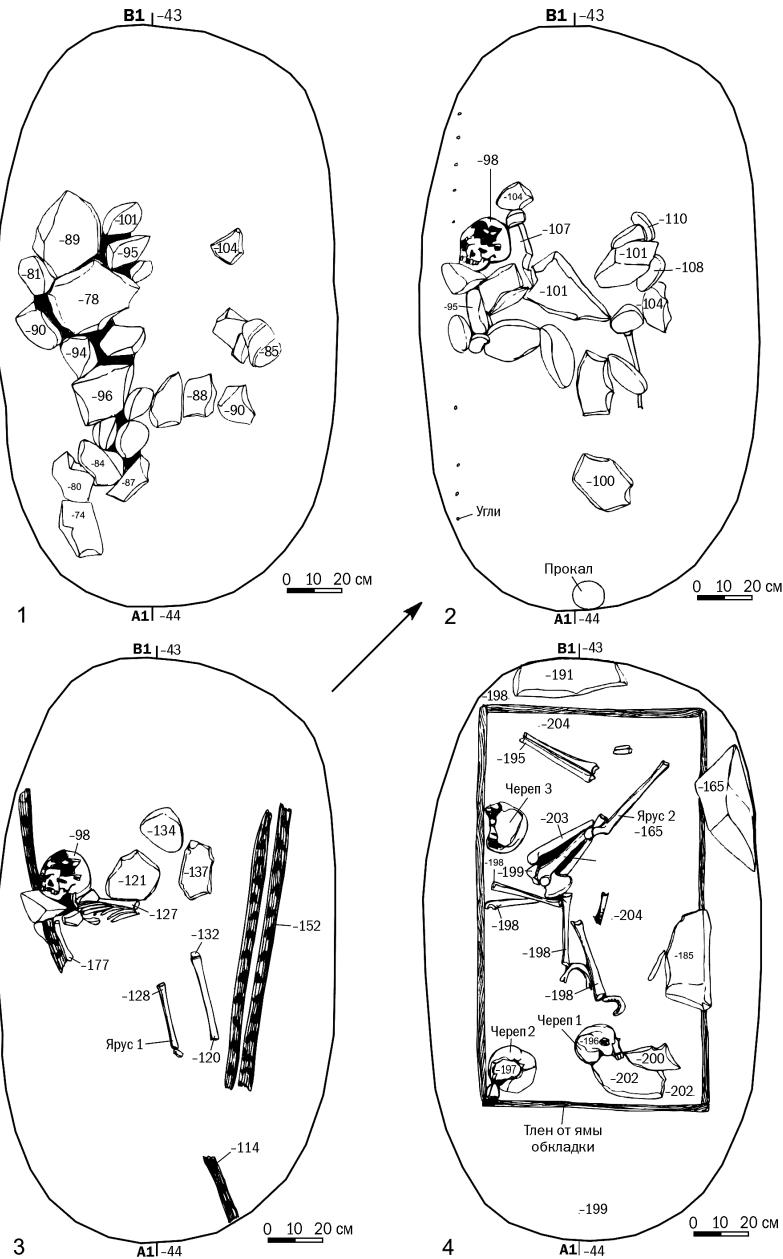

Рис. 3. Уровни расчистки второго грунтового погребения Чултукова Лога-1

А. П. Бородовский, Д. А. Михайлов

Археологический мониторинг нижней части Новосибирского водохранилища

Археологическое обследование нижней части Новосибирского водохранилища началось еще в 1970-е гг. ХХ в. Сотрудники института горного дела Б. М. Момот, Б. М. Берман на протяжении нескольких сезонов осматривали участок у станций Сельская и Петухиха территории левого берега Бердского залива. В районе станции Сельская ими было выявлено три участка подъема материала. В результате их деятельности собрана коллекция фрагментов керамики эпохи бронзы, а данные систематизированы в публикации [4, с. 107–117].

В 1995 г. в районе станции Сельская побывал В. А. Сумин, которому удалось зафиксировать два памятника, получившие наименование Сельская-1 и Сельская-2.

С 1998 г. археологический мониторинг территории у ст. Сельская регулярно проводит А. П. Бородовский. Он выделил пять участков сбора керамики в районе ст. Сельская, которым присвоены наименования Сельская-1а, б, в, г, д. [2, с. 34–37]. Наиболее интересный подъемный материал был собран на участках, которые соответствуют памятникам Сельская-1а и Сельская-1д. Кроме того, было выявлено еще одно новое местонахождение – Сельская-1е.

Сельская-1а (рис. 1, 5). Расположено на правом берегу небольшого залива при впадении небольшого ручья в Бердский залив. На участке протяженностью 30–50 м был осуществлен сбор подъемного материала, который представлен фрагментами керамики, из которых один, наиболее крупный, был орнаментирован насечками. Исходя из характера орнамента его можно предположительно отнести к эпохе развитой бронзы. Основной сбор был осуществлен на небольшом участке – 3–5 м. По памятнику проходит грунтовая проселочная дорога. Рельефных признаков памятник не имеет.

Сельская-1д (рис. 1, 9). Памятник расположен на правом берегу в устье при впадении р. Сухой Ручей в Бердский залив. На участке протяженностью 20–30 м был осуществлен сбор подъемного материала, среди которого, помимо фрагментов керамики, относящихся к ирменской культуре эпохи поздней бронзы, были найдены прядильце – керамическое, биконическое, без орнамента, достаточно хорошей сохранности, которое следует, по всей видимости, связывать с эпохой раннего железа, и самокованное железное стремя, очевидно, русского времени. В двух местах встречены фрагменты костей скелета человека (тазовой кости и черепной коробки), что позволяет предположить наличие на

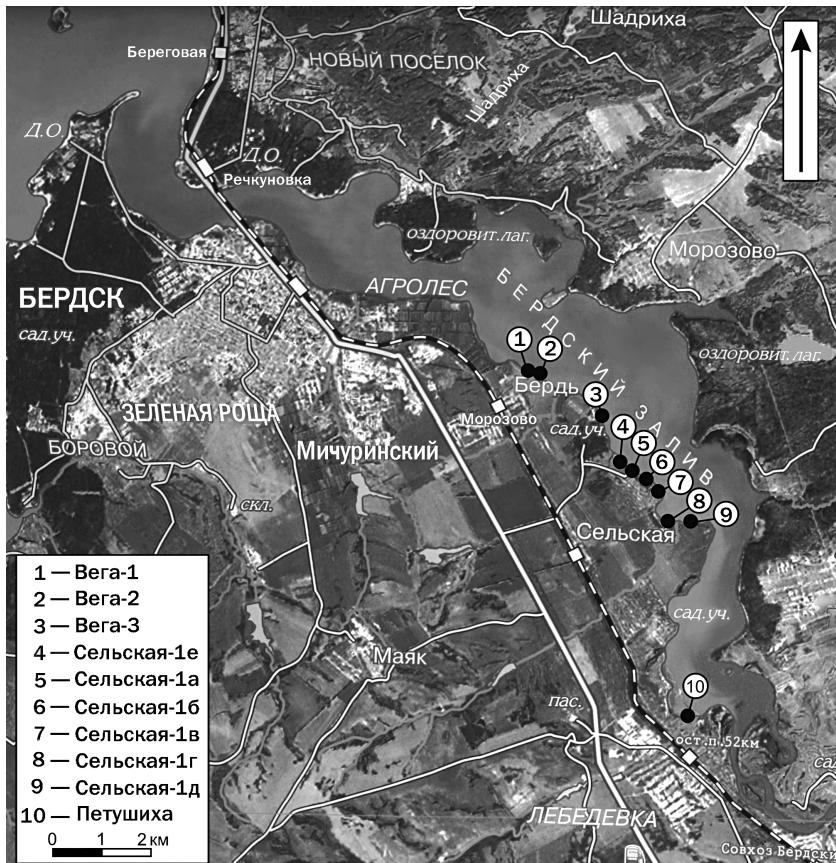

Рис. 1. Археологические памятники левобережья средней части Бердского залива.

этом участке могильника. Наиболее насыщенным керамикой оказался участок ближе к зарослям у устья реки. Само же устье недоступно, так как сильно заросло густым камышом. Поверхность памятника содержит одну западину неопределенных очертаний, скорее всего современного происхождения. По памятнику проходит проселочная дорога.

Сельская-1е (рис. 1, 4). Памятник расположен на левом берегу безымянного ручья, впадающего в Бердский залив в 1,7 км к СВ от станции Сельская и в 2,4 км к СЗ от остановочной платформы Морозово. Поверхность берега в районе сбров имеет следы построек середины прошлого века. На протяжении 20–25 м вдоль берега было собрано 46 фрагментов

керамики, из которых 7 были орнаментированы. Судя по орнаменту керамики, памятник можно отнести к ирменской культуре.

В 2000 г. ниже по течению Берди у с. Морозово были выявлены три новых местонахождения. Два местонахождения у с. Морозово расположены на берегу Бердского залива на краю выпаса. В связи с тем, что археологические памятники с названиями «Морозово-1», «Морозово-2» есть на противоположном берегу залива, чтобы не создавать путаницы, мы сочли целесообразным присвоить местонахождениям другое название – Вега, по названию дачного поселка, расположенного по другую сторону железнодорожной линии.

Вега-1 (рис. 1, 1) находится на левом берегу небольшого залива в 500 м от с. Морозово, напротив сельского дома культуры. На этом участке высота кромки берега 30–40 см. На площади 50–70 м осуществлен сбор подъемного материала, представленного десятью фрагментами керамики. Судя по единственному орнаментированному фрагменту, памятник предварительно можно отнести к эпохе бронзы. Поверхность берега имеет следы антропогенного воздействия, скорее всего оставшиеся после переноса села. Рельефных признаков памятник не имеет. Береговая кромка сильно разрушается водами залива, в связи с чем объект следует относить к аварийным.

Вега-2 (рис. 1, 2) расположено южнее в 400 м от местонахождения Вега-1. Береговая кромка к югу от места находки Вега-1, постепенно повышаясь, позже образует лог, на краю которого обнаружено несколько фрагментов керамики на достаточно ограниченной площади (5–7 м). В районе места сбора в берег встроен лодочный гараж. На поверхности берега следы памятника не прослеживаются. Выкид, сделанный при строительстве гаража и вентиляционных сооружений, материала не содержит. Напротив памятника, в 200 м на Ю-З, расположен скотный двор с. Морозово.

Оба памятника, Вега-1 и Вега-2, по всей видимости, представляют собой практически полностью уничтоженные поселения эпохи бронзы. Находятся в аварийном состоянии в связи с активизировавшейся разрушительной деятельностью вод Бердского залива.

Вега-3 (рис. 1, 3), расположено на песчаном берегу близ дачного поселка у впадения в залив небольшого ручья. На участке 15–20 м обнаружено скопление фрагментов керамики. Всего собрано 44 фрагмента, из них орнаментированы 10.

Выявление подъемного материала позволяет приблизительно очертить границы обнаруженных памятников и определить их культурную принадлежность. Полученный в результате мониторинга материал не

позволяет связывать его с расположенными почти в 3 км памятниками на противоположном берегу, которые обследовались в разное время Э. А. Севастьяновой, Т. В. Мжельской, Д. А. Ануфриевым и, вероятнее всего, относятся к средневековому периоду [2, с. 7–20]. Скорее всего, мы имеем дело с цепочкой уничтоженных водами Новосибирского водохранилища ирменских поселений (все местонахождения тяготеют к устьям малых рек и ручьев, впадающих в Бердский залив), либо речь идет об одном мощном поселении эпохи поздней бронзы, какие достаточно широко распространены в Новосибирском Приобье (Чингис-1, Милованово-3, Быстровка-4, Красный Яр-1 и др.). В некоторых случаях обнаружены фрагменты керамики II тыс. до н. э. и средневековья. Однако выявить культурный слой в обрыве береговой кромки и рельефные признаки памятников по разным причинам (прежде всего из-за активного антропогенного воздействия на эти участки в течение XX в.) не удалось.

Археологические исследования окрестностей с. Быстровка начались еще в начале 1950-х гг. За десятилетия работ, в которых приняли участие М. П. Грязнов, Э. А. Севостьянова, Т. Н. Троицкая, Е. А. Сидоров, А. В. Матвеев, А. П. Бородовский, В. А. Зах, Т. В. Мжельская, И. А. Дураков, выявлено и изучено три могильника (Быстровка-1, Быстровка-2, Быстровка-3), а также поселение Быстровка-4 и местонахождение Быстровка-5 [2, с. 51–54].

На протяжении многих лет большое значение как объект для сбора подъемного материала представляло поселение Быстровка-4, которое находится на юго-западной окраине с. Быстровка, на правом берегу устья р. Атаманихи, в месте ее впадения в Новосибирское водохранилище (рис. 2; 3). Поселение не имеет на поверхности ярко выраженных рельефных признаков. Протяженность поселенческой площадки вдоль берега р. Атаманиха составлял около 250 м, а общая площадь памятника составляла около 20 000 м². Памятник исследовался в 1970-е гг. Э. А. Севастьяновой, Т. Н. Троицкой, А. В. Матвеевым и Е. А. Сидоровым. Всего вскрыто пять жилищ ирменской культуры, материалы которых послужили основанием для выделения А. В. Матвеевым быстровского этапа ирменской культуры.

К настоящему времени памятник практически полностью уничтожен [3, с. 312, 313]. Детальную разведку удалось провести в период сезонного сброса воды, когда обнажаются значительные участки в районе Быстровки-4 (до 300–400 м). В этот период был проведен повторный осмотр этой территории, который дал многочисленную коллекцию фрагментов керамики, типичной для ирменской культуры (244), и целый ряд бронзовых, каменных и глиняных находок.

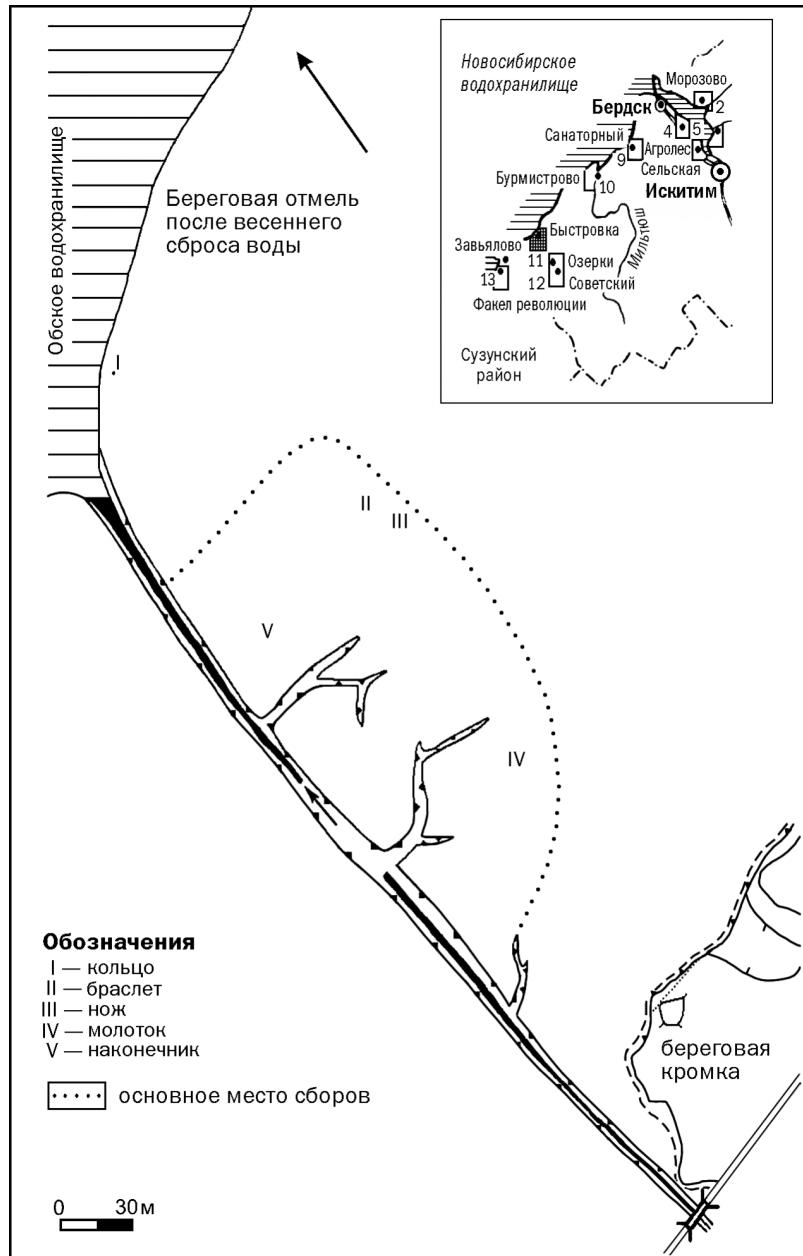

Рис. 2. План поселения Быстровка-4 (2001–2004 гг.)

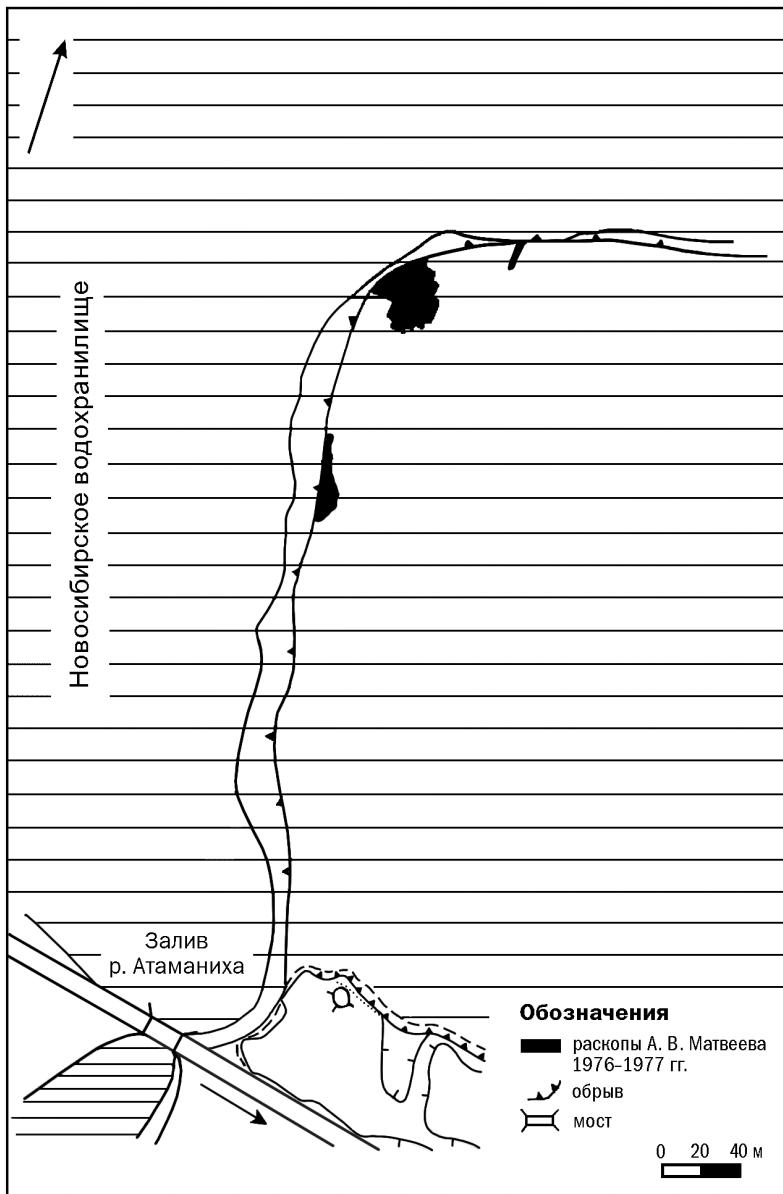

Рис. 3. План поселения Быстровка-4 (1974–2006 гг.)

Кольцо из бронзовой проволоки (рис. 4, 1) толщиной 3 мм, свернутой в 3 оборота. Диаметр 2,4 см. Аналогичная вещь была обнаружена при раскопках Быстровки-4 А. В. Матвеевым и на поселении Ордынское на противоположном берегу у с. Ордынское Ордынского района Новосибирской области М. П. Грязновым.

Литой бронзовый браслет (рис. 4, 2) 7,2 на 4,8 см. Ширина ленты 0,8 см, на концах имеет утолщения, по внутренней части проходит желоб. Подобный браслет известен из раскопок на ирменском поселении Красный Яр-1в в Кольванском районе Новосибирской области.

Нож из бронзы (рис. 4, 4). Длина – 12 см, ширина в основании 1,5 см, в самом широком месте лезвия – 2,2 см. Аналогичный нож обнаружен на этом поселении при проведении раскопок А. В. Матвеевым.

Заготовка костяного наконечника стрелы (рис. 4, 3). Общая длина 9,6 см, черешка – 4,5 см. Кроме заготовки, был обнаружен костяной наконечник стрелы со слегка намеченными шипами (рис. 4, 3). Близкая форма наконечников известна на поселениях переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (Завьялово-5).

Каменный молоток (рис. 4, 5), цилиндрической формы. Длина 11,7 см, ширина 4,6 см. Следы сработанности видны с обеих сторон. На молотке шириной 2,3 см по диаметру прослеживается полоса от крепления. Скорее всего, инструмент использовался для доводки в бронзолитейном деле.

Фрагмент керамического блюда (рис. 4, 6), скорее всего, относится к единичным предметам эпохи раннего железа, подобные которым ранее обнаруживались на ирменском поселении Быстровка-4. Предмет имеет аналогии с саргатскими изделиями Барабы. Размеры предмета составляют 11–5,5 см. Следует заметить, что в курганной группе Быстровка-2, расположенной в непосредственной близости от поселения Быстровка-4, имеется предметный комплекс явно саргатского происхождения.

В целом поверхность dna водохранилища имеет размыты от старого русла р. Атаманихи, в которые каждый год осыпаются многочисленные фрагменты керамики, после чего их можно считать окончательно утраченными. Наблюдения позволили сделать вывод о том, что вода уходит гораздо дальше раскопов А. В. Матвеева конца 1970-х гг., что позволяло надеяться на значительный подъемный материал. Кроме того, ставилась задача уточнить расположение могильников в районе с. Быстровка. Дело в том, что существуют различные трактовки (Э. А. Севастьяновой, В. А. Заха и др.) сопоставления открытых М. П. Грязновым могильников Сергеевка-1–4 и позднее описанных памятников Быстровка-1–3. Ситуация в связи со сложившимися разногласиями подробно освещена

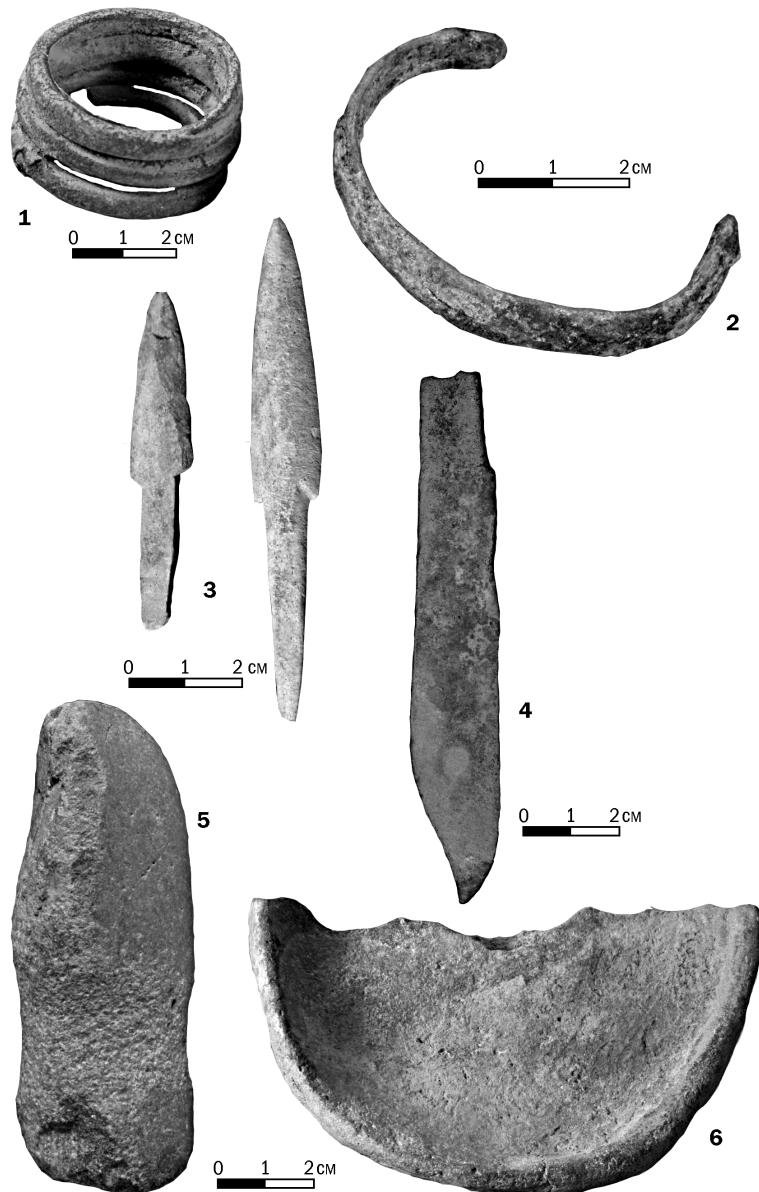

Рис. 4. Сборы с поселения Быстровка-4

в специальной публикации А. П. Бородовского [1, с. 13–15], который на протяжении ряда лет ведет работы на всех трех могильниках (Быстровка-1–3). Там же автор дает свою интерпретацию, согласно которой все три курганных могильника располагались на левом берегу р. Бороздихи, а расположенные на правом берегу он связывает с могильниками Тула, на данный момент уничтоженными водами водохранилища. Однако в полевом дневнике Э. А. Севастьяновой, обнаруженном позднее в фондах НГКМ, на схематическом плане могильник Быстровка-3 обозначен на правом берегу Бороздихи к югу от дороги Исkitим–Завьялово. В то же время размеры трех описанных ею курганов значительно превышают размеры курганов могильников Быстровка-1–3, на данном этапе практически полностью изученных. Таким образом, спутать их достаточно трудно. Кроме того, при изучении старых крупномасштабных карт удалось выяснить, что в обозначенном районе отмечались три насыпи достаточно крупного размера. В связи с этим было принято решение осмотреть указанную территорию и попытаться выявить «утерянный» могильник.

Работы велись в районе к северо-востоку от с. Быстровка. Территория предполагаемого расположения могильника интенсивно распахивается, все рельефные признаки быстро нивелируются. Осмотр местности позволил выявить только одну аморфную насыпь. На ее поверхности зафиксированы кости копытных животных, очень часто составляющие основные следы поминальных тризн на надмогильных конструкциях. Могильнику присвоено наименование Быстровка-6 (Быстровка-5 – место нахождение керамики на левом берегу устья р. Бороздихи), он расположен в в 140 м к югу от дороги на 480-м метре от моста через р. Бороздиху в сторону г. Исkitима. От устья р. Бороздихи до обнаруженного кургана 700 м к юго-востоку и от с. Быстровка 2 км к северо-востоку. Насыпь кургана прослеживается не очень четко. Диаметр объекта до 44 м, высота на данный момент составляет 0,55 м. Можно предположить, что другие курганы могильника (видимо, не менее двух) распаханы полностью. Предполагаемая курганская группа топографически занимает самое высокое положение в этой местности. Ограниченнное количество курганов и их размеры говорят в пользу того, что этот памятник является частью Быстровского некрополя (могильники Быстровка-1–3). Однако, несмотря на сильную распашку, подъемный материал обнаружен не был. В целом полученные данные не позволяют делать обоснованные выводы даже относительно характера объекта.

Маршрут мониторинга в течение 1998–2007 гг. осуществлялся в осенний и весенний период вдоль берегов Новосибирского водохранилища

по территории Искитимского района Новосибирской области: по левому берегу Бердского залива, у с. Сельская и Морозово и по правому берегу Новосибирского водохранилища в районе с. Быстровка. Регулярное обследование территории на этом участке Новосибирского водохранилища позволяет получать не только оперативную информацию о состоянии и характере разрушения известных ранее памятников, но и выявлять новые археологические объекты. Все это в целом позволяет постоянно вносить корректизы в археологическую карту Искитимского района Новосибирской области.

Литература

1. Бородовский А. П. Проблемы планиграфии быстровского некрополя // Пятьте исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 2000. С. 13–15.
2. Бородовский А. П. Археологические памятники Искитимского района. Новосибирск, 2002. 206 с.
3. Бородовский А. П., Казацкая Ю. В. Процесс разрушения археологических памятников побережья Новосибирского водохранилища (на примере ирменского поселения Быстровка-4) // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск, 2005. С. 312–313.
4. Момот Б. М., Берман Э. Д. Два новых памятника эпохи поздней бронзы на берегу Новосибирского водохранилища // Научные труды НГПУ. С. 107–117.

А. П. Бородовский, С. И. Назарова

Мониторинг археологического комплекса Березовый остров-1 (Мошковский район НСО)

Осенью 2006 г. Центрально-алтайским археологическим отрядом был проведен мониторинг археологических памятников в Колыванском и Мошковском районах. Систематический мониторинг археологических памятников позволяет выявить следы разрушений или намечающиеся деформации объектов под воздействием природного или антропогенного факторов. К сожалению, мониторинг археологических памятников Новосибирского Приобья не входит в обязательную практику, и в связи с этим не всегда можно вовремя заметить зачастую катастрофические разрушения объектов.

Среди осмотренных в ходе мониторинга памятников выделяется курганный могильник Березовый остров-1 [1, с. 153]. Памятник расположен в Мошковском районе Новосибирской области на левом берегу Оби, в 3,5 км к юго-западу от с. Черный Мыс. Могильник был открыт В. А. Дремовым и исследовался Т. Н. Троицкой (1961, 1962, 1968, 1974), А. А. Adamовым (1985, 1986) и Л. Н. Мыльниковой (2006). Памятник насчитывает около сотни курганов, и почти все они несут следы ограбления. В каче-

Рис. 1. Разрушенная насыпь кургана.

стве сопроводительного инвентаря были найдены погребальная пища, глиняные сосуды, бронзовые украшения, железные и костяные предметы вооружения, конская упряжь. Памятник датируют X–XII вв. н. э. [2, с. 106].

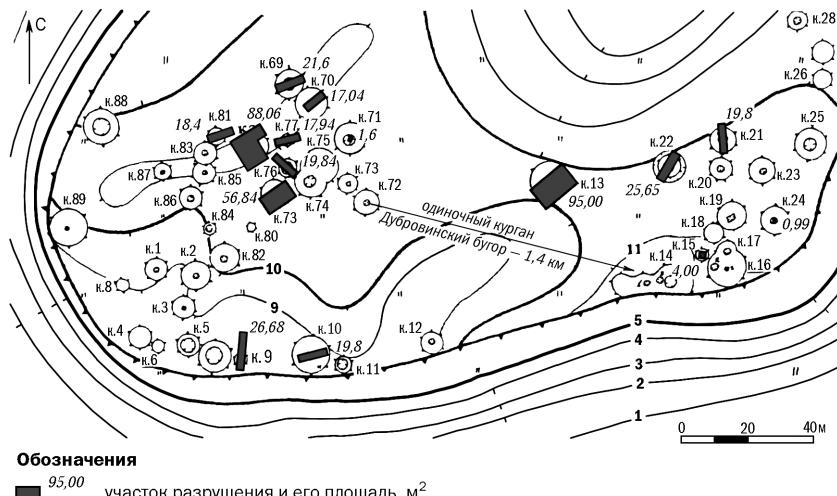
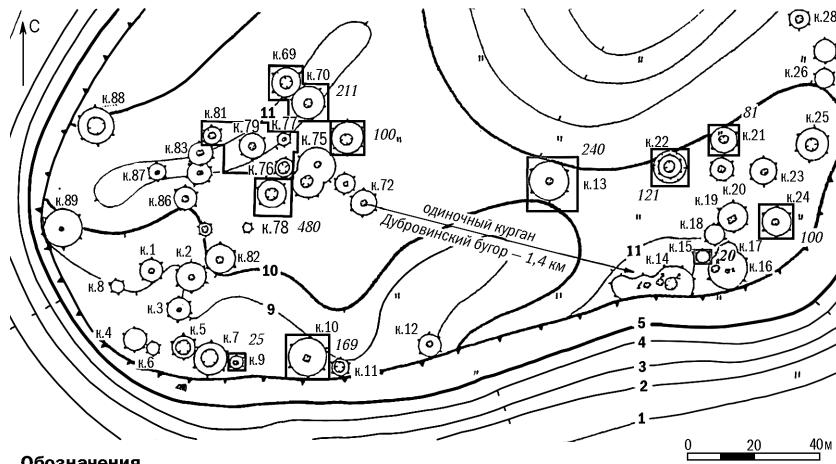

Рис. 2. План разрушений памятника Березовый остров-1 (общая площадь разрушений – 433,25 м²)

На этом объекте были зафиксированы серье зные разрушения 15 курганных насыпей. Характер разрушения – срезание большого участка насыпи экскаватором типа «Беларусь» (рис. 1). Основные разрушения были произведены на юго-восточной стороне курганной группы. Насыпи курганов срезаны частично, достаточно ровно, как правило, в центральной части насыпи.

Нами был подробно исследован курган 79. Он расположен на юго-восточной стороне курганной группы Березовый остров-1. Диаметр кургана до разрушения – 6,5 м, высота насыпи – 1,2 м. Южная пола кургана срезана на длину около 5 м. Северо-западная пола кургана сохранилась. Стратиграфия разреза следующая: дерновый слой – 8 см, чернозем – 70 см, остаток – предматериковый слой (мешаный песок), затем плотный мешаный песок. В стенке северо-западной полы по участку старой кротовины выбита грабительская ниша размером около 1 м. В нише обнаружено скопление человеческих костей (останки молодой женщины). Череп находится на юго-восточном крае в смещенном состоянии. На северо-западном краю грабительской ниши зафиксировано скопление длинных костей в потревоженном состоянии. Также обнаружены разрозненные фрагменты костей позвоночника. При переборе грунта была найдена глазчатая бусина диаметром 1,3 см.

Обозначения

спасательный археологический раскоп и его площадь, м²

Рис. 3. План спасательных археологических работ на памятнике Березовый остров-1 (общая площадь работ – 1547 м²).

После обнаружения следов разрушений мы немедленно сообщили об этом в Центр по охране историко-культурного наследия (отделение Департамента культуры) и в правоохранительные органы. Спустя некоторое время, после сбора необходимых документов, специальная комиссия из центра по охране историко-культурного наследия во главе с В. А. Суминым выехала на место происшествия вместе с сотрудниками правоохранительных органов (участковыми из г. Новосибирска и из с. Черный Мыс). Задача этой комиссии состояла в том, чтобы оценить общую площадь ущерба, нанесенного памятнику, зафиксировать повреждения всех насыпей, определить объем спасательных археологических работ и составить акт о совершении уголовно наказуемого преступления – разграбления объекта археологического наследия.

Была определена общая площадь разрушения памятника – 433,25 м² (рис. 2). Площадь разрушения насыпей курганов варьировалась от 1 до 95 м². Общая площадь спасательных археологических работ – 1547 м² (рис. 3). Акт был заверен подписями соответствующих должностных лиц, и вскоре после этого было начато расследование по поиску подозреваемых в совершении этого уголовного деяния.

По высказанным версиям, грабителей, вероятно, привлекли работы археологической экспедиции на этом памятнике в 2006 г. Возможно, виновных необходимо искать в ближайших поселениях, так как транспор-

тировать экскаватор из более отдаленных населенных пунктов было бы проблематично. Если правоохранительным органам удастся найти преступников, то это будет один из редких случаев раскрытия подобных преступлений.

Итак, мы столкнулись с уголовным преступлением по отношению к объекту культурного наследия России — археологическому памятнику Березовый остров-1. Как видно из общей характеристики памятника, могильник представляет собой достаточно богатый материал для археологических исследований. Даже сложно представить себе, насколько важные и уникальные вещи оказались в руках вандалов, так называемых «черных археологов». Именно в связи с этим хочется подчеркнуть необходимость систематического мониторинга археологических объектов во избежание совершения таких серьезных преступлений. Мы надеемся, что запланированные спасательные археологические раскопки на этом памятнике будут произведены, виновные будут найдены и наказаны, а таких случаев больше не будет зафиксировано.

Литература

1. Археологическая карта Новосибирской области / Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Новосибирск: Наука, 1980.
2. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. н. э. / Адамов А. А. Отв. ред. Нескоров А. В.; Тобольск. гос. ист.-архитектур. музей-заповедник. Тобольск, 2000.

Ю.И. Гельмель

Погребение раннего железного века из Славгородского района

Летом 2005 г. от местных жителей поступило сообщение о недавнем разграблении кургана у с. Покровка Славгородского района, обнаруженного автором во время экскурсии со школьниками в 1998 г. [1, с. 49–50, рис. 1]. Выезд на памятник полностью подтвердил полученные сведения.

Через центр насыпи в направлении ССЗ–ЮЮВ грабителями был проложен шурф длиной до 15 м, шириной около 0,5 м и глубиной около 0,9 м (рис. 1, 1А). Видимо, в северо-западной и юго-восточной частях шурфом были выявлены могильные пятна, так как здесь были сделаны многочисленные прирезки. Они образовали в юго-восточной части раскоп неправильной формы, размером приблизительно 8 × 8 м (рис. 1, 1Б). Здесь грабителями поочередно было выкопано содержимое двух или трех могил. Заполнение каждой следующей могилы использовалось для засыпания предыдущей, затем эти выбросы слились в один, поэтому визуально определить количество ограбленных могил затруднительно. Хорошо фиксируются границы только последней раскопанной и присы-

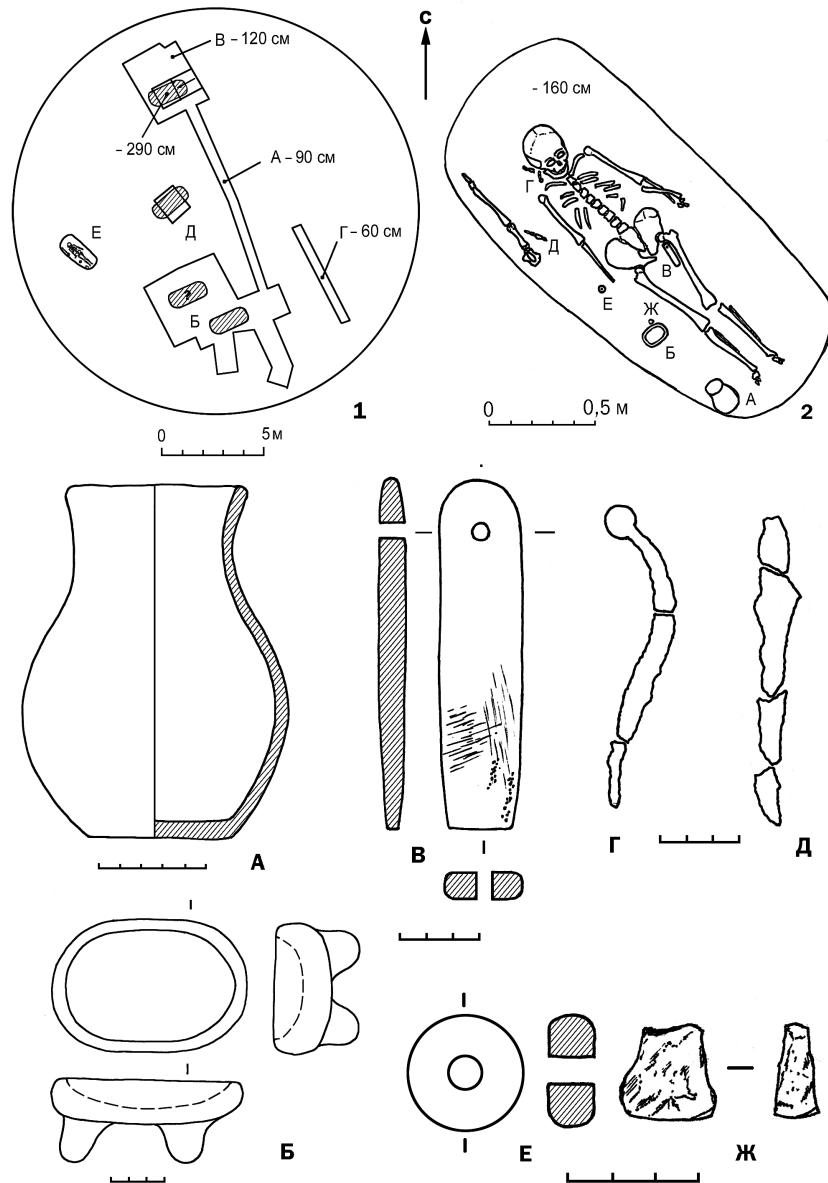

Рис. 1. Покровка. 1 – схема грабительского раскопа; 2 – план могилы по дну. А – керамика, Б, В, Е, Ж – камень, Г – железо, золото, Д – железо

панной могильной ямы размером примерно 1,8 0,8 м, ориентированной по линии ЮЗ–СВ.

Северо-западный край шурфа грабители расширили до прямоугольного раскопа размером 3,5 3,0 м. Далее в центральной части ими был выкопан колодец размером 1,0 1,0 м и глубиной 2,9 м (рис. 1, 1Б). Возможно, он повторял древний грабительский шурф, которым была ограблена находящаяся здесь могила. На дне колодца нами обнаружены лежащие в беспорядке кости человека (череп, позвонки, ребра, конечности). Параллельно первому шурфу, в 2,5 м к северо-востоку от него, грабителями был заложен второй шурф, который они начали копать с юго-востока (рис. 1, 1Г). Прокопав около 5 м и, видимо, не обнаружив могильных пятен, грабители прекратили здесь работы. Кроме того, в предполагаемом центре кургана, в 2 м от «большого» шурфа грабителями был заложен раскоп в виде колодца размером примерно 1,5 1,5 м, ориентированный углами по сторонам горизонта, который впоследствии был ими засыпан (рис. 1, 1Д).

Таким образом, в результате ограбления «черные археологи» разрушили не менее трех могил (а возможно, 4–5) кургана Покровка (рис. 1, 1).

При подчистке западной полы кургана было зафиксировано и исследовано не тронутое грабителями древнее захоронение. Овальное пятно могильной ямы располагалось в 6 метрах к З–ЮЗ от визуального центра кургана и было ориентировано по линии СЗ–ЮВ (рис. 1, 1Е). При выборке заполнения на глубине 1,2 м от современной поверхности расчищено деревянное перекрытие из жердей диаметром до 0,1 м, уложенных вдоль могилы. Края жердей опирались на материковую ступеньку, оставленную у головы и у ног покойного. Размеры ямы по дну 2,0 0,9 м (в головной части яма несколько расширяется), глубина 1,6 м.

На дне ямы располагался женский (?) скелет в положении вытянуто на спине, руки – вдоль туловища, головой на северо-запад (рис. 1, 2). Лицо направлено на юго-восток, возможно, при похоронах под головой была оставлена материковая ступенька или устроена грунтовая подсыпка. Сохранность скелета плохая, кости сильно разрушены тлением.

В южном углу могилы, у правой ноги погребенной находился глиняный кувшинчик черного цвета высотой 16 см без орнамента (рис. 1, А). Выше, у правого бедра, стоял каменный алтарик овальной формы на ножках (рис. 1, Б). На его внутренней поверхности видны четкие следы растирания красящего вещества красно-розового цвета. Рядом находилось и приспособления для растирания красителя – небольшое каменное изделие трапециевидной формы с заполированной гранью (рис. 1, Ж). У правого предплечья лежало каменное цилиндрическое пряслице

диаметром 2,5 см и толщиной около 1 см, без орнамента (рис. 1, Е). Еще выше, в западном углу могилы, находились остатки заупокойной пищи — кости конечности животного от тазовой до копыта. Рядом были расчищены остатки железного пластинчатого ножа (рис. 1, Д). У левого бедра умершей располагался каменный оселок прямоугольной формы с отверстием (рис. 1, В). Длина изделия 13 см, ширина 3 см. Имеет незначительные следы сработанности.

Рядом с черепом, справа, находились фрагменты железной заколки с шаровидным навершием, обвернутым золотой фольгой. Длина заколки не менее 12 см. Стержень изогнут, возможно, под действием коррозии (рис. 1, Г).

Устройство кургана, могилы и погребальный инвентарь, несомненно, указывают на принадлежность могильника Покровка к каменской культуре раннего железного века степного Алтая. Все материалы из этого памятника переданы в Славгородский краеведческий музей.

Литература

- Гельмель Ю. И. Археологическая разведка в Славгородском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XIII. Барнаул, 2003. С. 48–52.

С. А. Герасёв, А. П. Бородовский

Обследование археологических памятников Краснозерского района Новосибирской области

Краснозёрский район расположен в лесостепной зоне юго-западной части Новосибирской области. По территории района протекает р. Карапук и имеется большое количество озер разной величины, вдоль которых и находится большинство археологических памятников. Первые сведения о памятниках на территории района содержатся в сводке, составленной профессором Томского университета В. М. Флоринским в последней четверти XIX в. В «Археологической карте Новосибирской области» упоминаются «открытые В. М. Флоринским» Веселовский курган, Гербаевские курганы, Коневские курганы и курган Мохнатый Лог в Краснозерском районе. Всего около «села Карапукского» (современный р. п. Краснозерское) описано 17 курганов [1, с. 71–75].

К настоящему времени на территории современного Краснозерского района известен 101 археологический объект и памятник. Сложность определения местоположения некоторых археологических памятников заключается в том, что современное административное деление области, названия некоторых населенных пунктов, приводимые в работе В. М. Флоринского, не всегда соответствуют современным названиям. Многие малые деревни, небольшие речки и озера исчезли с карты района.

В «Археологической карте Новосибирской области» упоминаются три группы курганов, которые авторы обозначали как Карасукские курганы А, Б и В [1, с. 46].

Во время инвентаризации памятников Карасукского района в 2001 г. было установлено, что эти курганы в действительности находятся на территории современного Краснозерского района (переименованного в 1933 г. из Карасукского в Краснозерский, с центром в с. Краснозерском).

Если проанализировать описания мест расположения памятников, составленные В. М. Флоринским, и последующие (с 1970 г.) исследования на территории района, можно выделить две зоны сосредоточения наибольшего количества археологических памятников: а) на возвышенностях вдоль берегов р. Карасук либо на небольшом расстоянии от реки; б) в местах непосредственной близости к озерам.

Исследования, проводившиеся с 1971 по 1995 гг., выявили на территории района ряд археологических памятников и объектов, большая часть которых располагается на возвышенностях по берегам либо в небольшом отдалении от р. Карасук, а также в разветвленной озерно-болотной системе между селами района (наибольшее количество находится между селами Конево и Казанак). Между этими селами в настоящее время известны курганный могильник Конево Озеро-7, Яровое-4, Большое Займище-4 и одиночный курган Конево Озеро-1. Эти памятники подвергаются активному воздействию сельскохозяйственных работ. Последние исследования проводились в 1995 г. в рамках инвентаризации археологического наследия Новосибирской области, в результате было выявлено 12 новых памятников археологии [9, с. 72–75].

Особый интерес вызывает территория сел Мохнатый Лог и Петропавловка, разделенных р. Карасук. В археологическом отношении эта местность изучена мало, хотя в последнее время открывается много интересных фактов, требующих дополнительного изучения. В «Археологической карте Новосибирской области» описан одиночный курган «Мохнатый Лог», находящийся в 2 км к западу от села [1, с. 73]. Этот же памятник упоминается в работах В. М. Флоринского. Так как с. Мохнатый Лог по своим размерам не соответствует селу конца XIX в., то возможно, что курган уничтожен разросшейся современной застройкой.

Весной 2001 г. во время земляных работ школьниками с. Петропавловка были обнаружены скелет человека и фрагменты керамики. Экспедицией под руководством Д. Е. Ануфриева было обследовано место находки. Местонахождение получило название Петропавловка-2 и было предварительно датировано эпохой бронзы (XIII–IX вв. до н. э.). Могильник расположен в нескольких десятках метров по левому берегу р. Ка-

расук на возвышенности [9, с 75]. По воспоминаниям старых жителей с. Петропавловка, на берегу реки находился невысокий бугор, который был впоследствии распахан.

В 4 км на восток от с. Петропавловка на правом берегу р. Карасук, по рассказам старожилов села, находился могильник, состоящий из одного большого и двух малых курганов, они также расположены на возвышенности. Курганы подвергались неоднократной распашке, поэтому практически незаметны на местности. В работе В. М. Флоринского эти памятники также не фигурируют.

Летом 2003 г. во время проведения полевых сельскохозяйственных работ в 10 км по направлению юго-восток от с. Петропавловка на поверхность почвы был выпахан фрагмент каменного наконечника от дротика, датированного концом неолита – началом эпохи бронзы (рис. 1). Найденная была передана в Петропавловский краеведческий музей жителем села Алексеем Николаевичем Брянцевым. Наконечник изготовлен из сланца серого цвета, его ширина – 20 мм, длина 31 мм, толщина 5 мм. Верхняя и нижняя части находки отколоты, возможно, в результате воздействия сельскохозяйственного орудия. Месторасположение археологического материала находится в нескольких десятков метров от берега небольшой речки Курья, впадающей в р. Карасук. Предварительный осмотр места находки результатов не дал, так как на этой площади ведутся сельскохозяйственные работы. Существует большая вероятность того, что наконечник был перемещен орудием на большое расстояние от его первоначального местоположения.

Опрос старых жителей села помог выяснить наличие на территории Петропавловки как минимум двух археологических памятников. Так, в 1950 г. во время строительства зерноскладов при рытье траншей на поверхность вынимались металлические предметы, напоминающие сбрую для лошадей, и другие вещи.

Еще одним нелокализованным памятником археологии предположительно может служить малозаметная возвышенность в 3 км к юго-западу от с. Петропавловка, которая ранее подвергалась активной распашке, и в настоящее время на этом месте находится лесополоса.

Отдельно можно отметить с. Чернаки, которое находится на левом берегу р. Карасук в 15 км от с. Петропавловка. Здесь интересен факт наход-

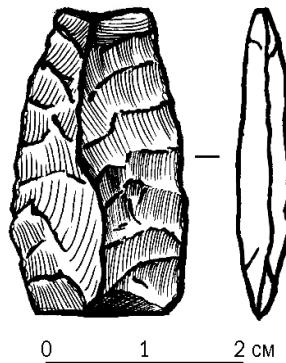

Рис. 1. Каменный наконечник из окрестностей с. Петропавловка

дения предметов палеофауны (некоторые хранятся в краеведческих музеях Краснозерского района), но археологическими исследованиями это еще не подтверждено, что говорит о необходимости изучения этой территории.

В целом концентрация археологических памятников около сел Петропавловка и Мохнатый Лог (от эпохи неолита до металла) позволяет поставить вопрос о выявлении на среднем течении р. Карасук археологического микрорайона.

Литература

1. Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 183 с.
2. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России», Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия // Археологические памятники города Новосибирска. Новосибирск: Наука, 1993. Вып. 1. 20 с.
3. Молодин В. И., Бородовский А. П., Троицкая Т. Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1996. Вып. 2. 191 с.
4. Молодин В. И., Новиков А. В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск, 1998. Вып. 3. 119 с.
5. Молодин В. И., Новиков А. В., Софейков О. В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. Новосибирск, 2000. Вып. 4. 223 с.
6. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России» // Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области. Новосибирск, 2000. Вып. 5. 99 с.
7. Бородовский А. П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск, 2002. Вып. 6. 207 с.
8. Софейков О. В., Колонцов С. В., Бородовский А. П., Ануфриев Д. Е., Кравцов Ю. В. Археологические памятники Карасукского района Новосибирской области. Новосибирск, 2002. Вып. 7. 175 с.
9. Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области // Охрана археологического наследия Новосибирской области: Метод. указания. Новосибирск, 2004. 193 с.

C. В. Горохов

Возможности применения информационных систем, построенных на базе Microsoft Office Access, в полевой археологии

В последние десятилетия объем фактической информации в археологии возрастает столь быстро, что становится трудно работать с ней без использования технических средств, позволяющих надежно хранить данные, получать к ним свободный доступ, осуществлять аналитическую обработку, представление и распространение в научных целях. Таким посредником может быть информационная система (ИС), построенная на базе Microsoft Office Access (MsOA).

MsOA – одна из самых популярных систем управления базами данных (здесь и далее под базами данных понимаются ИС). Microsoft Office (MsO) установлена на огромном количестве компьютеров, поэтому для пользователей бывает полезно получить ИС, интегрированную с другими продуктами MsO. Но, в отличие от Word или Excel, которые позволяют быстро и просто создавать пользовательские документы, Access требует определенного набора знаний.

MsOA позволяет создавать так называемые реляционные (от англ. *relation* – связь, отношение) базы данных. В них вся информация распределяется по нескольким таблицам, а между таблицами устанавливаются связи. Практически все задачи, требующие использования баз данных, можно решить с применением именно реляционной модели.

MsOA – не единственный программный продукт, позволяющий создавать базы данных, однако он обладает рядом преимуществ: 1) создан для Windows, а не для MS-DOS; 2) интегрирован в пакет программ Microsoft Office System, что облегчает обмен данными между приложениями (не надо переходить от стандарта к стандарту); кроме того, пользователям легче освоить работу с программой благодаря общности интерфейса всех приложений пакета; 3) конструктору базы данных MsOA нет необходимости владеть навыками программирования, так как многие решения, в других базах данных требующие программирования, в MsOA уже реализованы; 4) по MsOA накоплено огромное количество материалов: книг, программ, баз данных, интернет-сайтов.

Весь массив археологической фактической информации можно разделить на три группы: 1) формирующийся в полевых условиях; 2) формирующийся вне полевых условий и 3) формирующийся частично «в поле» и частично вне его. В настоящей работе рассматриваются аспекты, касающиеся первого и частично третьего пунктов. Из схемы (рис. 1) видно, что объем информации, формирующейся в полевых условиях, значителен, а значит, первоначальная ее фиксация средствами ИС в поле, без промежуточного бумажного варианта, во-первых, экономит время, во-вторых, исключает ошибки, возможные при переносе информации с одного носителя на другой, и, в-третьих, снижает вероятность безвозвратной потери данных.

Традиционно фиксация данных полевых археологических исследований происходит в форме составления полевого дневника, полевой графической и фотодокументации. Все три эти формы фиксации материала могут быть успешно интегрированы в едином программном пространстве. Например, можно дать полное описание находки (название артефакта, материал, из которого он изготовлен, его местонахождение

Рис. 1. Структура источников полного описания археологического памятника [1, с. 51]

и т. п.) и здесь же дать электронную ссылку на фотографию артефакта и фрагмент плана, на котором он указан. Для фиксации подобного рода материала требуется одна или несколько таблиц MsOA. Однако работать с несколькими таблицами при описании, например, одного артефакта неудобно. Точно так же неудобно работать с одной большой таблицей. Эта проблема решается сравнительно просто путем создания «формы» (упрощенного интерфейса ввода данных в ИС) – одного из основных элементов MsOA. Форма имеет жесткую связь с полями таблиц, на основе которых она создается, и с их содержанием. Фактически форма является альтернативным вариантом представления таблицы. Форма представляет собой поле с подписанными ячейками. Подписи соответствуют названиям столбцов таблицы, ячейки – записям в этих столбцах. Разница между таблицей и формой заключается в том, что в форме видны сразу все столбцы таблицы и только одна запись из каждого столбца. Именно такая система представления данных наиболее удобна для их ввода. При внесении изменений или дополнений в таблицу соответствующие изменения вносятся и в форму (и наоборот). Основной

принцип функционирования формы ИС основан на системе контекстно-зависимых выпадающих списков, позволяющих не впечатывать, а выбирать нужное значение из предлагаемого списка, формируемого «на лету». Для каждого поля определены жесткие ограничения на вводимое значение, чтобы свести к минимуму процент опечаток и ошибок. Такого рода формализация особенно важна при систематизации и анализе данных, введенных в ИС, так как однотипные характеристики должны быть и записаны однотипно.

Такой подход к вводу информации может оказаться особенно полезным в случае, когда есть необходимость объединить материал разных полевых сезонов с одного памятника или материал с разных памятников в рамках одной ИС.

Анализ источников базы позволяет выделить факторы, определяющие актуальность использования ИС в полевой археологии: 1) большинство материалов раскопок, зафиксированных традиционным способом, существуют в единственном экземпляре. Свободное копирование ИС на электронные носители снижает вероятность необратимой утраты материалов; 2) ИС позволяет создать сводный реестр материальных находок, фотографий вещевого материала; 3) вводом данных в разное время могут заниматься разные операторы. Формальные ограничения ИС не допускают субъективных интерпретаций одного и того же факта. Данные могут вноситься одновременно несколькими операторами ИС; 4) при необходимости упорядочить или формально проанализировать некий материал в полевых условиях и особенно при составлении отчета о раскопках использование базы данных автоматически исключает трудоемкий этап подбора необходимой информации из разных источников.

Такого рода работа может быть проведена и вне поля. Однако опыт создания цифрового архива (ИС) материалов исследований Гнездовского археологического комплекса склоняет к тому, чтобы выполнять эту работу в поле [1]. Хотя этот археологический комплекс начал исследоваться значительно раньше появления общедоступной и компактной вычислительной техники и универсального программного продукта (MsOA), на его примере можно показать, каких проблем можно было бы избежать. Это прежде всего безвозвратная потеря части фактического материала, разрозненность материала в смысле как его неупорядоченности, так и хранения в разных местах, невозможность непосредственного сравнения однотипных данных из-за различий в их записи. Всего этого можно избежать благодаря современным ИС, существенно повысив при этом качество и интенсивность исследовательской деятельности за счет передачи ИС части функций, с которыми она справится эффективнее.

Литература

1. Жуковский М. О., Пушкина Т. А. Цифровой архив материалов исследований Гнездовского археологического комплекса // Российская археология. 2005. № 1. С. 50–63.

А. М. Илюшин

Исследования аз-кыштымского средневекового погребального памятника в долине Ур

Летом и осенью 2007 г. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета продолжила аварийные раскопки на курганном могильнике Ишаново в Ленинск-Кузнецком районе, который исследуется ККАЭЭ на протяжении последних четырех полевых сезонов [1, с. 77–79; 2, с. 441–443; 3, с. 98–100; и др.]. Памятник насчитывает 10 курганов, расположенных на западной и северо-западной окраинах с. Русскоурское и находится в аварийном состоянии из-за воздействия антропогенных и природных факторов (выпаса скота, прокладки асфальтированной и грунтовых дорог, строительства углепровода, сооружения жилых и хозяйственных построек, распашки огородов, поднятия уровня грунтовых вод, нор грызунов и др.). Результаты раскопок в 2004–2006 гг. позволили предварительно датировать памятник развитым и поздним средневековьем и отождествлять с шандинской археологической культурой и культурой аз-кыштымов – крупного племени, проживавшего в этот исторический период в долине среднего течения р. Ур [3, с. 98–100]. В 2007 г. были завершены раскопки двух курганов – № 4 и № 10, начатые еще в предшествующем полевом сезоне.

Курган № 4 располагался в центральной части памятника. Параметры курганной насыпи, со слов информаторов, значительно уменьшились в два последних десятилетия в результате просадки грунта, а раскопки позволили установить ее частичное разрушение грабительскими шурфами и норами животных. В процессе исследования был выявлен ров подчетырехугольной формы с заоваленными углами 24,90–22,10 22,25–19,15 м, который длинной осью был ориентирован по линии ЗЮЗ–ВСВ и имел вход в ВСВ части. Во рву глубиной более 1 м на разных глубинах и в разных местах были зафиксированы следы поминальной тризны (ребра и челюсти лошади и барана). Кроме этого, во рву были найдены одиночный фрагмент венчика и скопление фрагментов двух орнаментированных керамических сосудов. В ходе исследования кургана были выявлены размеры округлой земляной курганной насыпи диаметром 18,70 м и высотой 0,95 м от уровня материка. При разборке насыпи кургана на различных ее участках и глубинах были найдены

кости животных, единичные и скоплениями фрагменты керамической посуды и фрагмент полиметаллического зеркала (рис. 1). В северо-западной части насыпи на глубине 0,60 м было выявлено «впускное» захоронение грудного ребенка. Под насыпью в центральной части кургана были зафиксированы два наземных погребения: ребенка и шкуры лошади на глубине 0,90 м – и четыре грунтовые могилы овальной (3, 5 и 6) и подчетырехугольной (могила 2) формы, в которых были захоронены взрослые люди. Все грунтовые могилы были ориентированы длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. В 2 м на ВСВ от края могилы 3 был установлен деревянный столб диаметром 0,1 м, который был углублен в материк и на 0,12 м возвышался над ним. Центральная могила 3 поминально-погребального комплекса была разграблена еще в древности. По фрагментам костей скелета, найденным в грабительском перекопе, можно предполагать, что в ней был погребен мужчина. Расположение захоронения шкуры (манекена) лошади, ориентированной головой на ЗЮЗ, в 0,2–0,3 м к северу от могилы 3 позволяет предполагать, что они являются остатками единого погребального ритуала. Все захоронения людей совершены по обряду ингумации в вытянутом положении на спине и ориентированы головами на ВСВ. Детское захоронение было без погребального инвентаря, а в могилах взрослых людей обнаружены единичные предметы: железный наконечник стрелы, бусы, бисер и фрагмент бронзовового зеркала. При исследовании могил 2, 5 и 6 было установлено различное заполнение грунтовых могильных ям в южной и северной частях. Это указывает на хронологический разрыв после захоронения человека в южной части могилы и сооружения северной, в исследуемых случаях пустой части могилы. Последнее, вероятно, связано с ритуалом захоронения лошади или другого животного спустя определенное время.

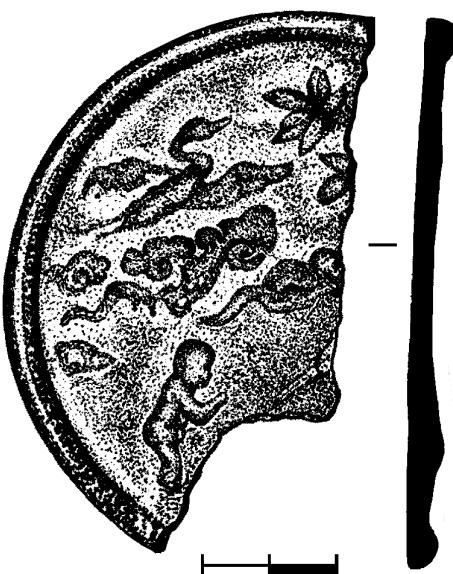

Рис. 1. Фрагмент зеркала (курган № 4, насыпь); белый металл (серебро)

ленное время (40 дней, 1 год и др.), который бытовал у тюркоязычных народов Центральной Азии, в том числе у этносов Кузнецкой котловины, в средневековые и новое время. Сам факт сооружения погребально-го ложа для туши животного и ее отсутствие в могиле свидетельствуют о том, что на момент сооружения исследуемого кургана у аз-кыштымов имели место зафиксированные этнографами у других тюрко- и монголоязычных народов Центральной Азии случаи, когда в бедных семьях лошадей покойников не погребали вместе с ними, а отдавали еще более бедным родственникам либо платили ими долги или продавали [5, с. 36–37; и др.].

Среди находок, обнаруженных при раскопках этого кургана, особо выделяются комплексы керамической посуды, которые имеют аналоги в материалах развитого и позднего средневековья, а также фрагмент круглого зеркала диаметром 8,5 см с узким ровным бортиком из белого металла с темной патиной. Внизу на зеркале имеется изображение ребенка, а вверху – летящий аист среди облаков и цветок. Единичные аналоги этой находки имеются в коллекциях Красноярского краевого и Минусинского краеведческого музеев, археологического музея Томского государственного университета и в древностях Китая и Кореи XI–XIII вв. [4, с. 76].

Курган № 10 располагался в юго-восточной части памятника. Его насыпь была полностью разрушена при строительстве автомобильной дороги. В процессе раскопок был выявлен ров подчетырехугольной формы с заоваленными краями 21,75–19,50 15,80–10,85 м, который длинной осью был ориентирован по линии З–В и имел вход в восточной части. В северной и южной частях рва были зафиксированы следы поминальной тризны (зубы и кости лошади). В процессе раскопок были выявлены приблизительные размеры окружной земляной курганной насыпи диаметром 11,25 м, а ее высота на момент исследования составляла 0,5 м от уровня материка. Под насыпью были выявлены одна грунтовая яма с остатками ритуальной пищи (кусок мяса с позвонками животного), четыре грунтовые могилы и четыре деревянных столба диаметром 0,10–0,18 м, установленных в ряд на расстоянии 0,57–0,85 м друг от друга по линии Ю–С. Последние располагались под восточной полой насыпи кургана, были углублены в материк на 0,12–0,32 м и возвышались над ним на 0,04–0,42 м. Могилы располагались под насыпью кургана в центральной части (могилы 1 и 2) и в северной части (могилы 3 и 4). Все они имели овальную форму и были ориентированы длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. Центральная могила 1 была ограблена в древности. В заполнении и на дне могилы удалось зафиксировать единичные

кости скелетов взрослого человека и лошади и сделать ряд находок (фрагменты железного котла, конской упряжи и сабли). Вероятно, у южной стенки могилы был погребен всадник, ориентированный головой на ВСВ, а у северной стенки была погребена его лошадь, ориентированная головой на ЗЮЗ. Все захоронения взрослых людей в других могилах были совершены по обряду ингумации в вытянутом положении на спине и ориентированы головами на ВСВ. В могиле 2, вероятно, был погребен мужчина-воин с набором стрел, а в могилах 3 и 4 – женщины, украшенные бронзовыми кольчатыми серьгами и в одном случае с сопутствующим набором конской упряжи. Такие находки, как плоские наконечники стрел трапециевидной формы, короткая сабля (общая длина 69–70 см, а клинка 59 см), железные двустворчатые удила с массивными кольчатыми псалиями, позволяют датировать этот курган в пределах XIII–XIV вв.

В результате раскопок 2007 г. были завершены плановые исследования курганного могильника Ишаново, которые пополнили копилку источников по средневековой истории аборигенного населения Кузнецкой котловины.

Литература

1. Курганный могильник Ишаново – памятник культуры аз-кыштымов в Кузнецком Присалайрье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Материалы региональной науч.-практ. конф. Вып. XIV. Барнаул, 2005. С. 77–79.
2. Илюшин А. М., Борисов В. А., Сулейменов М. Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 441–443.
3. Илюшин А. М., Борисов В. А., Бутьян В. А., Сулейменов М. Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. № 1. С. 98–100.
4. Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). М., 1975. 239 с.
5. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. 2-е изд. Горно-Алтайск, 2005. 1026 с.

К. Ю. Кирюшин, С. С. Матренин

Бирюзовая Катунь-3 – новое погребение тюркской культуры на левобережье нижней Катуни

В 2004–2006 гг. в ходе выполнения работ по созданию археологического парка «Перекресток миров» на территории туристического комплекса «Бирюзовая Катунь» (Алтайский район Алтайского края) сотрудниками АлГУ и ИАЭТ СО РАН были произведены раскопки нескольких погребальных и ритуальных сооружений тюркской культуры. В 2004 г.

П. И. Шульга вскрыл одиничный курган у подножия Большой Тавдинской пещеры. В 2005 г. К. Ю. Кирюшиным и А. В. Кондрашовым изучены одиничный курган и поминальная ограда Бирюзовая Катунь-1. В 2006 г. около поминальной ограды обнаружены обломки антропоморфного изваяния (см. статью К. Ю. Кирюшина и В. В. Горбунова в настоящем сборнике). В том же году К. Ю. Кирюшиным и С. С. Матрениным исследованы поминальная ограда Бирюзовая Катунь-2 и одиничный курган Бирюзовая Катунь-3. К настоящему моменту изданы пока только материалы кургана Бирюзовая Катунь-1 [5, с. 339–343; 6, с. 211–216]. Если учесть немногочисленность изученных на сегодняшний день комплексов раннего средневековья на северной периферии Горного Алтая, особенно на левобережье Нижней Катуни, актуальным представляется введение в научный оборот всех памятников, выявленных в данном районе. В настоящем сообщении полностью публикуются результаты исследования одного из таких объектов Нижне-Катунской археологической экспедиции Алтайского госуниверситета в полевом сезоне 2006 г.

Одиничный курган Бирюзовая Катунь-3 обнаружен в 4,5 км от устья р. Тавдушки вверх по течению Катуни, в 0,15 км юго-восточнее туристической дороги, идущей вдоль береговой зоны туркомплекса. Ближайший от него памятник, Бирюзовая Катунь-1, был удален на 1,5 км ниже по течению Катуни [5, с. 91]. Курган располагался недалеко от края первой надпойменной террасы реки, в толще хвойного массива. На фоне лесной растительности он хорошо выделялся по отдельно выступающим окатанным камням. Сооружение имело следы недавнего антропогенного воздействия: почти в центре размещалось костровище, частично разрушенным был верхний слой кладки юго-западной полы. После снятия дерна и зачистки выявлена полусферическая насыпь округлой в плане формы 3,75 × 3,42, высотой 0,55 м, сложенная из галечника без использования земляного и песочного грунта. По ее периметру отчетливо фиксировалась крепида размерами 3,05 × 3,4 м, у южного края которой найдено несколько обломков керамического сосуда (рис. 1, 1). В пределах крепиды располагалась могила с неправильными прямоугольными очертаниями длиной 2,4 м, шириной 1,5 м, направленная длинными сторонами по линии СЗ–ЮВ (рис. 2, 1). Она оказалась вырыта в галечнике, являвшемся строительным материалом террасы, и забутована камнем на всю свою глубину (0,56–0,63 м) вперемежку с гумусом в верхних слоях и речным песком в нижней части (рис. 1, 2). Ее параметры на уровне дна составили 2,1 × 1,31 м. Внутри ямы содержалось не потревоженное одиничное захоронение взрослого человека, уложенного на спину с вытянутыми конечностями и ориентированного головой на юго-восток

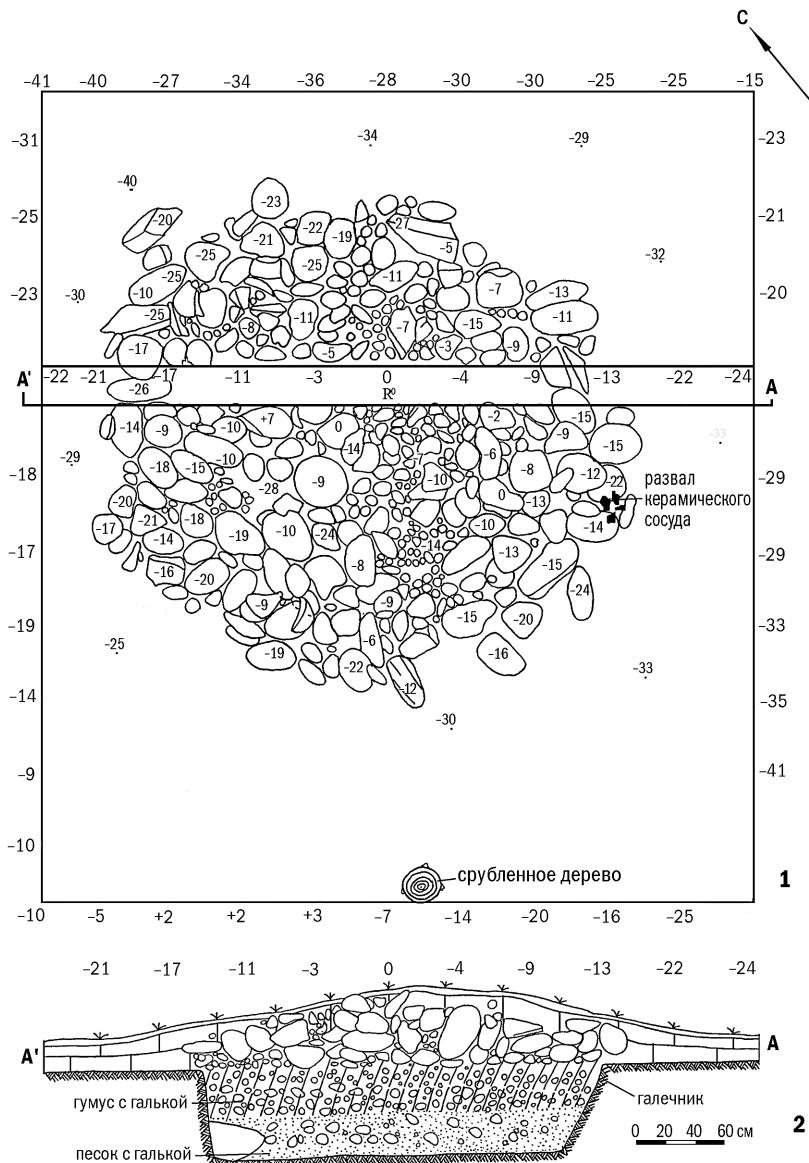

Рис. 1. Бирюзовая Катунь-3. 1 – общий и нивелировочный план насыпи; 2 – разрез насыпи и могильной ямы.

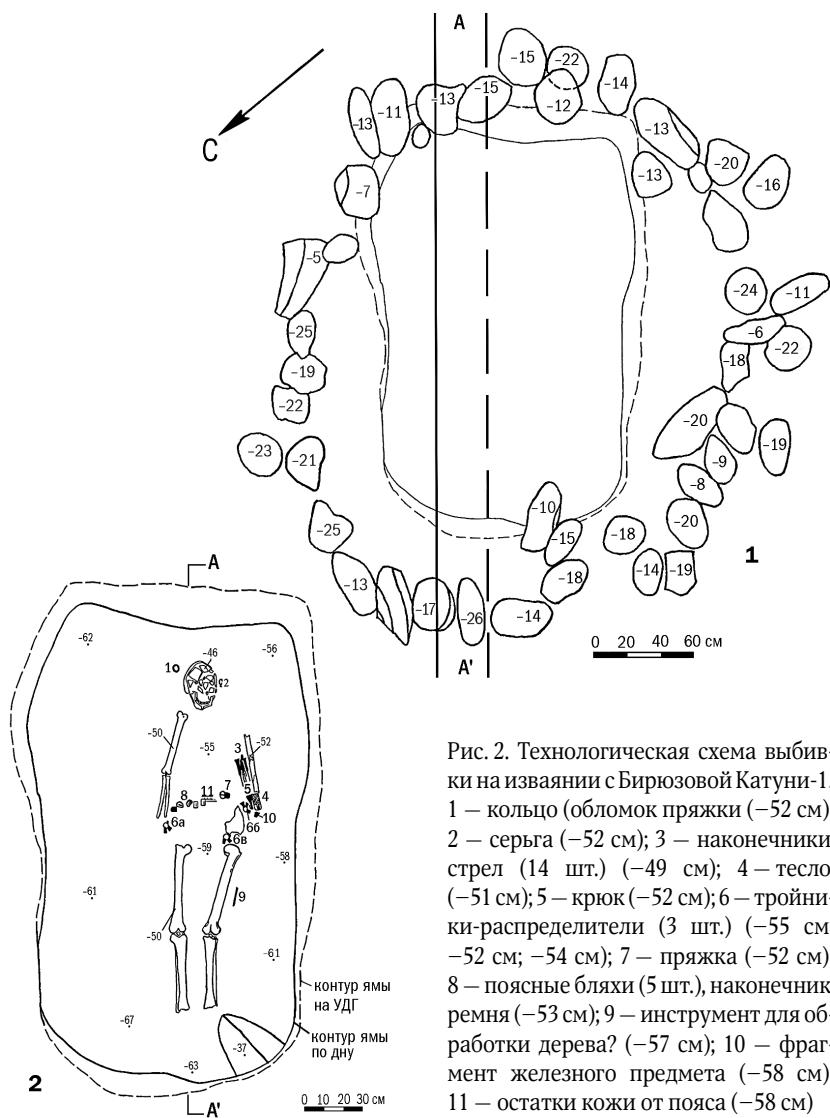

Рис. 2. Технологическая схема выбивки на изваянии с Бирюзовой Катуни-1.
 1 — кольцо (обломок пряжки (-52 см);
 2 — серьга (-52 см); 3 — наконечники стрел (14 шт.) (-49 см); 4 — тесло (-51 см); 5 — крюк (-52 см); 6 — тройники-распределители (3 шт.) (-55 см; -52 см; -54 см); 7 — пряжка (-52 см);
 8 — поясные бляхи (5 шт.), наконечник ремня (-53 см); 9 — инструмент для обработки дерева? (-57 см); 10 — фрагмент железного предмета (-58 см);
 11 — остатки кожи от пояса (-58 см)

(рис. 2, 2). Сохранность всех костей скелета очень плохая, многие из них были раздавлены тяжестью грунта. Полностью отсутствовали позвонки, ребра, фаланги. С умершим располагался довольно многочисленный сопроводительный инвентарь, представленный следующими ка-

тегориями вещей. С внутренней стороны локтевого сустава левой руки находились 14 железных наконечников стрел (рис. 3, 1–14). В районе таза в разных частях расчищены детали стрелкового пояса, включавшего железные крюк-застежку и три кольцевых тройника с подвижными застежками лопастями (рис. 3, 15–18). Немного выше этого снаряжения зафиксирована гарнитура основного наборного пояса: бронзовые пряжка со щитком, прямоугольный с округлой передней частью наконечник ремня, четыре бронзовых и одна железная бляхи-накладки сегменто-видной и прямоугольной формы с прорезью (рис. 4, 5–11). С левой стороны черепа лежала серьга из цветного металла (рис. 4, 12), а с правой стороны – железное кольцо (рис. 3, 15). У левого локтя размещалось железное тесло (рис. 4, 2). Еще один железный предмет, по-видимому, инструмент для обработки дерева, выявлен с внешней стороны левого бедра (рис. 3, 19).

По признакам погребального обряда и составу найденного инвентаря данный курган, безусловно, входит в круг памятников тюркской археологической культуры. Время его возведения достаточно уверенно может быть определено в рамках 2-й половины VII – 1-й половины VIII вв. по довольно типичному для катандинского этапа комплексу изделий, особенно предметам поясной гарнитуры [1, с. 61, 67–68, рис. 7; 3, рис. 3, 4; 3, табл. 23, 90, 91, 98–100, 103, 104, 125, 128–129; 7, с. 115–118, рис. I–VIII; 9, с. 162; и др.]. Данную датировку подтверждают бронебойные наконечники стрел с четырехгранным пером четырехугольной формы без выделенного острия, использовавшиеся тюрками Горного Алтая до середины VIII в. [2, 2006, с. 35, 41, рис. 38]. Такой хронологии не противоречат трехлопастные наконечники с треугольным, шестиугольным, килевидным абрисом пера, предметы воинской экипировки, серьга, орудия труда. Ко 2-й половине VII – 1-й половине VIII вв. относится курган Бирюзовая Катунь-1 [5, рис. 1, 2; с. 343]. К настоящему моменту данные погребения маркируют северную границу расселения носителей тюркской культуры на Алтае в эпоху существования Второго Восточно-Тюркского каганата (682–744 гг.).

Интересными представляются некоторые детали погребального ритуала описанного комплекса. Достаточно указать на расположение кургана поблизости от края первой надпойменной террасы Катуни (ее высота над уровнем поймы составляет чуть более 5 м) и устройство захоронения в толще галечника на небольшой глубине. Обнаруженные в насыпи фрагменты лепного керамического горшка светло-коричневого цвета со слегка отогнутым наружу рассеченным венчиком (рис. 4, 1, 3, 4) не находят пока аналогий в опубликованной коллекции целой глиняной

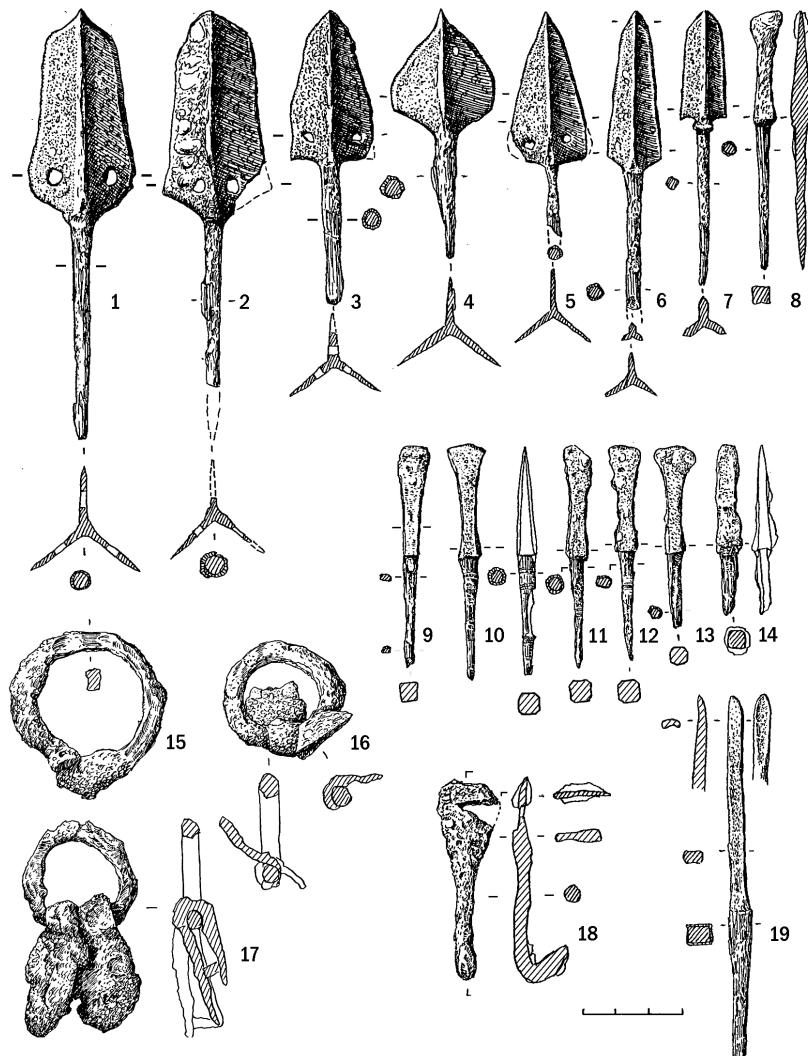
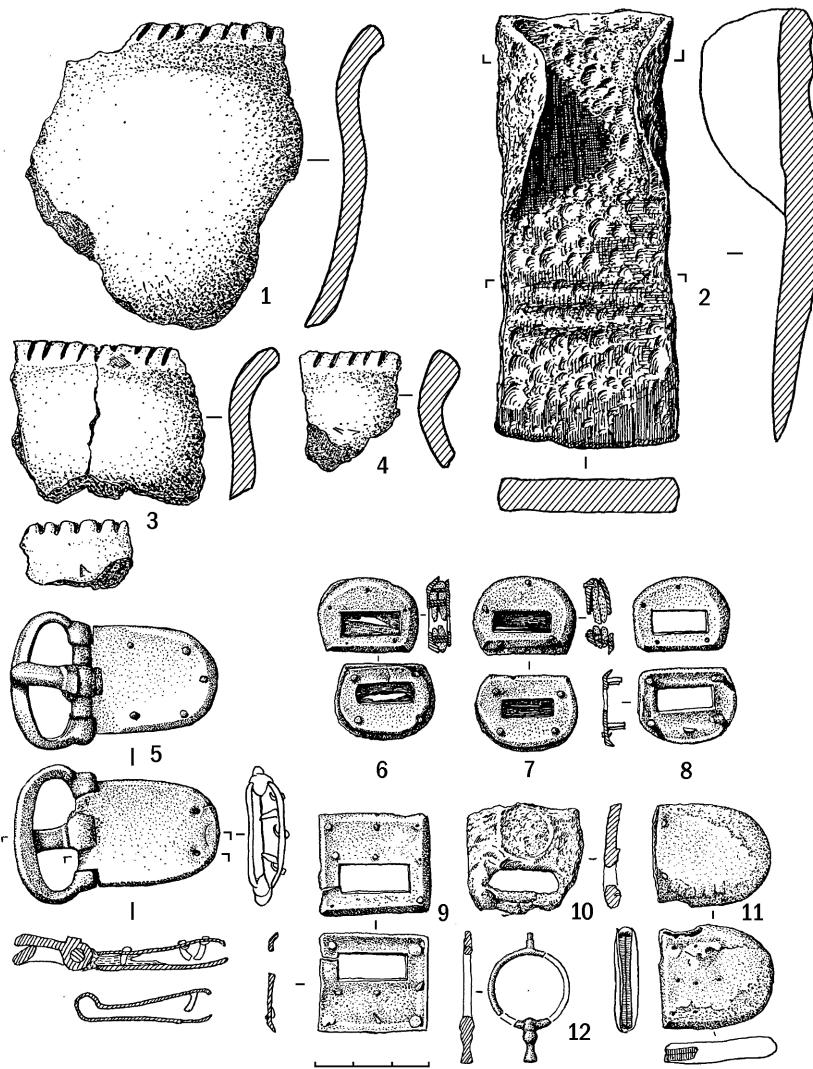

Рис. 3. Бирюзовая Катунь-3. Предметный комплекс

посуды из тюркских памятников Горного Алтая. Тем не менее похожая орнаментация внешнего края сосуда засвидетельствована на горшке из скального детского погребения Юстыд, а также на памятнике Джаргалаинты с территории Монголии [3, рис. 17, 14, табл. 56, 1]. Аналогичное

Бирюзовая Катунь-4. Предметный комплекс. 1, 3, 4 – керамика, 2, 10 – железо; 5, 6–9, 11, 12 – бронза

рассечение венчика имеется на обломке железного котла тюркского времени, обнаруженного в заполнении могилы кургана пазырыкской культуры на могильнике Тыткесекень-VI [8, рис. 1, 3]. Упакованные керамиче-

ские венчики встречаются в средневековых слоях поселенческих комплексов Северного Алтая, хотя подобный тип украшения там не представлен [10, рис. 11, с. 148, 151, рис. 9, 10].

Несколько необычной чертой выглядит отсутствие сопроводительного захоронения лошади, считающегося одним из диагностирующих показателей тюркской погребальной традиции. Одиночная ингумация представлена сейчас менее чем в 20 горно-алтайских курганах второй половины V – XI вв., и в большинстве случаев она, по-видимому, связана с иной этнической принадлежностью похороненных таким образом людей (конечно, нельзя исключать, что этому могли быть также причины социального и религиозного характера), включенных в состав тюркской общности.

В заключение следует добавить, что раскопанный курган Бирюзовая Катунь-3 был перенесен на территорию археологического парка «Перекресток миров», где после восстановления своего первоначального облика он пополнил группу ранее музеефицированных погребальных и ритуальных конструкций тюркской культуры.

Литература

1. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 144 с.
2. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.
3. Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
4. Киришин К. Ю., Кондрашов А. В., Семибраторов В. П. Археологическое обследование в Алтайском районе по левому берегу р. Катунь в 2004 г. (перспективы использования археологических объектов в сфере туризма) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул, 2005. С. 90–94.
5. Киришин К. Ю., Кондрашов А. В., Семибраторов В. П., Силантьева М. М., Терехина Т. А. Исследование памятников древнетюркского времени на территории Бирюзовой Катуни в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI. Ч. I. С. 339–343.
6. Киришин К. Ю., Силантьева М. М., Семибраторов В. П., Терехина Т. А. Палеоботанические данные по материалам исследований кургана Бирюзовая Катунь-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XV. Барнаул, 2006. С. 211–216.
7. Мамадаков Ю. Т., Горбунов В. В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. 1997. № 2. С. 115–129.
8. Матренин С. С. Находки предметов эпохи средневековья с памятника Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVII. Барнаул, 2007 (в печати).
9. Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

10. Шульга П. И. Поселение Чепош-2 на Средней Катуни // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106–123.
11. Шульга П. И. Поселение Партизанская Катушка на Катуни // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 146–164.

К. Ю. Кирюшин, В. В. Горбунов, П. В. Волков

Тюркское изваяние с Бирюзовой Катуни

Памятники тюркской культуры на левобережье Нижней Катуны пока изучены в небольшом количестве. Это связано как с малым объемом проводимых полевых археологических работ, так и с пограничным характером данного района для ареала тюркской культуры. Тем не менее на сегодняшний день в результате обследования территории природного парка «Бирюзовая Катунь» в 2003–2006 гг. выявлен целый ряд различных тюркских памятников:

1 – одиночные курганы: Тавдинские пещеры-1 (исследован П. И. Шульгой в 2004 г.), Бирюзовая Катунь-1 (исследован А. В. Кондрашовым в 2005 г.) и Бирюзовая Катунь-3 (исследован С. С. Матрениным в 2006 г.);

2 – поминальные оградки: Бирюзовая Катунь-1 (исследована А. В. Кондрашовым в 2005 г.) и Бирюзовая Катунь-2 (исследована С. С. Матрениным в 2006 г.).

Кроме того, в 2006 г. в результате обследования по р. Усть-Уба была документально зафиксирована наскальная руническая надпись 2-й половины IX – XI вв., которая пока является самым северным объектом в корпусе горно-алтайских рунических памятников [4].

В данной публикации мы приводим результаты исследования поминального комплекса с памятника Бирюзовая Катунь-1.

Одиночный курган и оградка Бирюзовая Катунь-1 располагались в 3 км от устья р. Тавдышка вверх по течению р. Катунь на второй надпойменной террасе, на небольшом мысу, на его самой высокой точке, в 20–25 м от берега реки. Курган и оградку разделяло расстояние в 40 м по линии ССЗ–ЮЮВ [1].

Поминальная оградка первоначально была полностью задернована, и на поверхности прослеживалось лишь небольшое холмообразное образование. После его расчистки выявилось подквадратное сооружение из вертикально установленных крупных плоских речных галек (в среднем размером до 0,45–0,55 м). Размеры оградки 1,75 × 1,7 м, высота 0,35 м. Углами она ориентирована по сторонам света с небольшими отклонениями. ЮВ и СЗ стенки оградки состояли из трех основных камней, а ЮЗ и СВ стенки – из четырех основных камней. Углы и стенки оградки подпира-

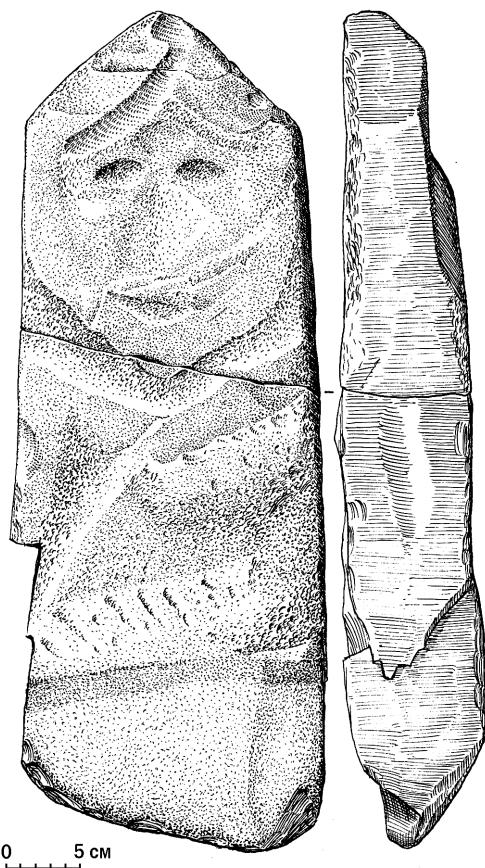

Рис. 1. Визуальная прорисовка изваяния с Бирюзовой Катуни-1.

В 2006 г. в восточной стороне раскопа обнаружен обломок каменной плиты, на котором прослеживалось антропоморфное изображение. Этот фрагмент апплицировался с другим обломком каменной плиты, найденным в ходе исследования А. В. Кондрашовым поминальной оградки. В результате удалось восстановить каменное изваяние (рис. 1), стоявшее изначально у ЮВ стенки оградки, вероятнее всего, в центре каменного кольца-гнезда. Изваяние сделано из плоской плиты, толщиной от 9 до 10 см, длиной 53 см, шириной от 17,5 до 20 см, слегка трапециевидной

лись средней галькой, дно было выложено уплощенным камнем и сверху забутовано неоднородным слоем из мелкого рваного камня и галечника вперемешку с землей. С юго-восточной стороны к оградке примыкало скопление из средней гальки, часть которого образовывала подобие каменного кольца или гнезда. У одной из внешних стенок найдены два фрагмента керамики из толстого теста, темно-коричневого цвета, один орнаментирован крупным жемчужником.

Исследованная оградка по всем своим признакам относится к одиночным поминальным сооружениям тюркской культуры. Судя по датируемым находкам, имеющимся в аналогичных оградках, на территории Горного Алтая они возводились со второй половины V до середины X вв. н. э. [7, с. 117–118, рис. 1–3; 6, с. 168–170, рис. 1].

формы, с треугольным верхним краем и скошенным нижним краем. Боковые грани и верхняя часть артефакта подшлифованы. На плите визуально просматриваются следы выбивки, оформляющие нижний контур лица. Несколько хуже, но достаточно отчетливо прослеживаются следующие детали: рот, глаза, головной убор. В остальных случаях искусственные следы обработки были визуально неразличимы. Однако интересную информацию дал трассологический анализ изваяния.

Поверхность изучавшейся плиты имеет относительно среднюю сохранность. При общем трассологическом обследовании материала применялся бинокуляр МБС-10 с односторонним боковым освещением наблюдаемого объекта и с дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат. При детальном функциональном анализе дополнительно использовались специализированные микроскопы МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения от 19 до 95 крат и мощным двусторонним бесценевым освещением.

Использование специально разработанной методики исследования поверхности каменной плиты (мощные источники освещения объектов и адаптированная оптическая аппаратура) позволило выявить дополнительные детали в оформлении изваяния: усы, руку с сосудом и пояс (рис. 2).

Изображение деталей лица выполнено техникой глубокой выбивки каменным инструментом с затупленным, скругленным рабочим краем. Нижний контур лица передает приостренный подбородок и широкие скулы. Рот выполнен в форме широкого треугольника, глаза имеют миндалевидную форму. Центральная часть лица между глазами и ртом скошена предположительно иным каменным инструментом. Рабочий край этого орудия имел угловатые, заостренные очертания. Вероятно, что целью таких действий было обезображивание лица в месте, где находился нос. Помимо этого, на лице обнаружены следы поверхностной выбивки, сделанной каменным инструментом с затупленным, скругленным рабочим краем. В этой технике выполнен правый прямой ус. Видимо, левый ус был уничтожен вместе с носом.

Верхний контур головы изваяния симметрично заострен, напоминая по форме шапку-башлык. Над глазами, в той же технике глубокой выбивки, сделаны две перпендикулярные линии-канавки, передающие нижний край головного убора в виде треугольной выемки над переносьем. Изображения шапок с аналогичными налобными вырезами есть на тюркских изваяниях из местности Кеме-Кечу в Горном Алтае [5, табл. XXV. – 151, 153]. Одно из этих изваяний по изображению поясной гарнитуры можно датировать не ранее середины VII в. н. э.

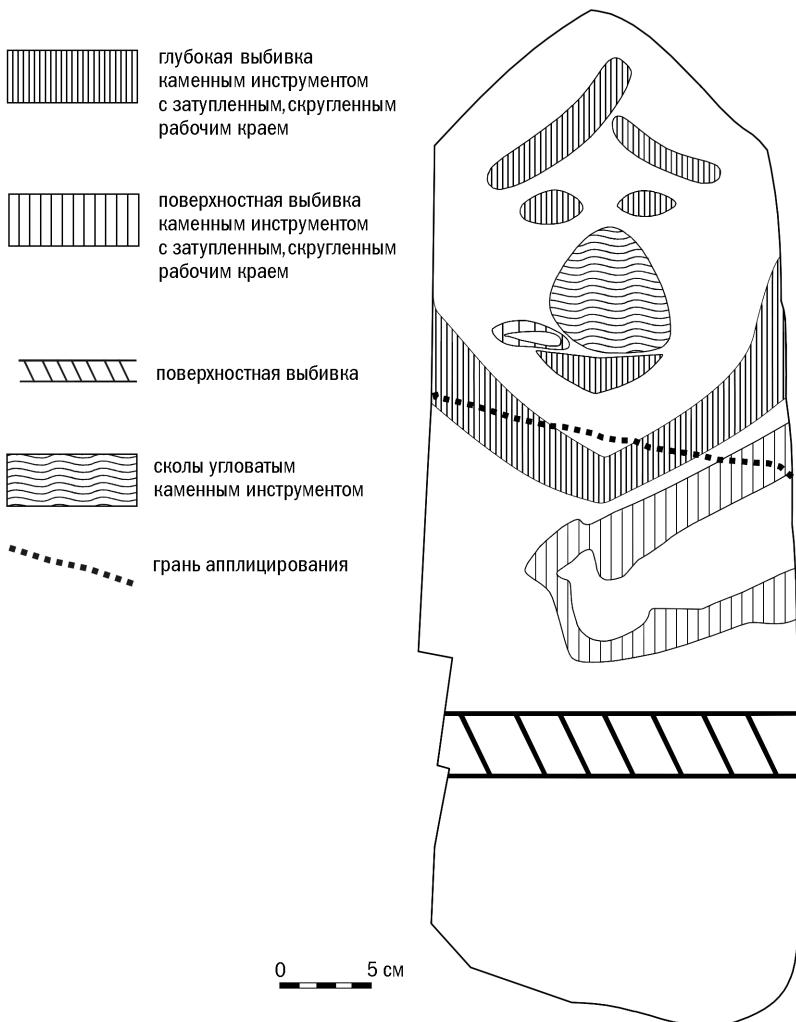

Рис. 2. Следы обработки, непосредственно создававшие детали изваяния (1–3);
 осквернения (4) (сколы угловатым каменным инструментом); разрушения (5)
 (граница апплицирования)

Единственная левая рука изваяния выполнена поверхностью выбивкой с применением каменного инструмента с затупленным, скругленным рабочим краем. В этом процессе использовались особенности рельефа камня, выбивка подчеркивала минимальный внешний контур. Рука

наклонена к поясу и заканчивается изображением сосуда. Последний имеет вытянутое тулово и профилированный венчик. Такие сосуды во множестве присутствуют на тюркских изваяниях, а их реальные прототипы из дерева и металла встречаются в оградках и курганах тюркской культуры. Несколько необычным выглядит нахождение сосуда в левой руке, но и этой редкой особенности можно найти аналогии, например у тюркского изваяния в уже упоминавшейся местности Кеме-Кечу [5, табл. XXVI. – 158].

Изображение пояса на изваянии выполнено очень схематично, также в технике поверхностной выбивки. Он находится ниже руки и представляет собой широкую и мелкую линию-канавку, пересекающую изваяние по всей ширине. Несмотря на различную глубину выбивки деталей изваяния, можно уверенно сказать, что она сделана одним инструментом, синхронно и в единой технике, за исключением поврежденного участка носа (рис. 2).

В настоящее время каменное изваяние в летнее время экспонируется около поминальной оградки, реконструированной и музефицированной в 2005 г. у подножия Большой Тавдинской пещеры на территории археологического парка «Перекресток миров».

В целом датировку поминального комплекса с Бирюзовой Катунь-1, учитывая аналогии изваянию, можно определить в рамках 2-й пол. VII – 1-й пол. X вв. н. э.

Литература

1. Киришин К. Ю., Кондрашов А. В., Семибраторов В. П. Исследование одиночного кургана на древнетюркского времени на территории природного парка «Бирюзовая Катунь» в 2005 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2005 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул: БГПУ, 2006. Вып. 2. С. 46–52.
2. Киришин К. Ю., Кондрашов А. В., Семибраторов В. П., Силантьева М. М., Терёхина Т. А. Исследование памятников древнетюркского времени на территории «Бирюзовой Катуни» в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. XI. Ч. I. С. 339–344.
3. Киришин К. Ю., Семибраторов В. П., Силантьева М. М., Терёхина Т. А. Палеоботанические данные по материалам исследования кургана Бирюзовая Катунь-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука. 2006. Вып. XV. С. 211–217.
4. Киришин К. Ю., Горбунов В. В., Данышин О. В. Руническая надпись с реки Усть-Уба (Алтайский район Алтайского края) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2006 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул: БГПУ, 2007. Вып. 3. С. 57–59.
5. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

6. Неверов С. В., Горбунов В. В. Древнетюркские поминальные оградки Средней Катуны // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Вып. VI. С. 167–170.
7. Соенов В. И., Эбель А. В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. (Археология и этнография). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. № 3. С. 115–118.

Ю.Ф. Кирюшин, В.П. Семибраторов, С.С. Матренин, К.Ю. Кирюшин
Работы Катунской археологической экспедиции в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г.

В 2007 г. Катунской археологической экспедицией АлтГУ были продолжены аварийные исследования в зоне строительства Алтайской ГЭС (Чемальский район Республики Алтай), начатые в предыдущем полевом сезоне [2–5]. Целью работ являлось изучение археологических комплексов на второй и третьей правобережных террасах Катуны от устья р. Тыткескень до впадения р. Бийка. Предполагается, что этот участок в ближайшие годы будет использован под резерв грунта для строительства плотины гидроэлектростанции. Раскопкам предшествовало сплошное обследование данной площади и картографирование как вновь выявленных, так и уже известных объектов, позволившее представить полную картину расположения памятников на данном участке. Данная публикация посвящена краткому обзору результатов раскопок в следующих пунктах.

Берсюкта-І. Располагается на второй террасе в 0,8 км выше устья р. Тыткескень. Цепочка из двух курганов афанасьевской культуры по линии Ю–С в виде каменных оград-колец диаметром до 10 м, высотой 0,45–0,5 м с грунтовым заполнением внутреннего пространства. В кургане № 1 исследовано одиночное захоронение взрослого человека в могильной яме 2,1,4 м, глубиной 1,45 м. Умерший покоялся на спине с подогнутыми ногами, головой ориентирован на восток. При нем находился плоскодонный керамический сосуд с небольшими ручками, орнаментированный по всей поверхности. Скелет был обильно посыпан охрой. В кургане № 2 на глубине 1 м обнаружено ограбленное погребение взрослого человека, ориентированного первоначально головой в восточный сектор. В могиле в большом количестве встречалась охра. Инвентарь отсутствовал.

Берсюкта-ІІ. На этой же террасе в 660 м к югу от предыдущего памятника раскопано два кургана, образующих цепочку с ЗСЗ на ВЮВ. Курган № 1 представлял собой полусферическую овальную наброску 9,35 × 9,2 м, высотой 0,45 м, преимущественно из рваного камня. В яме 2,43 × 1,86 м, глубиной 2,7 м зафиксирована деревянная рама с перекрыти-

ем, внутри которой находился взрослый человек на правом боку с согнутыми ногами, головой на ЮВ. Вдоль северной стенки ямы размещалось захоронение лошади с ориентацией в ту же сторону, что и умерший. В погребении обнаружены: железный кинжал и удила, бронзовые гривна, колчанной крюк, пластиначатое изделие, развал керамического сосуда, остатки ритуальной пищи в виде костей овцы. Курган принадлежит к пазырыкской культуре. В кургане № 2 с оградой-кольцом 10,8 9,1 0,5 м вскрыта ограбленная могила размерами 2,1 1,05, глубиной 1,15 м, относящаяся к афанасьевской культуре. Вещей она не содержала.

Чобурак I. Погребально-поминальный комплекс расположен в 3,4 км на ЮЮВ от устья р. Тыткескень, к ЮЗ от одноименного ручья. Памятник открыт и частично исследован в 1988–1990 гг. А. П. Бородовским (1994). В группе погребальных объектов изучено два кургана афанасьевской культуры с каменными оградами-кольцами и земляным заполнением, диаметром от 10 м. Они содержали одиночные захоронения на спине с подогнутыми ногами, головой на В и ЮВ, с обильными следами охры. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. В насыпи кургана № 2 найдено металлическое шило. Раскопкам были также подвергнуты шесть квадратных и шесть кольцевых ритуальных оградок тюркской культуры из небольших вертикально установленных плит или массивных каменных блоков. Среди квадратных сооружений это два одиночных (№ 6, 11) и две пары рядом стоящих объектов (№ 7–10), с длиной стенок от 2,3 до 4,75 м. Почти все они были ориентированы углами по сторонам горизонта. Внутри оградок № 7–11 находились одна, иногда две ямы (в оградке № 10 с остатками деревянного столба) диаметром 0,45–0,5 м, глубиной 0,3–0,5 м. С восточной стороны объектов № 7–9 зафиксированы поваленные стелы, а в одном случае балбал. За исключением фрагментов керамики и мелких костей лошади, в оградке № 9 находок не было. Кольцевые рядом стоящие оградки (№ 15–18, 21, 22) диаметром 2–3,25 м, высотой до 0,45 м размещались в основном цепочкой с СЗ на ЮВ. Сверху их перекрывала каменная насыпь. С северо-западной стороны ограды № 21 установлена стела. В оградке № 15 исследовано захоронение копытного животного.

Чобурак II. В 1,24 км к СЗ от предыдущего некрополя исследовано три кургана пазырыкской культуры, локализованных цепочкой с ЮЗ на СВ. Это были полусферические каменные наброски диаметром до 10 м, высотой 0,5–0,75 м, в двух случаях с кольцевой крепидой. В кургане № 1 в заполнении могилы глубиной 2,75 м встречались разрозненные кости человека, лошади, позвонки овцы. На ее дне прослежены остатки деревянной рамы. Несмотря на ограбление, найдены развалы двух керамиче-

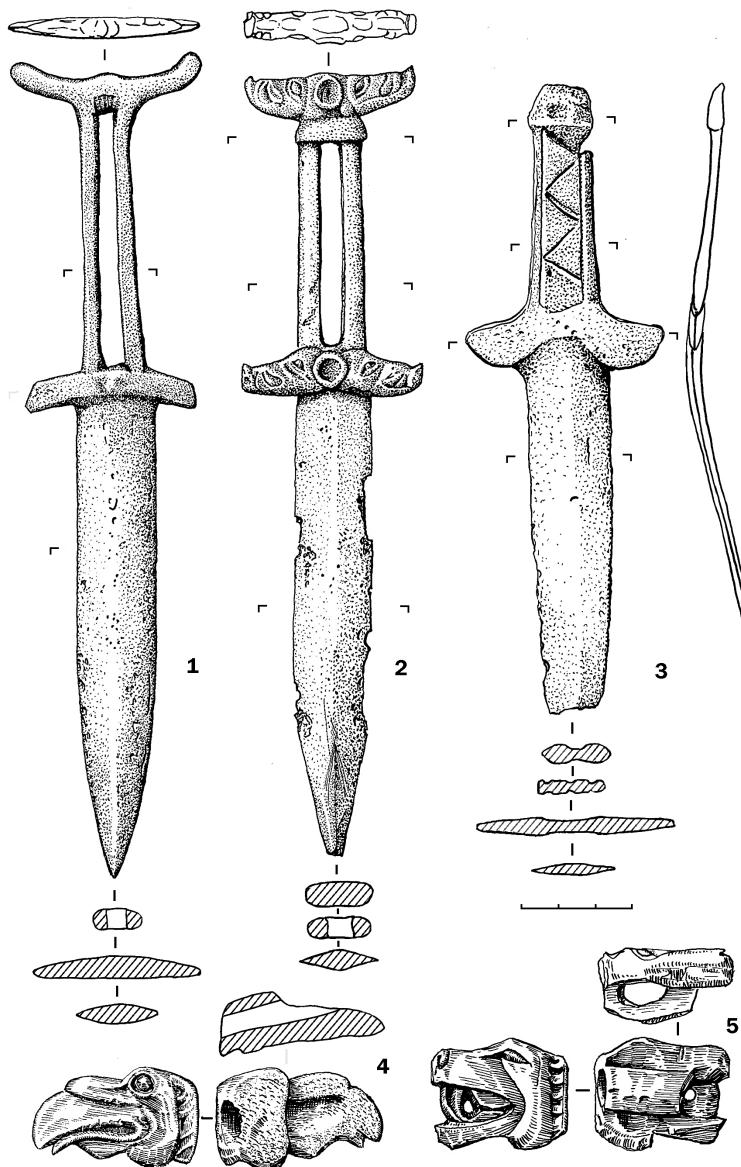

Рис. 1. Предметный комплекс из погребальных памятников, исследованных в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. 1—Чобурак II, курган № 1; 2, 4, 5 — Чобурак II, курган № 2; Бике III, курган № 13. 1—3 — бронза; 4, 5 — кость.

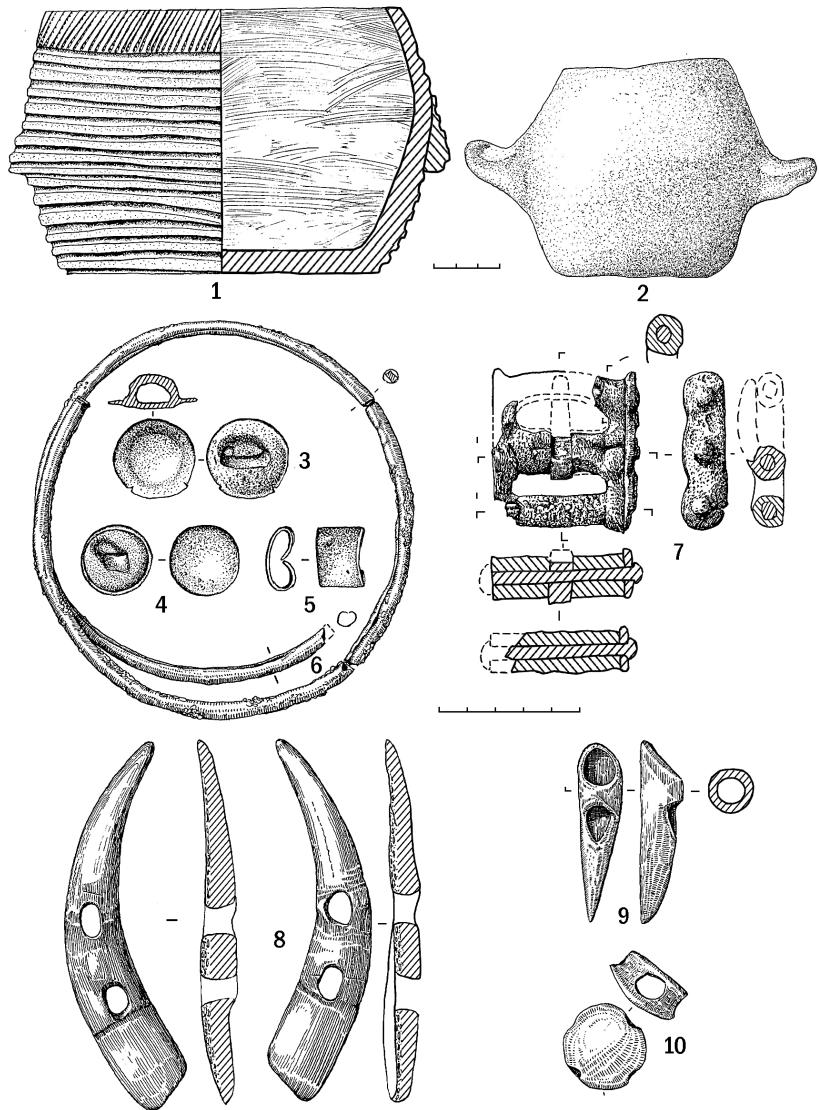

Рис. 2. Предметный комплекс из погребальных памятников, исследованных в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. 1 – Берсюкта-1, курган № 1; 2, 8–10 – Чобурак II, курган № 2; 3–5 – Чобурак II, курган № 3; 6 – Берсюкта II, курган № 1; 7 – Бике IV, курган № 1. 1, 2 – керамика. 3–6 – бронза, 7 – железо кость, 8–10 – кость.

ских сосудов с орнаментом, бронзовый кинжал, фрагменты железного предмета. В остальных курганах в ямах глубиной до 1,5 м также находились деревянные рамы. Внутри этих камер были захоронения трех человек с одной и двумя лошадьми вдоль северной стенки, частично перекрывавших покойных. Умершие укладывались на правый бок с согнутыми ногами и ориентировались головами на ЮВ. Обнаружены остатки ритуальной мясной пищи (пояснично-крестцовая часть овцы). В кургане № 2 в могиле на глубине 0,2 м зафиксирована каменная обкладка с захоронением человека вытянуто на спине, головой на ЮВ, без вещей.

Из коллективных погребений происходят: бронзовый кинжал с изображениям кабанов, бронзовые вотивные чеканы, колчанные крюки, ножи, поясные обоймы, бляхи-подвески от конского снаряжения, костяные наконечники стрел, распределители ремней, в том числе в виде головы тигра и хищной птицы, псалии, пряжка-блок, застежка, украшение узды, клык-подвеска, каменный курант, керамическая посуда.

Чобурак III. Одиночный курган афанаасьевской культуры 11 10,5 м, высотой до 0,55 м, к западу от Чобурак-II. В пределах ограды-кольца выявлена яма 2,1 1,35 м. В верхнем слое ее заполнения обнаружен остродонный сосуд, украшенный мелкими наколами. На глубине 1 м находилась деревянная рама с перекрытием, внутри которой – захоронение взрослого человека на спине с согнутыми ногами, головой на СВ. В погребении отмечены множественные следы охры.

Бике III. Могильник на второй террасе в 1,5 км ниже устья р. Бийка. Памятник известен прежде всего по результатам изучения объектов скифского времени [6]. В 2007 г. раскопаны два кургана пазырыкской культуры. Под насыпями диаметром 8–12,5 м, высотой 0,35–0,55 м (в одном случае с крепидой), находились ямы глубиной более 2 м с деревянными рамами. В кургане № 14 совершено захоронение человека на правом боку, с согнутыми ногами, головой на ЮВ, в сопровождении коня вдоль северной стенки. С умершим обнаружены развал керамического кувшина, железный нож, обрывки золотой фольги. Аналогичное по обряду ограбленное погребение было в кургане № 13. В нем найдены бронзовые кинжал и чекан, керамические сосуд и пряслице, фрагмент золотой фольги.

Бике IV. Выявлен в 200 м севернее Бике-III на третьей террасе рядом с горой. Состоит из шести курганов и одной выкладки, расположенных в основном цепочкой с СЗ на ЮВ. Изучено три объекта. Курган № 1 с мощной полусферической насыпью 10 10,25 м, высотой 0,75 м, из рваного камня и кольцевой крепидой содержал ограбленное погребение раннего средневековья. В могиле 3,12 2 м, глубиной до 1,1 м, обнаружены

кости подростка (?) и двух лошадей. Умерший первоначально был ориентирован головой на ЮВ и отделен от животных каменной перегородкой. Инвентарь представлен железными стременами и обкладками седла, железно-роговой подпружной пряжкой. Остальные курганы относились к бийкенской культуре. Это уплощенные каменные насыпи диаметром 6,2–7,4 м, высотой 0,35–0,55 м с кольцевыми выкладками, внутри которых на уровне древнего горизонта в каменном ящике или в неглубокой яме устраивалась ингумация человека скорченно на левом боку, головой на З и ССЗ. В кургане № 2 обнаружена стела, а с юго-западной стороны раскопана выкладка с захоронением лошади, ориентированной чепропом на СЗ. В кургане № 3 найдена бронзовая кольцевая серьга.

Таким образом, в результате работ Катунской экспедиции в 2007 г. было изучено 27 погребальных и ритуальных сооружений, относящихся к афанасьевской (6), бийкенской (2), пазырыкской (6), тюркской (13) археологическим культурам. Аналогии полученному сопроводительному инвентарю и конструкциям ритуальных объектов позволяют определить хронологию этих комплексов:

афанасьевская культура – вторая половина – III тыс. до н. э.;

бийкенская культура – VIII–VI вв. до н. э.;

пазырыкская культура – конец VI–IV вв. до н. э.;

туркская культура – вторая половина V–X вв.

Комплексное изучение этих материалов с учетом продолжения полевых исследований в следующем полевом сезоне предоставит новые возможности для реконструкции этнокультурных процессов в Северном Алтае в древности и средневековье, а также уточнения хронологии памятников.

Литература

1. Бородовский А. П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.
2. Киришин Ю. Ф., Кунгurov A. L., Семибраторов В. П., Киришин К. Ю., Шмидт А. В. Неолитический комплекс поселения Тыткескень-6 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 146–150.
3. Киришин Ю. Ф., Кунгurov A. L., Тишкун А. А., Матренин С. С. Завершение работ на погребально-поминальном комплексе Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 353–357.
4. Киришин Ю. Ф., Семибраторов В. П., Кунгurov A. L., Грушин С. П. Материалы эпохи бронзы с поселения Тыткескень-VI на Средней Катуни // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 365–369.

5. Кирюшин Ю. Ф., Семибраторов В. П., Кунгурев А. Л., Тюрина Е. А., Грушин С. П. Исследование афанасьевского захоронения на памятнике Тылтескенъ-VI // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 370–372.
6. Кубарев В. Д. Бике-І, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катуни // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. № 7. С. 120–145.

B. B. Орлов

**Особо охраняемые территории и газопровод «Алтай»:
судьба петроглифов**

В последние годы мировое сообщество все большую роль отводит охране и бережному хозяйствованию на участках нетронутой природы. Ведь они являются центрами биоразнообразия и выполняют стабилизирующие функции в биосфере Земли. И еще важнее становится задача их сохранения в горных регионах, ибо там берут начало многие крупные реки.

То, что Алтайские горы являются уникальным биосферным регионом Евразии, подтверждено включением в 1998 г. пяти территорий в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО.

На самом Алтае есть уникальный природный узел, имеющий мировую природную и культурную значимость. Он протянулся с северо-запада от горы Белухи на юго-восток до отрогов Монгольского Алтая. Его центр образует горный массив Табын-Богдо-Ола. Близ его «пяти священных вершин» сходятся границы России, Монголии, Китая и Казахстана, что делает его символом единства всех народов. Из этого района начинаются Катунь и Иртыш, Ховд и Бухтарма. Вокруг массива расположены особо охраняемые зоны: Катон-Карагайский национальный парк (Казахстан), национальный парк Кanas (Китай), национальный парк Таван-Богд (Монголия) и две территории Всемирного природного наследия: Катунский заповедник и зона покоя Укок (Россия) (рис. 1). Вот в это «сердце» Евразии и направлена стрела газопровода «Алтай».

В экспедиции 2007 г. мы прошли по предполагаемой трассе этого газопровода, по ее конечному участку: вдоль р. Чуя, через горы, по старому Колгутинскому тракту, рекам Колгуты и Ак-Алаха до перевала Канас. Газопровод пройдет по практически единственному пути, который многие века был маршрутом миграции народов. Там повсюду остались свидетельства их жизни, искусства, обрядов и верований от палеолита до этнографического времени.

Наиболее значимы для понимания истории и образа жизни предков курганные захоронения и петроглифы, включая runические надписи

Рис. 1

тюроков. Именно на писаницах я и сделаю акцент: музей уже более полу века занимается поиском, описанием, копированием петроглифов, широко пропагандирует необходимость сохранения и изучения рисунков и надписей. В разные годы мы обследовали практически все писаницы (и открыли для науки 6 новых), собрали уникальную коллекцию петроглифов и их макалентных копий (рис. 2).

Проходящая по правому берегу р. Чуя трасса газопровода вместе с дорогой и полосой отчуждения неминуемо разрушит около десятка писаниц. Причем в их число войдут самые доступные для посещения, ведь до любой из них от Чуйского тракта не более 200 м. Еще необходимо отметить, что их разрушение неминуемо и в случае, если газопровод пойдет через Монголию.

У многих людей нет четкого представления о петроглифах Алтая. Их культурное и историческое значение для большинства абстрактно. Я хочу показать, что рисунки на камнях – это высокое искусство без скидок на прошедшие тысячелетия, и они достойны быть сохраненными для потомков, как скульптуры древней Греции или полотна эпохи Возрождения. Вместе с вами мы пройдем правым берегом Чуи по писаницам, которые обречены на исчезновение в случае прокладки газопровода «Алтай», и полюбуемся на произведения больших художников минувших эпох.

Рис. 2

В полукилометре от устья Чуи – писаница Ак-Узюк: около 40 композиций, но каких! Самые старые рисунки можно датировать мезолитом. Посмотрите, как гордо стоит северная олениха с олененком (только у северных оленей самки, выкармливающие потомство, не сбрасывают рога. Северный олень ушел с Алтая много веков назад, а память, запечатленная в камне, осталась с нами). Как веет мощью от вепря, выбитого художником бронзового века. Какой баран с солярными рогами смотрит на нас из глубины времен.

И, пожалуй, это самое богатое место на рисунки тюркского времени, выполненные в стиле граффити. С какой тщательностью художник середины I тысячелетия н. э. вырезал своим кинжалом сцены охоты, всадников, различных животных и фантазийного зверя – грифона, стерегущего золото. Какая пластика движений, как все персонажи стремительны и грациозны! Не случайно очень хороший рисовальщик, преподаватель худграфа Бийского педагогического университета, однажды заметил: «Чтобы так чувствовать природу, надо жить среди этих животных».

Следующей на пути нам встретится писаница Чуй-Оозы. На ней около двух десятков рисунков. Грациозный винторогий козел махор сосед-

ствует с «Георгием-победоносцем бронзового века» — всадником, сражающимся с драконом. Дракон намного крупнее героя и, как в лучших традициях, имеет четыре лапы, крылья и длинный змеевидный хвост.

Однако лучшие рисунки этой писаницы сделаны в период расцвета скифской культуры, в VI—V веках до н. э. Лани и олени, многофигурные композиции, выполненные в известном теперь во всем мире скифо-сибирском зверином стиле, восхищают. А кабан может служить сегодняшним художникам и дизайнерам образцом декоративного искусства.

Теперь побываем на Калбак-Таше — узкой вытянутой от гор к реке сопке, на которой за 6 с лишним тысячелетий появилось около пяти тысяч рисунков разных стилей, сюжетов, эпох, выполненных в различной технике. Энеолитические быки соседствуют здесь с колесницами бронзового века, мезолитические беременные оленихи — рядом с «мордами» афанасьевской культуры, эротические сцены перемежаются с картинами охоты. Однако на то, что многие века здесь было святилище, указывают «полотна» на сакральные темы: похороны, жертвенные животные, камы и женщины-шаманки и т. п. На скалах огромное количество быков, перекрашенных под оленя и с оленеподобными рогами. Есть здесь и рисунки скифского времени, а завершают это великолепие тюркские граффити и руническая надпись.

В последние несколько лет делаются попытки в рамках национального парка сохранить петроглифы, оставив при этом возможность их посещения. Однако желание слабо подкрепляется финансами, а один экскурсовод не в силах уберечь памятник от вандалов.

Еще десяток километров, и нас встречает Чуйская стела (рис. 3). На ней выбиты и кинжал (что закономерно), и колчан со стрелами (что встречается крайне редко). А на скалах позади нее — полтора десятка рисунков, примерно в интервале двух тысяч лет. Здесь и олень, и змея, и руническая надпись. Любят приезжающие туристы это место.

Далее пойдут писаницы с одной-двумя композициями, но зато какими! В распадке Сакыйла герой эпоса Кутульдей гонится за оленем, уносящим на рогах солнце, убивает его и возвращает людям свет и тепло. Как

Рис. 3

созвучна эта картина мифу об Орионе и быке. А в соседнем распадке Серпек большое «полотно» о похождениях героя (а кто еще может оставлять за собой следы?), хотя на кого он охотится в этот раз, не видно — слишком много утрат на камне. Зато, к счастью, сохранился уникальный рисунок летящего козла. Потом в урочище Серлукой еще будет кабарга, в которой местные жители увидели динозавра, затем опять олени...

В Орталыке трасса закончит свои разрушения исторических мест на Чуе, поднырнет под реку и уйдет в горы. И здесь возможны варианты. По опубликованной трассе через Тархаты по старой колгутинской дороге, по правому берегу р. Калгуты до ее впадения в Ак-Алаху газопровод уничтожит еще две писаницы.

«Колгутинский рудник» с самыми древними, по мнению академика В. И. Молодина, рисунками на Алтае. Ее быков и лошадей он датирует XII–XIV тысячелетием до н. э. Мезолитические тамги и олени бронзового века придают этой писанице разнообразие, показывая, что это святилище использовалось тысячелетиями.

И закончит свой разрушительный поход газопровод, уничтожив Бертекскую писаницу, имевшую явно сакральный смысл, ведь ее стена прямо смотрит на уникальный горный массив Табын-Богда-Ола. Ее верблюды и олени великолепны как произведения искусства и значимы как святилище народов от афанаасьевской культуры до тюрков (IV тысячелетие до н. э. — V–VII вв. н. э.).

По второму варианту, изложенному членами экспедиции «Газпрома» пограничникам, газопровод может пройти в горы по р. Жумалы, через перевал Акколь сразу на левый берег Ак-Алахи. При этом варианте наиболее вероятен маршрут по рекам Елангаш (вверх) и Кара (вниз). В долине р. Елангаш — самая крупная писаница Алтая. На протяжении 12 км там обнаружено около 90 тысяч рисунков. Для науки и культуры такое изменение маршрута не несет облегчения.

Конечно, можно снять копии (при наличии средств и времени), но копорит, загадочность и восторг от соприкосновения с древними рисунками исчезнут навсегда. Надо много раз взвесить сиюминутную экономическую выгоду и полную утрату культурного наследия многих народов.

В то время как мы пренебрежительно относимся к своей природе и истории, Китай, например, в национальном парке каждую травинку бережет и газопровод по парку через перевал Бетсу-Канас не пускает. А другой сосед — Казахстан — имеет государственную программу консервации, изучения и представления туристам петроглифов. У нас же Росприроднадзор весьма резко высказался о ситуации в заказнике Верхнебикинский в Приморском крае, куда пытались войти иностранные ин-

весторы: «Мы обеспокоены тем, что под застройку отводится территория, на которой обитают занесенные в Красную книгу животные и растения... разрешено проведение геологоразведочных работ, застройка, строительство зданий и дорог». Когда же касается «Газпрома», это уважаемое ведомство не только не предпринимает решительных шагов, но даже не обнародует свое мнение. А ведь речь идет о плато Укок, природопользование на котором на несколько ступеней более жестко ограничивается законом, чем в заказниках.

Кто более мудр – покажет время. Но с большой долей вероятности это можно предположить уже сейчас.

Литература

1. Кубарев В. Д. Алтай – древняя сокровищница Азии // Алтайский вестн. 2002. № 2.
2. Митволь О. Газета.ru. 14.10.2005.
3. Молодин В. И. Наскальное искусство Северной Азии: проблемы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 19. С. 51–69.
4. Орлов В. В. Работы Бийского краеведческого музея по копированию петроглифов Горного Алтая // Вестн. Сиб. ассоциации исследователей первобытного искусства. 2005. № 6–7.
5. Орлов В. В. Петроглифы Алтая // Бийский вестник. 2005. № 1–2. С. 192–193.
6. Суразакова С. П., Енгоян О. З. К вопросу о стратегии развития Республики Алтай // Алтайский вестн. 2007. № 8. С. 14–26.
7. Шер Я. А. Изобразительные памятники и проблемы их изучения // Современные проблемы археологии России. Т. 1. Новосибирск, 2006.

В. И. Соёнов, С. В. Трифанова

Полевые археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2007 г.

В полевой сезон 2007 г. сотрудники кафедры археологии, этнологии и источниковедения Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ) производили археологические работы на территории Республики Алтай. В июне–июле экспедицией под руководством доцента кафедры В. И. Соёнова осуществлялись работы на поселении Чёба, расположеннем в зоне затопления Алтайской ГЭС, в 9,5 км юго-восточнее с. Еланда Чемальского района. Исследования осуществлялись на средства регионального проекта РГНФ «Горный Алтай в период ранней бронзы» (№ 06-01-61110 а/Т), Горно-Алтайского государственного университета и государственного некоммерческого учреждения «Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай».

Поселение Чёба обнаружено в 1989 г. одним из авторов на правобережной катунской террасе в 2,5 км к СВ от устья р. Чёба, на правом бе-

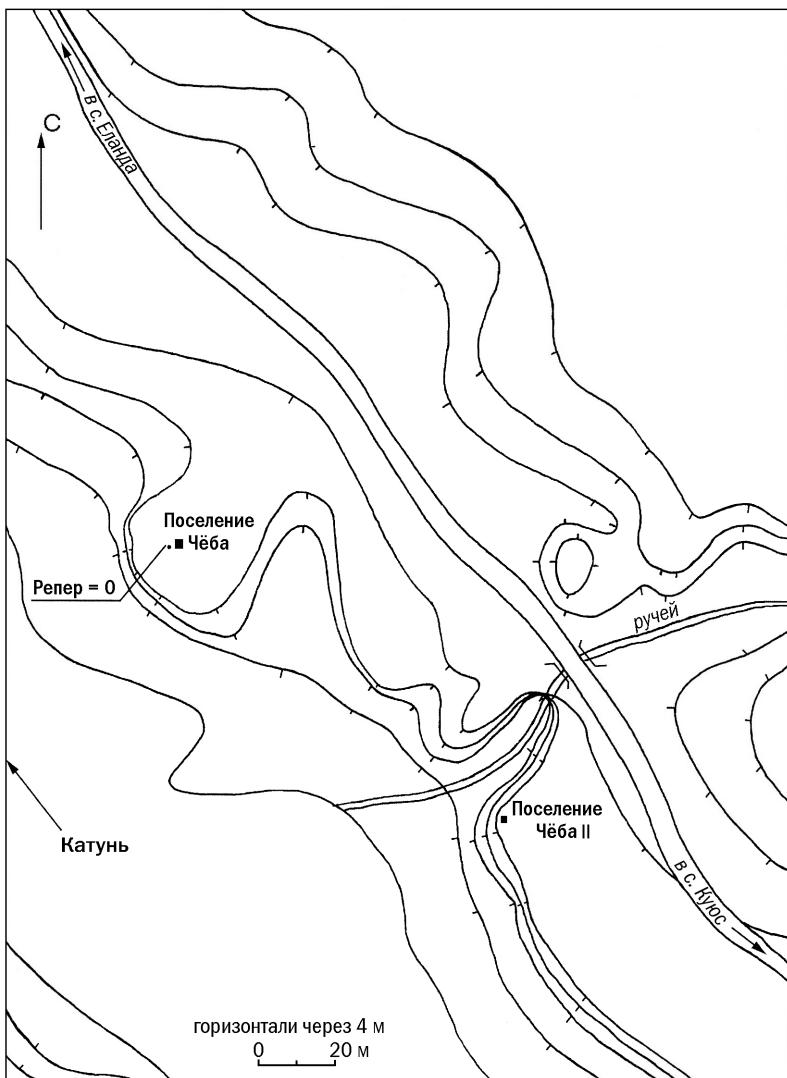

Рис. 1. План расположения поселения Чёба

регу безымянного ручья (рис. 1) [1; 3, рис. 3]. В 2006 г. в юго-западной части памятника заложен раскоп (квадрат II-1), где в ходе исследований выявлены прокалы, выкладки из рваных и окатанных камней, а также было обнаружено значительное количество каменных, керамических и

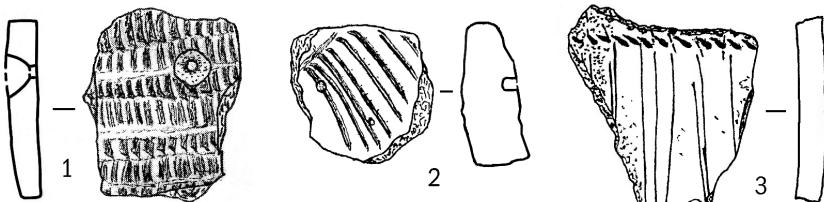

Рис. 2. Фрагменты керамики эпохи энеолита-бронзы (масштаб разный)

костяных предметов, имевших распространение по всей вскрытой площади¹ [3, с. 8–10]. Раскоп был законсервирован в августе 2006 г. из-за длительной непогоды. В нынешний полевой сезон раскоп был расконсервирован и завершен.

В доисследованных в 2007 г. слоях поселения Чёба обнаружены: каменные предметы (нуклеусы, наконечники стрел, скребки, ножи, пластинки, отщепы и др.); фрагменты лепной керамики (неорнаментированные и с орнаментом в виде резных ломаных линий, насечек, вдавлений, «жемчужин», гребенки, пунктирных линий); фрагменты костей животных; чешуя крупных рыб; угли и т. д.

Материалы поселения различны по культурно-хронологической принадлежности. Стратифицировать слои пока не удалось из-за перекопов, а также из-за небольшого размера раскопа. Полученный каменный инвентарь достаточно представителен. По технологическим признакам коллекцию можно предварительно датировать периодом энеолита-бронзы. Керамику в основном можно отнести к археологическим культурам периода энеолита–бронзы, раннего железа и средневековья. Наиболее интересными выглядят фрагменты керамики эпохи энеолита – ранней бронзы, представленные материалами большемысской (рис. 2, 1) и афanasьевской (рис. 2, 2) культур, а также фрагменты керамики крохалевского типа (рис. 2, 3). Часть ранней керамики пока не подается культурной идентификации, но ее принадлежность к эпохе бронзы и раннего железа не вызывает сомнений. Несколько фрагментов керамики могут быть отнесены к неолиту. К средневековью условно отнесена вся коллекция керамики, датируемая позже периода раннего железа, поскольку ее точная хронологическая принадлежность пока не может быть установлена.

В августе и сентябре археологическая экспедиция под руководством В. И. Соёнова проводила разведочные работы в Онгудайском, Чемаль-

¹ Авторы выражают признательность канд. ист. наук Н. Ю. Кунгуровой за технико-морфологическое исследование коллекции каменного инвентаря 2006 г., канд. ист. наук Н. Ф. Степановой за технико-технологический анализ керамики и консультации по вопросам хронологии и культурной принадлежности керамики.

ском и Усть-Канском районах. В том числе по ФЦП «Культура России (2006–2010 гг.)» проведены работы по мониторингу состояния и использования объектов археологического наследия федерального значения в Усть-Канском районе.

В конце июня – начале июля археологическая экспедиция под руководством доцента кафедры А. В. Эбеля производила разведочные работы в Чуйской степи и долине р. Тархата на территории Кош-Агачского района. Были скопированы рисунки местонахождения Кара-Чат и сняты планы ряда могильников в долине р. Тархата.

Экспедиция под руководством профессора Гентского университета Ж. Буржуа (Бельгия) и ст. преподавателя Горно-Алтайского государственного университета Э. П. Дворникова в июле–августе осуществляла обследование участков долины Каракола в пределах территории природного парка «Үч-Энмек». Работы проводились с целью выявления и картографирования историко-культурных объектов по проекту РФФИ – Правительства Фландрии «Мировоззрение в ландшафте. Аспекты ритуальных и погребальных комплексов древнего населения Саяно-Алтайского региона». В ходе работ в долине Каракола картографированы более тысячи археологических объектов.

Экспедиция под руководством зав. археологическим музеем ГАГУ С. В. Трифановой в сентябре произвела по ФЦП «Культура России (2006–2010 гг.)» работы по мониторингу состояния и использования объектов археологического наследия федерального значения в Онгудайском районе.

Таким образом, исследования, проведенные в 2007 г. сотрудниками кафедры археологии, этнологии и источниковедения Горно-Алтайского государственного университета совместно с коллегами из других учреждений, расширили сведения об археологических памятниках Горного Алтая, а также дали новый материал для культурно-хронологических построений по эпохе ранней бронзы.

Литература

1. Киреев С. М. Отчет об археологических исследованиях в долине р.Чеба на Средней Катуни в 1989 году (зона затопления Катунской ГЭС). Горно-Алтайск, 1990.
2. Соёнов В. И. Новые памятники Алтая эпохи бронзы // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 6. С. 25–44.
3. Соёнов В. И., Трифанова С. В. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского госуниверситета в 2006 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2006 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 8–10.

2

ЭТНОГРАФИЯ И УСТНАЯ ИСТОРИЯ

М. В. Абоимова

Технология и традиции бучения и ухода за бельем в населенных пунктах Чарышского района Алтайского края (XVIII–XX вв.)

Народные традиции материальной культуры, распространенные в XVIII–XX вв., постепенно забываются. Утрачен многовековой народный опыт, который в современной экологической обстановке может оказаться полезным и востребованным. Одной из таких неоправданно забытых традиций является бучение белья с использованием щелока. В XVIII – первой четверти XX в. в России щелоком повсеместно пользовались не только для стирки, но и для мытья тела и головы.

Первыми русскими поселенцами на территории современного Чарышского района считаются казаки, выходцы с Кубани и Терека, поселившиеся здесь в XVIII в. для защиты рубежей Российской империи. С появлением казачества связано использование особой технологии бучения белья с применением щелока, деревянной утвари и раскаленных камней. Казаки в повседневном быту носили холщовое белье и одежду, используя ее как рабочую. Со временем вблизи казачьих поселений стали селиться крестьяне. Российская казна оказывала им помощь деньгами и семенами. Строившиеся на Алтае заводы и рудники нуждались в хлебе. Землепашцами военной линии были ссыльнопоселенцы из центральных губерний России. В отличие от казаков, крестьяне использовали холщовую одежду и как рабочую, и как праздничную.

Бучение, сушка, утюжка и хранение белья как единый процесс ухода за одеждой у жителей Чарышского района в XVIII–XX вв. практически не изучены. Одной из первых статей, посвященных анализу традиции бучения белья в Чарышском районе Алтайского края, является работа автора [1]. Фрагментарное упоминание о технологии бучения белья имеется в работе В. А. Липинской, автор акцентирует внимание на стирке белья в дореволюционной России, когда женщины использовали щелок, так как мыло было недоступно основной массе населения [2]. Определение самого процесса бучения и инструментов, используемых для обработки белья, даны в многочисленных словарях и энциклопедиях. Однако ни в одном из них технология приготовления щелока и его использование в процессе бучения не рассматривается. Таким образом, этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Настоящее исследование является логическим продолжением начатой работы и первой попыткой всесторонне осветить вопрос ухода за холщовым бельем. По данным интервьюирования старожилов Чарышского района нами изучены и восстановлены уникальная технология бучения домотканого белья и методы ухода за ним.

Орудия и приспособления для бучения белья

В русском языке в XVIII – XX веках слова «бучить», «бучило», «валек», «щелок», «рубель», «коромысло», «сундук» являлись общезвестными и употреблялись в устной и письменной речи, встречались в пословицах и поговорках: «Кто кому миленек, без бученья беленек». «Девка платье моет, так вальком колотит». «Мушка баньку топила, блоха щелок щелочила». Слова, связанные с процессом бучения, сушки, утюжки и хранения белья можно встретить в произведениях русских классиков. «У пруда на плоту старая баба в клетчатой паневе колотила вальком скрученное белье» (И. Тургенев, «Степной король Лир»). «Никеша! – крикнула она мальчику. – Подкинь в баньку поленцев! Вода еще горячая, и щелок удался» (Г. Николаева, «Битва в пути»).

В настоящее время слова «бучить», «бученье», «бучило», «валек», «щелок», «рубель» жителями Чарышского района не употребляются. Их значение могут вспомнить только женщины старшего поколения, использовавшие в молодости эту технологию на практике. В течение XX в. эти слова стали историзмами.

Стирка – это тяжелый физический труд, которым занимались женщины обычно по субботам, когда топилась баня. Процесс бучения и полоскания белья занимал почти целый день. Бучением белья в основном занимались казачки, жившие в станицах Чарышская, Тулата, Яровская и некоторых других поселениях. Женщины каждую субботу отбеливали белье. Для чистоплотной хозяйки это был ответственный процесс. Белье (женские рубахи, мужские нательные рубахи и кальсоны) было толстое, грубое, так как шили его из домотканого льняного и конопляного полотна. «Некоторые части одежды оставались неизменными многие века, как правило, из-за суеверных представлений об особой магической роли их в жизни человека, другие же изменялись быстрее. К первой группе относится нательная одежда» [4]. «Казаки были зажиточнее крестьян, поэтому и одежды у них накапливалось больше. В начале XIX в. у крестьян имелось до четырех холщовых рубах и порты, у казака – десять рубах тонкого холста и двенадцать портов, кроме того, в семье казака имелся большой запас холста» [2]. Холщовую одежду из домотканого полотна использовали в основном как рабочую, поэтому и пачкалась она значительно быстрее праздничной, а отстирывалась труднее. Кроме нательного белья, у казаков имелось большое количество скатерей и полотенец, которые также бучили. Праздничную одежду, сшитую из «магазинных», фабричных тканей, берегли и потому стирали редко.

Для стирки белья русские женщины готовили из золы «щелок» – щелочной раствор. В годы советской власти, с развитием промышленности

Рис. 1

Высота бучила – примерно 1 м, диаметр – 40–60 см.

Портомойный валек – плоская плашка с рукоятью, которой колотят («валяют») белье на речке. Валек делали из березовой заготовки. Древесина у березы крепкая, от ударов не раскалывается. Длина валька составляет 30–40 см, толщина – примерно 3–4 см, ширина – 6–7 см. Валек имеет слегка вогнутую форму, чтобы во время ударов по мокрому белью рука женщины не «отбивалась», а удар был сильнее.

Щелок – раствор древесной золы, приготовленный для стирки бе-

Рис. 2

и сферы услуг, старинные приемы обработки одежды ушли в прошлое [2].

Приспособления для бучения белья несложны: бучило (рис. 1), портомойный валек (рис. 2), щелок, а также коромысло и корзины (или ведра) для переноски белья к месту бучения и полоскания.

Бучило – кадушка без дна и ручек. Иногда ее делали цельной трубой из березового ствола, но могли использовать старую дубовую бочку без дна. Важно, чтобы она была изготовлена из дерева лиственных пород и не выделяла смолы при нагревании.

лья. Жители Чарышского района обычно использовали золу от березовых дров. Для приготовления щелока золу, взятую из поддувала печи в доме или в бане, просеивали через хозяйственное решето (рис. 3), чтобы удалить мелкие несгоревшие угли. Просеянную золусыпали в ведро и заливали горячей водой из расчета: ведро воды на 1 кг золы. Взвесь тщательно перемешивали палкой и давали отстояться. Не остужая, выливали в бучило с уложенным бельем.

Технология бучения белья

Процесс бучения белья в казачьих поселениях обычно проходил недалеко от бани или у речки. Казачки не использовали русскую печь для кипячения белья, считая ее «чистым» местом, пригодным только для выпечки хлеба и приготовления пищи. В крестьянских поселениях женщины отбеливали белье в глиняных корчагах, помещая их в русскую печь на прогоревшие угли. Отверстие в корчаге затыкалось пробкой, а сверху сосуд накрывался деревянной крышкой. Со слов респондентов нам удалось узнать технологию бучения, распространенную в казачьих поселениях в XVIII–XX вв. Снача-

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

ла устанавливали бучило на ровное место. Подсыпали под него песок, мелкую гальку. На песок внутри бучила клади старое полотенце, насыпали на него немного золы и укладывали белье. Сверху вновь застилали старым полотенцем, насыпали сухую золу слоем 2–3 см (рис. 4) и заливали горячим щелоком. В это время в бане или в костре (если бучили у реки) на углях накалялись камни. Раскаленные камни брали железными щипцами (рис. 5) и помещали в бучило с бельем и щелоком. Быстро закрывали сверху тряпкой потолще, чтобы пар и жар не выходили и щелок не остывал. От раскаленных камней щелок нагревался, бурлил (рис. 6). Через несколько минут бурление в бучиле прекращалось, его открывали, вынимали щипцами остывшие камни и вместо них накладывали раскаленные. Так делали раза три, чтобы щелок прогрелся до самого дна. Бучило оставляли накрытым (рис. 7) до остывания. После этого камни из него убирали, брали небольшую палочку и продевали в песке под бучилом.

Рис. 8

лом дырочку, через которую вытекал грязный щелок (рис. 8, 9). Давали белью остыть еще немного и начинали его отжимать и складывать в корзину. Брали валек и шли на реку полоскать белье (рис. 10). Сначала его полоскали лицевой стороной наружу, потом выворачивали наизнанку и снова полоскали. Затем вещь отжимали и клали в корзину.

Мы выявили некоторые особенности технологии и традиций бучения белья в населенных пунк-

Рис. 9

Рис. 10

такх Чарышского района в XVIII– XX вв. Во-первых, бучением по этой технологии изначально занимались только женщины-казачки. В XIX – начале XX вв. эту традицию переняли зажиточные крестьянки, имевшие достаточное количество холщового белья и стремившиеся подражать чисто-плотным казачкам. Зимой бучением белья казачки чаще занимались недалеко от бани, а летом – у реки. Во-вторых, для бучения белья казачки не использовали глиняные корчаги и русские печи, как это делалось в крестьянских поселениях района. Казачки пользовались деревянной утварью,

которая не придавала белью посторонних запахов во время кипячения в щелоке. Березовые бутила-долбленики были гораздо вместительнее корчаг, что было важно для зажиточных казачьих семей, имевших много холщового белья и одежды. Для нагревания щелока в бутиле казачки использовали камни (кварцит), подбираемые по берегам рек. Как казачки, так и крестьянки круглый год полоскали белье при помощи валька на реке. В-третьих, специальные деревянные плоты и мостки, традиционно сооружаемые в крестьянских поселениях на малых притоках Чарыша, для полоскания белья в казачьих поселениях Чарыш и Тулата не сооружались. Берега и дно этих рек покрыты крупными камнями, затрудняющими установку плотов и мостков; уровень воды в горных реках быстро поднимается после дождя, а их русло ежегодно меняется после весеннего половодья.

Сушка белья

После возвращения с реки вымытое белье развещивали для просушки. Развешивать начинали с самых хороших, новых вещей, выделяя им «лучшее» солнечное место на прясле или плетне. Зимой, в сорокаградусный мороз, белье могло висеть на заборе целую неделю. Если на-

чинался буран, его вносили в дом и развешивали у печки. Начиная с 1960-х гг. белье сушили на проволоке или веревке, прикрепляя его деревянными или алюминиевыми прищепками. Прищепка из алюминия была гораздо дороже деревянной, но служила дольше. Веревки, кустарно изготовленные из крапивы и конопли, имелись в достаточном количестве в каждой семье, а прищепками начали пользоваться только с середины XX в., когда они были завезены в торговую сеть района. С этого периода традиция сушки белья на заборах стала уходить в прошлое.

Глажение и утюжка

До появления утюга жители Чарышского района пользовались специальными приспособлениями: рубелем (рис. 2, сверху) и скалкой. Изготавливали рубель, как и валек, из березы, поперечные зарубки делали топором. В поселениях Чарышского района нам не удалось обнаружить рубель, украшенный росписью или резьбой. Возможно, на предметы материальной культуры наложили отпечаток суровые природно-климатические условия и экстремальная обстановка проживания казаков.

Вещь, которую необходимо было отгладить, наматывали на скалку. Женщина брала рубель правой рукой за ручку, левой рукой придавливала другой его конец и двигала им взад-вперед. Ребра рубеля надавливали на ткань и разглаживали морщины, оставшиеся после стирки и сушки.

Опрос старожилов показывает, что в населенных пунктах Чарышского района женщины пользовались рубелем для глажения белья в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны.

Чугунными нагревательными утюгами в селах Чарышского района пользовались еще в годы Великой Отечественной войны. Перед тем, как начать гладить, их разогревали на горячих углях в русской печи или ставили на раскаленную плиту топящейся печки. Нам удалось найти маленькие нагревательные утюжки, которыми пользовались для проглаживания мелких деталей одежды: складок, воротничков, манжет. Утюжок довольно тяжел (3 кг), поэтому процесс глажки был нелегок для женщины. Чугунная ручка утюга тоже раскалялась, поэтому при глажке ее захватывали тряпкой-утюжкой. Духовой утюг с горящими углеми внутри многие жители сел хорошо помнят, им гладили еще в 50–70-е гг. ХХ в. У этого утюга деревянная ручка, что делает его более удобным при работе. Площадь накаливания большая, что ускоряет процесс глажки. Повернув механическую защелку, можно открыть крышку утюга. Внутрь засыпаются горячие угли, и утюг закрывается. Женщина выходила на улицу (на крыльце дома) и размахивала утюгом, держа его перпендикулярно движению, чтобы улучшить поступление воздуха внутрь утюга через специальные отверстия. Угли хорошо разгорались и нагревали утюг.

Рис. 11

Хранение

Бережное отношение к одежде воспитывалось и в казачьей и в крестьянской семье с детских лет. Для ее хранения в XVIII – первой половине XX вв. использовали сундуки. В зажиточной семье могло быть три-четыре сундука. Сундуки с нажитым добром обычно стояли в горницах на видном месте, чтобы подчеркнуть благосостояние семьи. Чаще всего их ставили в сухом месте, недалеко от печки. На дно сундука обычно стелили бумагу

или газеты, затем по всему дну расстилали чистую ткань, и лишь потом начинали аккуратно укладывать выглаженные вещи, обычно в несколько «стопок» (рис. 11). Рубашку клади на рубашку, рядом лежали стопки платков, шалей и полуушалков, потом шла стопка холщовых и фабричных тканей. Уложенное стопочками белье и одежду накрывали большим полотном, покрывалом или шалью, сверху застилали газетами.

Размеры сундуков могли быть самыми разными, и использовались они для хранения не только белья, но и тканей, ценностей и приданого невесты. В первой половине XX в. сундуки продолжали оставаться необходимым предметом быта у жителей Чарышского района, поскольку уровень жизни населения был невысок.

С развитием народного хозяйства и повышением благосостояния населения района в 1960-е гг. XX в. процесс бучения белья с использованием щелока уступил место более современным способам стирки.

Источники и литература

1. Абоимова М. В. «Бучение белья» // Хранители наследия. Вып. 1. Барнаул, 2003. С. 86–87.
2. Липинская В. А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре. XVIII–XX вв. М.: Наука, 1987.
3. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1951.
4. Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: Ист.-этногр. аспекты. XVII–XX вв. М.: Логос, 2001.

А. П. Бородовский, А. А. Бодрова

Новые материалы по устной истории с. Ташара (Мошковский район Новосибирской области)

В письменных источниках для с. Ташара Мошковского района Новосибирской области отсутствуют сведения о времени появления этого населенного пункта. Однако известно достаточное количество устных свидетельств, отражающих начальный период освоения русским населением этой части Новосибирского Приобья. Ранее интересные материалы были собраны и опубликованы А. Ю. Майничевой. Во время комплексной археологической экспедиции 2007 г. в окрестностях с. Ташара авторам настоящей публикации удалось собрать новые материалы по устной истории исследуемой территории. Основным информатором являлась Елена Петровна Владимирова, 1933 г. р. Она происходит из семьи потомственных учителей и является основательницей первого школьного музея в с. Ташара. Значительную часть собранных материалов составляют истории об основании и развитии села, а также генеалогия Е. П. Владимировой (Скурихиной) по женской линии.

Прабабушка Е. П. в 1868 г. родила дочь и в 1870 г. с двухгодовалым ребенком (Марией Федотовной Кузнецовой) переехала с Дона в Ташару, т. е. они и были одними из первопоселенцев. Бабушка Е. П. Мария Федотовна Кузнецова родилась в 1868 г. на Дону, в 17 лет вышла замуж за Ивана Денисовича Скурихина, и в 1885 г. у них родилась дочь, мать Е. П. Анна Ивановна Скурихина, которая вышла замуж и с 1918 г. рожала каждый год. Всего она родила 15 детей, из которых выжили четверо. Елена Петровна была последним ребенком, Анна Ивановна родила ее в 48 лет. На основе дат рождения, замужества и переезда с Дона прабабушки с бабушкой Е. П. Владимировой можно сделать вывод, что селу Ташара около 137 лет.

Особого внимания заслуживает устная история о появлении с. Ташара и ряда населенных пунктов в его окрестностях.

«Русские поселенцы пришли на территорию с. Ташары с Дона. У них возник с местными татарами конфликт из-за земли. Переселенцы обратились к ссыльному с просьбой написать прошение в столицу. Из Петербурга от императрицы Екатерины пришла грамота, дарящая землю. Татарам пришлось уйти за Обь, там они осели и основали деревни Курбес, Юрт-Абалык и Базой. Название села пошло от большого камня, который находился на середине реки. В начале XVIII в. при прокладке Сибирского тракта здесь появились служилые люди, возник перевалочный пункт Солдатское, стоял склад для грузов. Здесь же проходила солдатская дорожка по тракту на Умреву, куда солдаты бегали на Обь ку-

Интервьюер студентка НГПУ А. А. Бодрова (слева) и информатор Е. П. Владимира из с. Ташара Мошковского района Новосибирской области

патьсяя. Тракт стал привлекать купцов, поселенцев и переселенцев. По Московскому тракту везли товары, гнали ссыльных. Летом в утреннюю тишину за несколько километров был слышен звон кандалов, местным разрешали вынести ссыльным чего-нибудь поесть. В деревне на месте дома Беляевых была казарма (огромный сарай, длинный, по сторонам нары, а посередине полевой стол). Напротив казармы протекал ручей, да и Обь была недалеко. В ручье разрешали мыться каторжникам, а конвоиры ходили мыться на Обь прямиком через забоку по солдатской дорожке. Когда одному задержанному удалось бежать, начались поиски, было понятно, что он далеко бы не ушел. Нашли его быстро, когда один конвойир ткнул штыком в корни мощного поваленного дерева, а когда вытащил, штык оказался в крови.

Некоторые ссыльные, отбывая срок, так и оставались жить в Ташаре, они были самыми грамотными людьми в селе. До них читать письма ездили в село Ояш. Число жителей росло, и к началу XX в. на месте нескольких избушек выросла большая деревня. До революции все население занималось сельским хозяйством. Земель вокруг Ташары было ма-

ло, поэтому землю давали за 7–10 км, в современных деревнях Сарачёвка, Кузнецова и Рязановка. Крестьяне строили себе избушки и всю неделю жили там, лишь в субботу приезжая домой помыться в бане; в воскресенье никто не работал. Названия этим деревням достались от хозяев первых избушек, построенных ташаринцами. Приезжие землемеры спрашивали: «Чьи это избушки?», им отвечали: «А это Сарачева, Кузнецова и Рязанова». (Кузнецов являлся прадедом Елены Петровны Владимировой.) Кроме земледелия, занимались рыбной ловлей, скотоводством, звероловством, пчеловодством, ямщиной. Ямщина – перевозка грузов, людей, почты до Дубровино и до волости Ояш.

Прапрадед Елены Павловны был старостой и решал, кто поедет следующим, следил за очередностью. В зимнее время крестьяне заготавливали берёзовую чурочку, возили на берег и складывали штабелями, а летом ее грузили на пароходы, для которых дрова были основным топливом. На месте дома по адресу Данилова, 63, жил купец первой гильдии Трашкеев. Дом был деревянным, двухэтажным, на втором этаже жил сам купец со своей семьей, а внизу располагалась лавка (магазин). В магазине было все, от гвоздей до конфет (их называли лампасиками) и материи (самым дорогим материалом был гарус). Крестьяне все покупки делали в обмен на зерно, рыбу, яйца. Однажды у купца появилась диковинные вещи – самовар, граммофон, утюг. Люди ходили смотреть в дом на выставленные вещи. Летом купец открывал окно иставил граммофон трубой на улицу. Но люди, особенно пожилого возраста, считали, что это нечистая сила, а молодежь собиралась и так проводила вечера.

Ташара считалась зажиточным и мирным селом, люди имели лошадей, скот. Довольно прохладными были отношения ташаринцев к селу Умрева, считалось, что там живут одни бродяги и варнаки. До революции в Ташаре насчитывалась до 200 домов, а население составляло до 500 человек. Состав одной семьи доходил до 30 человек, хлеб пекли каждый день. Интересна была планировка дома: слева была кухня с квадратной печью, справа – горница с круглой печью («катромаркой»), а посередине – сени, где хранились тулуны и сбруя. У бедняков были однокомнатные дома. В середине Ташара построили церковь, строили в складчину 4 деревни: Ташара, Умрева, Кузнецова, Сарочевка. Каждое воскресенье в церкви была служба.

После революции первым раскулачен был купец, его сослали на Колыму. В Ташаре установилась советская власть, был создан сельский совет (1919 г.). Первым председателем был дядя Е. П. Василий Васильевич Скурихин (1890 г. р.), первым милиционером – отец Е. П. Петр Васильевич Скурихин (1889 г. р.). Все же были враги революции, и когда Васи-

лий Васильевич возвращался из Дубровино, его подкараулили и, всадив нож в левую лопатку, бросили. Лишь утром женщины, идущие на поле, обнаружили его, умер он в Ояше на больничной койке.

Первым председателем колхоза был Федор Иванович Цыганков. Первая школа находилась на месте склада от лавки в доме Трашкеева, это была школа для бедных детей. До 1900 г. школы не было. Единственным сельским учителем был один из ссыльных, занимался он на дому с крестьянскими детьми по очереди, купеческие же дети ездили учиться в волость Ояш. В 1900 г. сняли комнату под школу у купца на первом этаже, одновременно занималось до 20 человек. Многие родители не отпускали детей в школу, говоря: «Зачем для ведьм учиться?» В классе посреди стоял большой стол, по сторонам которого стояли лавки. Первым уроком стоял Закон Божий, на который приходил поп Афанасий, затем письмо и арифметика. После двух уроков учитель уходил обедать, а дети занимались самостоятельной работой. Если в отсутствие учителя кто-то проказничал, его наказывали, ставя в угол на соль или горох. «Очень хорошо помнил 80-летний старик, мой папа, как его поставили в угол на соль, и учитель, забыв о нем, ушел домой, а он, разбив окно, убежал. С тех пор папа в школу так и не пошел. В церковные праздники – Рождество и Пасху – выезжали дети с учителем в соседние деревни „праздник славить“».

Е. П.: «Так учитель порой так „наславится“, что дети взвалят его на сани и везут домой. В 1918 г. особняк попа отдали под школу. Первой учительницей после революции стала Мария Николаевна Захлытина, она приехала в деревню с сыном. Муж погиб в Первую мировую. До 1930 г. она проработала, после ее сменили Шварёв, которого позже отзовут в КГБ, и Мякиш (к сожалению, инициалы нам неизвестны. – Авт.). Учеников стало прибавляться, и к школе сделали прируб. Позже приехали в деревню отец и дочь учителя Анферовы Михаил Николаевич и Мария Михайловна. После войны должность учителя занял Герой Советского Союза Данилов Леонид Парfenович (собственно, в его честь названа центральная ташаринская улица, ранее бывшая Красной) и жена его Мария Васильевна. До 1956 г. в школе было 40 учеников, в этом же году открывается восьмилетка, школу посещают 284 ученика и работает 13 учителей, директором был Шипицин Гавриил Иванович. В 1965 г. школа стала 10-летней, в ней работало 57 учителей и посещало 1300 детей., директор Чартков Федор Дмитриевич. В 1967 г. школе выделили новое трехэтажное здание, завучем в это время был Обгольц Вадим Адольфович, уже 1764 учащихся и 57 учителей».

Следует подчеркнуть, что для представленного материала характерно несколько «хронологических парадоксов». Хотя история села, по ме-

стным представлениям, началась не ранее середины XIX в., его основание явно удревнено и относится еще к XVIII столетию. Однако для этого исторического периода нет никаких упоминаний об Умревинском остроге, одном из наиболее ранних населенных пунктов в окрестностях с. Ташара. Интересны сведения о конфликте с местным населением и его миграциях. Эти данные «противоречат» традиционным представлениям о мирном освоении севера Верхнего Приобья и расселении татарского населения на этой территории.

Проведенные в 2007 г. дендрохронологические исследования на территории с. Ташара и его окрестностей позволяют получить объективные сведения о времени возведения наиболее старых деревянных сооружений села и оценки данных устной истории.

Ю. С. Воеводина

Санитария и гигиена крестьянской семьи Алтайского края в годы Великой Отечественной войны

Война неизменно несет с собой неисчислимые страдания и бедствия, невосполнимые утраты для страны и народа. Рассказывая о жизни в военные годы, никак нельзя обойти стороной бытовые условия жизни. Надо отметить, что сохранились достаточно яркие воспоминания информаторов, связанные с санитарной культурой села. Особенно отчетливы они у респондентов, рожденных с 1933 по 1935 гг., – вероятно, потому, что эти воспоминания являются основными о военных годах.

Одним из последствий ухудшения санитарной обстановки в селе было появление насекомых, которые не только причиняли неудобства, но и представляли опасность для здоровья. По воспоминаниям респондентов, в избах водились клопы, тараканы, блохи. Для борьбы с ними в зимнее время вся семья уходила из дома, и насекомых вымораживали. В летнее время с клопами боролись выбеливанием мест их скопления известью. По воспоминаниям респондентов, широко применялись народные способы борьбы с вредными насекомыми. Особенно часто упоминают «полыну» [4]. С ее помощью боролись с блохами. Необходимо было лишь разложить траву под дерюжки, а также на полу в доме. С молью боролись при помощи табака, а с клещами – керосина.

Но наибольшую опасность представляли вши – переносчики инфекционных заболеваний, таких как тиф: «...Знаете, какие вши нападали... на солнце вылезут и по подушке лазают. Я их собирала, а он брат их гирькой давил» [3].

Если в городской среде в этот период стали широко распространяться химические препараты, то в деревне крестьяне применяли народные

способы борьбы [6, с. 158]. Среди названных информаторами способов борьбы с нательными вшами – «выжаривание» в бане. Эти данные подтверждаются результатами анкетирования в Быстроистокском районе, которые показали, что 47% респондентов из 21 опрошенного использовали «выжаривание» в бане для борьбы с паразитами. Для выведения постельных и одежных вшей также использовали «выжаривание» в бане: «Как в банию придут, все с себя снимают и над каменкой трясут» [4]. Менее распространенным способом был керосин (35,3% информаторов): «Намажут волосы, подвяжут платком и ходили так до самой бани» [1]. Часто информаторы, «искали друг у друга в башках» [5]. О таких мерах в борьбе с педикулезом упоминают 11,8% опрошенных. Среди средств борьбы с паразитами 5,9% респондентов упоминали дуст.

Распространению насекомых способствовало и отсутствие постельного белья. По воспоминаниям респондентов, не было ни простыней, ни наволочек, ни пододеяльников, которые бы снимались и стирались. Спали все время на одной перине, а на подушке было лишь две наволочки. Очень часто спали на дерюжках (грубой холстине) на полу. На дерюжках не только спали, но ими и укрывались во время сна, и покрывали кровати, и застилали пол в доме.

Ежедневная личная гигиена состояла в утреннем и вечернем умывании, состоявшем, по воспоминаниям, в ополоскивании лица водой без мыла. Эта процедура была обязательна дважды в день – утром и вечером. Перед едой руки могли вымыть водой только после грязной работы.

Проблема лечения зубов обострилась в военные годы, когда ухудшилось питание. Гигиена полости рта ограничивалась полосканием. Уход за полостью рта в основном сводился к лечению зубной боли. Для этого применялись разные способы, из рациональных – полоскание отварами трав с дезинфицирующими свойствами, чаще всего «коготков» (календулы). Широкое распространение получили заговоры зубных болей бабушками [6, с. 161].

В деле соблюдения санитарно-гигиенических норм большую роль играла баня. 72,7% информантов вспоминают, что в баню ходили еженедельно: «Обязательно в субботу в баню ходили» [2]. В среде информаторов преобладали бани по-черному: «...Выйдешь из этой бани весь в саже, еще чернее, чем был» [5]. Воду, как правило, брали из реки (бани чаще располагались по берегам) и только в случае ее удаленности – из колодца. По воспоминаниям информаторов, несоблюдение традиционных санитарных норм было связано с отсутствием бани. Такие семьи ходили в баню к соседям 1–2 раза в месяц.

Таким образом, в военное время санитарные условия в селе ухудшились. Традиции санитарно-гигиенической культуры были адаптированы к экстремальным условиям времени, личная гигиена контролировалась слабо. В целом снижение уровня санитарно-бытовой культуры было следствием резкого изменения производственных и социальных процессов в алтайской деревне в изучаемый период.

Источники и литература

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2007 г. Быстроистокский район, с. Хлеборобное, Андреева Н. Б., 1924 г. р.
2. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2007 г. Быстроистокский район, с. Хлеборобное, Глебов Н. П., 1932 г. р.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. Шелаболихинский район, с. Макарово, Гребнева Е. Ф., 1926 г. р.
4. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2007 г. Быстроистокский район, с. Хлеборобное, Зинин Н. Т., 1934 г. р.
5. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2007 г. Быстроистокский район, с. Быстрый Исток, Копылова Л. П., 1932 г. р.
6. Щеглова Т. К. Санитарно-бытовая культура и традиции личной гигиены сельского населения Алтайского края в 1920–1930 гг. // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международ. науч.-практ. конф. / Под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Вып. 5. Барнаул, 2003. С. 154–163.

Ю. С. Воеводина

Система питания как способ выживания в годы Великой Отечественной войны (на устноисторических материалах ИЭЭ в Быстроистокский район)

Великая Отечественная война оказала огромное влияние на жизнь сельских женщин Алтайского края. В советской историографии существовала установка на трактовку «женской» темы лишь в плане трудового героизма, что неизбежно сужало возможности исследования жизни крестьянской семьи в тыловой деревне. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть один из аспектов жизни семьи в военные годы. В процессе работы были использованы такие методы полевых исследований, как неформализованное интервьюирование и анкетирование. В Быстроистокском районе было проведено 16 интервью и собрано 12 анкет. Работа велась среди русских жителей сельской местности Алтайского края, рожденных не позднее 1936 г.

Комплекс собранных устных источников позволяет выделить некоторые особенности питания жителей алтайской деревни в годы войны. 91,6% респондентов в анкетах называют военные годы «голодными», лишь 8,4% затруднились с ответом на вопрос: «Был ли голод в военное время?» Несмотря на давность событий, информанты хорошо помнят

нормы хлеба, получаемого на трудодень: в среднем в год получали около 80–85 кг зерна. При этом было необходимо кормить еще 2–3 детей и престарелых родителей. Фактически речь шла о выживании людей в экстремальных условиях: «Думала, или с голоду пропаду, или с ума сойду. Только и думала, как бы прокормить своих детей» [1].

Труд в годы войны фактически не выполнял одну из своих главных функций – не служил источником дохода для работавших женщин. Более того, большинство сельских женщин в годы войны периодически недоедало и голодало. «Голод был темный» [2].

Питание женщин и детей в основном составляли продукты, производимые в их хозяйстве: молоко, овощи, изделия из злаковых культур. Хорошим подспорьем был сбор грибов и лесных ягод. Семьи готовили паренные, вареные блюда. Жареные блюда практически отсутствовали, поскольку не было жиров для их приготовления. Повсеместно в семьях изготавливали из кислого теста хлеб, которому придавали круглую форму. Хлеб выпекали чаще всего на чисто выметенном поду русской печи. Закваску делали из небольшого количества молока и хмеля. Чтобы можно было испечь хлеб для семьи из шести человек, требовалась закваска, приготовленная следующим образом: «Две горсти хмеля кипятишь в двух литрах воды, а при закипании снимаешь с огня и ставишь настаиваться до студенистой массы» [2].

На зиму делали многочисленные заготовки. Собранную лесную ягоду – смородину, малину – сушили. Применяли и другой способ заготовки: ягоды толкли, смешивали с солодом, клали в капустный лист и сушили в печи. «...Сушили черемуху и боярку. Бруснику, калину и облепиху мочили. Капусту квасили» [2]. Огурцы солили в кадках, добавляя специи – укроп, лист смородины, чеснок, хрень. Собирали и заготавливали грибы. Их срезали ножом или отщипывали рукой под самый корень. Грибы употребляли в пищу сразу после сбора жареными или вареными, а также заготавливали впрок. По воспоминаниям респондентов, «маслята, опята жарили» [3]. Сухие грузди и опята сушили, причем перед сушкой грибы, как правило, не мыли. Мокрые грузди и рыжики солили. Для засолки на дно бочки укладывали укроп, хрень, чеснок, слои вымытых и вычищенных грибов, которые солили «на вкус». Сверху укладывали груз.

Многие женщины и дети из-за нехватки продуктов питания часто вынуждены были употреблять в пищу мясо павших животных, так называемую «строганину». По воспоминаниям респондентов, ели мясо в основном павшего крупного рогатого скота и лишь в исключительных случаях – конину. Из дикорастущих растений респонденты вспоминают более 20 названий. Наиболее распространенными среди них, по данным ан-

кетирования в Быстроистокском районе, были чакан, дикий (польской) лук, аир (айр), а также кандык. Информаторы упоминают даже такое на первый взгляд несъедобное растение, как лопух. В устноисторических интервью встречаются упоминания о целенаправленном сборе крапивы, мучного корня, а также лука-батуна. Эти растения заготавливали на зиму двумя способами: «толкли или резали, кому как удобно, а позже пересыпали с солью» [3].

В годы войны единственным местом, где «хорошо» кормили [2], была полеводческая бригада: «...На бригаде работаешь... хоть картошечки наешься» [3]. Кроме того, в рационе были пшенная каша и самодельная лапша. Тесто на лапшу заводили без яиц, только на воде, муке и с солью.

Питание в годы Великой Отечественной войны зависело от времени года. Так, в летние месяцы пища была в основном растительного происхождения. Это были не только дикорастущие растения, но и культурные, выращиваемые на приусадебном участке, главным образом картофель: «Картошка была – это самое хорошее блюдо» [3]. Респонденты упоминают также белокочанную капусту, морковь и свеклу. Выращивание преимущественно корнеплодов было связано с тем, что они не требовали особых условий для хранения зимой. Кроме растений, летом употребляли молоко. Стоит заметить, что в годы войны из молока не изготавливали молочных продуктов, так как его «сразу выпивали» [2].

В осенне-зимний сезон рацион питания состоял в основном из картофельных и мучных блюд. Самым распространенным блюдом из картофеля были драники и так называемые «ландорики». Драники готовили без добавления муки: картофель терли на терке, отжимали и оставляли в тарелке, чтобы осел крахмал, затем добавляли соль и лепили удлиненные котлеты, укладывали без добавления жира на сковороду и ставили в печь. Растительное масло было роскошью, его расходовали по одной столовой ложке на общее блюдо похлебки для всей семьи, столько же – на большую сковороду картофеля. «Ландориками» информаторы называют тонко нарезанный и поджаренный на поду русской печи картофель. Не менее распространенным блюдом был картофель, варенный в «мундирах», т. е. нечищенным. По праздникам на столе была квашеная капуста, а также паренная в печи тыква.

Из мучных блюд информаторы чаще всего вспоминают зatiруху. Готовили ее таким образом: в кипящую подсоленную воду добавляли муку и варили несколько минут.

Весной, когда заканчивались заготовленные на зиму продукты питания, наступало самое тяжелое время. Именно весной дети собирали с полей гнилой картофель, годный только для приготовления драников.

Кроме того, часто употребляли в пищу «строганину»: варили мясо, срезанное с оттаявших туш павших животных. Столь тяжелую обстановку с продовольствием респонденты связывают с реквизициями в армию. При анкетировании на вопрос, чем был вызван голод в военное время, 75% респондентов ответили: «Всё сдавали на фронт», в то время как 25% связывают голод с неурожаем.

Таким образом, рацион питания в годы Великой Отечественной войны, по итогам анкетирования, на 77% состоял из продуктов растительного происхождения, в том числе на 15,3% – из мучных. Продукты животного происхождения не играли заметной роли, составляя лишь 7,7%.

В связи с внешними обстоятельствами, в частности практикой государственных заготовок, питание в военное время зависело от времени года. Летом среди продуктов преобладали дикорастущие растения: чакан, полевой лук и чеснок, зимой – картофель и корнеплоды. Питание было более ориентировано на овощной рацион.

Источники

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2007 г. Быстроистокский район, с. Хлеборобное, Кузнецова А. П., 1923 г. р.
2. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2007 г. Быстроистокский район, с. Хлеборобное, Глебова М. И., 1929 г. р.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2007 г. Быстроистокский район, с. Быстрый Исток, Попова Е. Н., 1924 г. р.

Т.А. Гориявчева

Этническое самосознание казахов (по материалам исследования моноэтничного села Бор-Кособулат в Угловском районе Алтайского края)

На территории Алтайского края в настоящее время существуют как локальные моноэтнические, так полизтические села, в частности казахские, татарские, немецкие и др. Цель настоящего исследования – выявить уровень этнического самосознания казахов с. Бор-Кособулат Угловского района Алтайского края. В ноябре 2007 г. студентами первого курса магистратуры ИФ БГПУ был осуществлен экспедиционный выезд для исследования татарского и казахского моноэтнических сел. Сбор материала велся посредством интервьюирования и анкетирования. Было заполнено 15 анкет с представителями казахской национальности, записан ряд интервью, собран фотоматериал.

Село Бор-Кособулат было основано в 1884 г. Легенда об образовании села, рассказанная Жакеном Акиматовичем Карамхановым, 1929 г. р., гласит, что на этой территории поселилась казахская семья Кособулата, в его честь и было названо село, а приставка «Бор» указывает на наличие

бора вокруг: «Дед какой-то приехал, его звать Кособулат. Одинокий был, дети все умерли и бабка тоже...» [1]. Хотя Жакен Акиматович на сегодня является старейшим жителем, точную дату образования села он назвать не смог. Трудность заключается не только в возрасте информатора, но и в том, что он говорит лишь на казахском языке, поэтому общение происходило через переводчика, в роли которого выступила внучка.

О. Б. Наумова, занимаясь вопросом самосознания российских казахов, выделяет ряд уровней: «родоплеменной, локальный и общеказахский» [2, с. 62]. В настоящей публикации рассмотрены первые два.

По данным анкетирования, родоплеменное сознание казахов с. Бор-Кособулат находится на низком уровне: на вопрос, знают ли они историю своего рода (они называют род «сыек»), более половины (56,3%) опрошенных ответили отрицательно. Как правило, респонденты независимо от возраста лишь называют имя своего рода, но об истории ничего сказать не могут. Что касается более крупной единицы родоплеменной структуры, то 43,8% не знают, представителями какого жуза они являются. Два человека из опрошенных подменяют понятие жуза термином «род» и указывают его название – Кайбагыз, Актаз, и лишь 43,8% определяют себя представителями Среднего жуза (Орта).

Отличительные признаки представителей разных жузов также смогли сформулировать немногие: не ответили на вопрос более 40%; различия в родстве отметили 37,5%, в быту – 31,3%; в месте проживания – 25%; в языке – 18,8%. Таким образом, родоплеменное сознание для казахов с. Бор-Кособулат не является жизненно важным, но по-прежнему актуальны старшинство в роде, уважение и почитание старших. Кангай Батыркановна Оразаминова, 1929 г. р., и ее дочь Римма в своем интервью отмечали: «Старшего в семье (дедушку) зовут Ата, а бабушку – Опа, а в Казахстане сейчас зовут Аже (бабушка)...» [3]. Близость села к границе Казахстана способствовала поддержанию тесных связей, в графе анкеты «наличие родственников в других населенных пунктах» часто указываются не только российские города и села (Омск, Владивосток, Угловский и Михайловский районы Алтайского края), но и города Казахстана (Кзыл-Орда, Чимкент, Семипалатинск, Алматы, Усть-Каменогорск).

Следующий уровень самосознания – локальный. Он ярко проявляется при сравнении российских казахов и казахов Казахстана. Отвечая на вопрос «Есть ли культурные различия между казахами, проживающими в России и в Казахстане?», большинство респондентов (93,8%) поставило на первое место район проживания, на второе – язык, на третье – одежду и образование, на четвертое – уровень достатка, на пятое – быт и

т. д. Из этнических признаков главным отличием считают язык. Римма Оразаминова рассказывает: «На нас говорят, что мы обрусевшие казахи, разговорная речь у них чистая, они на „ч“ разговаривают... Мы не понимаем их иногда» [3]. Слабое знание родного языка в с. Бор-Кособулат является прямым следствием вытеснения национального языка в советское время и уничтожения национальной школы в селе. Несмотря на то, что родным языком большинство называет казахский (87,5%), владение им остается на низком уровне. Литературный язык в селе знает лишь один человек (6,25% от числа опрошенных), умеют читать 37,5%, легко общаются 50%, пользуются только разговорным языком 62,5%. Слабое владение языком напрямую связано с источником знания: более 80% отмечают, что язык узнали от родителей. Кроме языковых различий казахов Алтайского края и Казахстана, существуют различия в одежде. В ходе интервью информаторы говорили о различиях головных уборов. В России казахи носят тюбетейку, напоминающую по форме юрту, а в Казахстане это высокая шапка с поднятыми краями.

В результате взаимодействия двух групп казахов происходят попытки воссоздания элементов культуры, например проведения национальных праздников. Тех, кто отмечает национальные и религиозные праздники, среди опрошенных оказалось 87,5%, из них 43,8% главным праздником считают Наурыз (Новый Год), на втором и третьем местах находятся религиозные праздники – Курбан-байрам, Ураза-байрам, и лишь в единичных случаях указываются Сабантуй, Жана Жил (Новый год), Кол-жа (дача имени). Празднования, проходившие раньше, респонденты характеризуют как менее богатые по сравнению с сегодняшними и как смешанные с русскими.

Важной составляющей самосознания является конфессиональная принадлежность. Большинство респондентов считают себя мусульманами, остальные просто не ответили на этот вопрос (возможно, это связано с формулировкой вопроса).

В заключение отметим, что эволюция самосознания казахов моноэтничного села Бор-Кособулат произошла по нескольким причинам: советское прошлое (формирование самосознания советского человека, вытеснение национального языка, атеистические установки); субъективный фактор – отсутствие стремления самих казахов к восстановлению традиции, в частности обучения на казахском языке; общее развитие региона, сопровождающееся стиранием всяческих этнокультурных особенностей, а также влияние русской культуры. Нами намеренно использован термин «эволюция», а не «трансформация», так как коренного изменения не произошло, утеряны лишь некоторые признаки.

Источники и литература

1. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2007 г. Угловский р-н, с. Бор-Кособулат, Карамханов Ж. А., 1929 г. р.
2. Наумова О.Б. Казахская диаспора в России: этническое самосознание и миграционное поведение // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 65–69.
3. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2007 г. Угловский р-н, с. Бор-Кособулат, Оразминова К. Б. 1929 г. р.

Т. А. Гориявчева

Этнокультурная адаптация постсоветских этнических мигрантов с. Быстрый Исток (по устно-историческому материалу)

Этнический состав населения с. Быстрый Исток разнообразен. Исследования этнической картины села проводились летом 2007 г. в ходе историко-этнографической экспедиции БГПУ. Данная тематика разрабатывается в рамках программы «Народы Алтайского края: история и культура», которая реализуется сотрудниками сектора этнографии и устной истории ЛИК БГПУ и студентами с 2005 г.

Студенты первого курса магистратуры Т. А. Гориявчева и А. В. Юсупова с помощью походзяйственных книг 2006, 2007 гг. выяснили, представители каких этносов проживают на территории села, и взяли у некоторых из них интервью. Респондентами стали 5 человек. Ими были заполнены анкеты по самосознанию и сохранности традиционной культуры. В дар музею БГПУ переданы предметы мусульманской культуры, а также богатый фотоматериал, включающий материалы личных фотоархивов. Все опрошенные являются мигрантами постсоветского периода.

Изучение процесса этнокультурной адаптации мигрантов – актуальный вопрос современной этнографии и этносоциологии. Этнографы из Мордовии Л. И. Никонова, А. Ф. Мельник исследовали эту тему в работе «Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия» [3] и выделили два основных фактора, влияющих на процесс адаптации и являющихся составной частью понятия «этнокультурная адаптация». Общение с информаторами не позволяет четко разделить главные и второстепенные факторы.

Первый фактор – экологический. Природно-климатические условия Алтайского края и мест выхода мигрантов – бывших союзных республик Армении и Узбекистана (автор проводил интервью только с представителями армянской и узбекской диаспор) значительно разнятся. Ярким примером адаптации к экологическим условиям может служить оформление усадьбы. Во дворе Инессы Якубовны Алиевой, 1969 г. р. (узбечка по происхождению, муж азербайджанец) дорожка перед крыльцом выполнена крупными камнями, кроме того, вход в дом украшен виноград-

Рис. 1. Оформление усадьбы Алиевых (с. Быстрый Исток)

ной лозой, что распространено на Кавказе [1]. Как известно, виноград является важным компонентом кавказской кухни. Листья и плоды винограда хозяйки используют для приготовления блюд, например долма (голубцы в виноградном листе), ча-ча (виноградное вино). По сей день готовят также шашлык, лаваш (пресные лепешки), но не в тундыре (традиционной армянской печи), а на сковороде; сладкие блюда – гата, пахлава, катнахундз (из слоеного теста). Все национальные блюда, как отмечает С. В. Согомонян, 1969 г. р., армянка по происхождению, готовятся в основном в праздники и для дорогих гостей, повседневную пищу составляют блюда русской кухни – супы (щи, уха), блюда из овощей и мяса [2].

Второй фактор – социально-экономический. В настоящее время принято считать, что выходцы из Закавказья и Средней Азии занимаются мелким предпринимательством: содержат обувные мастерские, мелкие торговые точки; как правило, этим занимается глава семьи – мужчина. Примеры с. Быстрый Исток говорят об ином: мужья респондентов С. В. Согомонян и И. Я. Алиевой занимают ответственные посты (директор государственной хлебопекарни и директор государственного колбасного цеха), заняты активной организационной работой и обладают качествами, необходимыми как предпринимателю, так и руководителю.

Неизменным остается семейный уклад: муж – глава семьи. Права и обязанности современных женщин сбалансиированы. Например, И. Я. Алиева с одобрения мужа получила высшее образование в Бийском педагогическом институте. Сама она, родившись в Узбекистане в узбекской семье, считает себя русской, ее муж – азербайджанец, но национальные традиции соблюдаются частично. Инесса Якубовна, будучи образованным человеком, стремится привить детям знание азербайджанского языка, национальных сказок (в меньшей степени узбекских, так как считает себя обрусевшей).

Третий фактор, по мнению автора, – социокультурный: возможность для мигрантов соблюдать свои национальные традиции в новом обществе и умение синтезировать их с иной культурой. Поскольку культура титульного этноса оказывает огромное влияние на мигрантов, происходит аккультурация (взаимопроникновение, смешение культур). Так как армяне, как и русские, православного вероисповедания, большинство религиозных праздников совпадает, но, несмотря на это, в доме С. В. Согомонян хранятся предметы, напоминаю-

Рис. 2. И. Я. Алиева во дворе дома Алиевых (старших)

Рис. 3. Макет армянской церкви Эчмиацин

щие о родине, например макет армянской церкви Эчмиацин. Все члены семьи Алиевых крещены в православной церкви, но у них также хранятся предметы национальной культуры – узбекская тюбетейка, кибла (коврик для мусульманской молитвы). Кибла была передана на хранение в музей БГПУ, так как она никогда не использовалась по назначению. В семейных фотоархивах имеются фотографии родителей информаторов в национальной одежде.

Следующим фактором этнокультурной адаптации, напрямую связанный с социокультурным, автор считает языковой. С. В. Согомнян вспоминает: «Очень трудно мне было без моих подружек, одиночество. Язык у нас русский был в Ереване два раза в неделю...» [2]. Незнание языка становится причиной как психологических, так и экономических трудностей для мигрантов (муж Инессы Якубовны, переселившись из Нахичевани на Алтай к родственникам, не мог трудоустроиться, так как слабо владел русским языком). Дети информаторов знают русский язык хо-

орошо и успешно прошли социализацию в школе и детском саду. С. В. Согомонян отмечает, что адаптироваться к новой жизни стало легче после того, как дети пошли в детский сад, школу: «Хорошо нас встречали в садике, в школе. Я стала больше общаться...» [2]. О реальной причине переезда информаторы рассказывать не желают.

Таким образом, процесс этнокультурной адаптации – сложное явление, на него оказывает влияние целый ряд факторов: от времени прибытия мигранта до его возраста и знания языка.

Источники и литература

1. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2007 г. Оп. 1. Быстроистокский р-н, с. Быстроисток. Алиева И. Я., 1969 г. р.
2. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2007 г. Оп. 1. Быстроистокский р-н, с. Быстроисток. Согомонян С. В. 1969 г. р.
3. Никонова Л. И. Этнокультурная адаптация мигрантов Закавказья в Республике Мордовия (на примере азербайджанской диаспоры) / Л. И. Никонова, Н. Ф. Мельник. Саранск, 2007. 176 с.

Н. С. Грибанова, Е. А. Шалыгина

Керамическая утварь в коллекциях музеев Быстроистокского района

Одним из неотъемлемых элементов традиционного крестьянского быта являлась утварь. Утварь – это совокупность предметов, необходимых в обиходе, в какой-либо области жизни [7, с. 530]. Материал, техника изготовления, форма предметов и характер их использования обусловлены традициями хозяйственной деятельности и эстетическими представлениями народа.

Материалом для изготовления посуды у восточнославянских народов традиционно служили дерево и глина. Несмотря на то, что металлическая посуда появилась еще в X в., стеклянная – в XI в., наиболее распространенной посудой для хранения и приготовления пищи в крестьянском быту вплоть до середины XX в. оставалась глиняная, во многом благодаря своей практичности и доступности [6, с. 309]. Глиняная посуда была дешевле металлической, служила дольше деревянной, приготовленные в ней блюда имели особые вкусовые качества.

Крестьяне-первопоселенцы привезли с собой на Алтай традиции изготовления глиняной посуды в домашних условиях с использованием ручного гончарного круга и без него. В XIX в. в селах Кольвано-Воскресенского горного округа стали возникать гончарные мастерские, продукция которых отличалась от «самоделных» изделий качеством и разнообразием форм [4, с. 125]. Распространенность глиняной посуды и многочисленность предметов в каждом доме способствовали формированию

Рис. 1

интересных коллекций керамической утвари в музеях региона. Особую значимость, на наш взгляд, представляют собрания сельских музеев, поскольку включают в себя утварь, бытовавшую в селе и, очевидно, изготовленную местными кустарями. К сожалению, за время экспедиции 2007 г. в Быстроистокский район Алтайского края нам не удалось получить информации о местных кустарях и мастерских по изготовлению утвари. Вероятной причиной этого представляется возраст информантов, большинство из которых (1920–1930-х гг. р.) не помнят доколхозный период. Удалось лишь зафиксировать сведения об изготовлении утвари в домашних условиях для собственных

нужд [1]. В связи с этим коллекции сельских музеев представляют на сегодняшний день основной источник, позволяющий выявить локальную специфику крестьянского быта и раскрыть отдельные особенности изготовления традиционной глиняной утвари.

Целью настоящей публикации является характеристика керамической утвари из коллекций музеев Быстроистокского района. В ходе историко-этнографической экспедиции БГПУ в июле 2007 г. было описано и сфотографировано 30 предметов керамической утвари в историко-краеведческом музее Быстроистокского района (4 ед.), историко-краеведческом музее Верх-Озернинской средней школы (17 ед.) и школьном краеведческом музее Верх-Ануйской средней школы (9 ед.). В музеях представлена керамика различных типов. Классифицировать керамическую утварь можно по способу изготовления, материалу, по форме, размерам, способу орнаментации, характеру использования.

По технике производства всю керамическую утварь можно разделить на самолепную и гончарного производства. Изготовление посуды в домашних условиях продолжало существовать в селах Алтая вплоть до второй половины XX в. Дольше других сохраняли традиции изготовления и использования самолепной глиняной посуды старожилы-старообрядцы. Так, среди исследуемых предметов одна корчага (рис. 1) и три горшка (рис. 2 справа, рис. 3, рис. 4 справа) домашнего производства из школьно-

Рис. 2

го музея с. Верх-Озерное, где, согласно полевым материалам, проживали кержаки, один горшок из школьного музея с. Верх-Ануйского (рис. 5). Их отличает неправильная форма, отсутствие венчика, темный, почти черный цвет глины, отсутствие глазури, задымление. Способ изготовления глиняной посуды в домашних условиях был примитивным: на плоскости размещался кусок глины, делались углубления, а потом и загнутые края сосуда. Все прощупывалось руками – и толщина стенок, и форма. Позже появляется способ кольцевого налепа [3, с. 217]. Наиболее распространенным видом самолепной посуды были горшки и небольшие по размерам корчаги.

Изделия, выполненные на гончарном круге, имеют слабовыраженные горизонтальные бороздки, правильную форму. Пятнадцать из 25 предметов, изготовленных на гончарном круге, покрыты глазурью разных цветов – красной, черной, коричневой, желтой. Одна кринка из музея Верх-Ануйской школы покрыта глазурью зеленого цвета, что встречается достаточно редко. Горшок из собрания того же музея изготовлен из желтой глины и покрыт черной глазурью.

Рис. 3

Рис. 4

Для изготовления гончарных изделий в селах Быстроистокского района традиционно использовалась глина разных цветов: черная, бурая, коричневая при преобладании красной или красно-коричневой. Из многообразных форм утвари в названных музеях представлены кринки, горшки, кувшины, кольванки, корчаги, стаканы, жбан.

Кринки (9 ед.) во всех трех собраниях сходны по форме. Выделяется кринка из Верх-Ануйского музея, она имеет валик (рис. 6). Остальные –

со слабо отогнутым венчиком, но без валика (рис. 9). Исключение составляет одна из кринок Верх-Озернинского музея со значительным отогнутым венчиком. Размеры кринок колеблются по высоте от 21 до 23 см, по диаметру дна – от 8 до 11 см, по диаметру горла – от 10 до 12 см.

Горшки гончарного производства из рассматриваемых коллекций, так же как и кринки, имеют форму, типичную для этого вида предметов. Особенностью является отсутствие валика. Венчик большинства горшков отогнут, горло соединяется с туловом пере-

Рис. 5

гибом через четкую грань. Один из горшков Верх-Ануйского музея имеет небольшую шейку, что отличает его от других. Горшок с закраиной (выступом края дна) также встретился в музее с. Верх-Ануйское.

Из семи рассмотренных кувшинов три имеют ручки. Высота кувшинов колеблется в среднем от 20 до 25 см. Один имеет ярко выраженное фигурное горло, покатые плечики и широкое сферообразное тулово (рис. 7). Необычен по форме кувшин из музея с. Верх-Озерное: кувшины подобной формы не встречались ни в одном из каталогов гончарных изделий Алтайского края. Кувшин достаточно высокий – 32 см, дно плоское, стенки придонной части прямые. Перегиб от туловы к плечику через сглаженное ребро. Место наибольшего расширения туловы – верхняя треть кувшина. Плечико покатое. Тулово плавно соединяется с горлом, венчик сильно отогнут наружу (рис. 8). В целом следует отметить, что предметы отличаются правильностью форм, что говорит о высоком уровне кустарного производства.

Несмотря на схожесть форм предметов одного вида, каждый имеет свои особенности, например орнамент, по которому можно судить о времени изготовления предмета. Считается, что орнаментированные гончарные изделия кустарного производства появились позже, чем простые и глазурованные, что связано с развитием торговли и, как следствие, появлением конкуренции. У мастеров-гончаров возникла необходимость украсить, выделить свои изделия из общей массы. Роспись на посуде появилась с позднепереселенцами [2, с. 187]. Однако орнамент или отдельные символы встречаются и на посуде ручной лепки. Орнамент символичен: тре-

Рис. 6

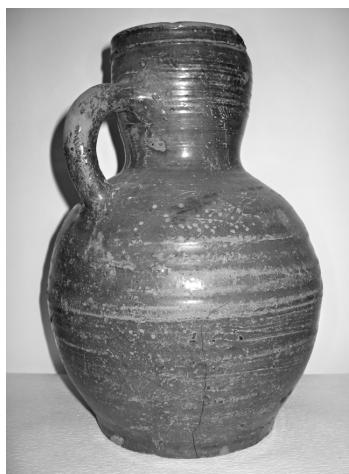

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

угольные знаки острием вверх означают женское начало, вниз — мужское, косо поставленный крест — знак воспроизведения, продолжения рода [3, с. 218].

Из предметов музеев Быстроистокского района орнамент встречается на кринке в виде волнистой линии на горле (рис. 9), на двух кувшинах — в виде горизонтальных бороздок, на одной кринке волнистая линия ограничена снизу двумя горизонтальными бороздками (рис. 6). На корчаге ручной лепки из музея Верх-Ануйской школы вычерчена буква «М» (рис. 5). Подобный штамп в виде косого креста встречен на самолепной корчаге из Солонешенского района [5, с. 352; кат. 81]. Возможно, это помета автора. Особняком стоит расписной кувшин из музея с. Верх-Озерное. По всему тулово сосуда нанесена роспись растительного характера. Вре-

Фото 10

мя и место изготовления этого кувшина не ясно, аналогов на территории Алтайского края не встречалось.

Степень сохранности сосудов свидетельствует об их назначении и частоте использования. Например, маленький горшочек из Верх-Ануйского музея имеет закопченную придонную часть, следовательно, он использовался для непосредственного приготовления пищи в печи. А у горшка из музея с. Быстрый Исток дно отсутствует полностью: видимо, он принадлежал семье с небольшим достатком и использовался бесменно. Колыбанка из музея Верх-Озернинской средней школы трижды опоясана под валиком металлической проволокой, назначение которой не ясно (рис. 10). Возможно, проволока служила для увеличения срока использования предмета.

Таким образом, изучение коллекции керамической утвари музеев Быстроистокского района показывает, что в целом они изготовлены в рамках общерусских традиций. Подобные предметы встречаются во многих селах Алтайского края. Вместе с тем значительное число предметов ручной лепки и неглазурованной утвари, изготовленной на гончарном круге, может свидетельствовать о существовании в районе (с. Верх-Озерное) старообрядческой традиции изготовления и использования утвари. Кринки, горшки, кувшины в целом имеют формы, характерные для этих видов предметов. Однако в связи с тем, что масштабного кустарного производства вблизи сел современного Быстроистокского района не было и предметы изготавливались в мелких гончарных мастерских, многие из них имеют особенности (необычный венчик, выступ закраины дна, ярко выраженная шейка и др.), носящие, возможно, авторский характер.

Источники и литература

1. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2007 г., Быстроистокский район, с. Быстрый Исток. Медведева Н. Ф., 1919 г. р.
2. Галузя С. Д. Гончарное дело и игрушечный промысел // В предгорьях Алтая. Барнаул: Алтайское, 2001. С. 185–193.
3. Дубровская М. В. Старообрядческая посуда Солонешенского района // Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. материалов / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 217–220.
4. Осадчий А. Н. О состоянии гончарного производства на Алтае // Этнография Алтая Материалы II науч.-практ. конф. Барнаул, 1996. С. 125–129.
5. Памятники русской традиционной культуры в музеях Солонешенского района. Каталог // Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. материалов / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 311–351.
6. Русские: народная культура (история и современность). Т. 2. Материальная культура. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. 356 с.
7. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.

Д. В. Дьякова

Прялки Быстроистокского района: сравнительная характеристика

Одним из направлений сбора источников в ходе историко-этнографической экспедиции БГПУ в Быстроистокский район Алтайского края летом 2007 г. (руководитель – д-р ист. наук, проф. Т. К. Щеглова) являлась фиксация (фото-, видеосъемка, зарисовка, описание) предметов материальной культуры. За время экспедиции удалось ознакомиться с материалами школьного краеведческого музея средней школы с. Верх-Ануйское (далее ШКМ ВА), историко-краеведческого музея Быстроистокского района (с. Быстрый Исток, далее ИКМ БИ), историко-краеведческого музея школы с. Верх-Озерное (далее ИКМ ВО). В числе зафиксированных предметов культуры и быта населения района обращают на себя внимание шесть прялок, различных по форме, конструкции и украшению.

Русская прялка как элемент традиционной материальной культуры, не только представляющий собой источник для изучения трудовых процессов и быта, но и отражающий мировоззрение и эстетические представления народа, привлекает внимание исследователей с начала XX в. К настоящему времени довольно полно описана «прялочная картина» Русского Севера [2, с. 790], имеются публикации, посвященные особенностям прялок отдельных регионов Сибири [1, 9].

Рис. 1

Прялкам русских крестьян-старожилов Алтая посвящены многочисленные работы исследователей: Л. М. Руслакова и Н. И. Каплан рассматривают прялки с точки зрения их образной содержательности как образцов изобразительного искусства [8, 4], В. А. Липинская предложила их классификацию [6], Н. В. Шишкина выявила локальные особенности прялок Третьяковского района [10]. Л. В. Живова рассматривает прялки комплексно, как предметы материальной культуры [3]. Вместе с тем исследователи еще весьма далеки от выявления всех возможных локальных вариантов прялок, бывавших в селах Алтайского края, в силу их большого разнообразия по форме и декору. Введение в научный оборот материалов музейных коллек-

Рис. 2

Рис. 3

ций позволит пополнить предметный ряд для дальнейшего изучения традиций изготовления и орнаментации прядлок.

Целью настоящей работы является описание прядлок, хранящихся в музеях Быстроистокского района, а также сравнение их с образцами из других районов Алтайского края. Источником для сравнения являются опубликованные материалы [3, 5, 7, 10]. Для удобства описания и сравнения прядлок присвоены номера (соответствуют номерам иллюстраций): № 1 – прядлка с росписью, бордового цвета, ИКМ БИ; № 2 – прядлка с росписью, зеленого цвета, ИКМ БИ; № 3 – прядлка-новодел, ШКМ

Рис. 4

Рис. 5

ВА; № 4 – прылка без росписи, окрашенная зеленой краской, ШКМ ВА; № 5 – прылка с прямоугольной лопастью, ШКМ ВА; № 6 – прылка с росписью, ИКМ ВО.

По типологии, приведенной Л. В. Живовой [3, с. 24], прылки из коллекций музеев Быстроистокского района по конструкции делятся на простые составные (№ 3) и составные токарные, ножка которых вставлена в паз простого деревянного донца (№ 1, 2, 4–6). При этом следует отметить, что простая составная прылка – новодел, изготовленны специально для краеведческого музея Верх-Ануйской школы. Поэтому материал и техника изготовления применены с нарушением традиционных норм. Лопасть прылки № 3 из фанеры вставлена в отверстие в ножке и имеет по 5 прорезей с двух сторон по бокам для крепления кудели, что не ха-

рактерно для остальных прядлок. Прядлка покрыта лаком и не имеет утолщения донца в месте соединения с ножкой.

Прядлки № 1–4, 6 имеют лопасти в форме удлиненного прямоугольника, верх которого оформлен двумя вырезанными вогнутыми, низ – двумя выгнутыми дугами. Особенно стоит выделить прядлку № 6, которая отличается от других свисающими по краям «сережками». Прядлка № 5 имеет лопасть в виде простого неукрашенного прямоугольника.

Ножки прядлок № 1, 2, 4–6 фигурные, выточены на токарном станке в виде балаясин, т. е. имеют перехваты. Ножки всех прядлок соединяются с донцем «в шип». Донца дощатые, в месте соединения с ножкой имеют утолщение. Донце прядлки № 4 у пятки и на конце сужено; у прядлки № 5 скруглено на углах; прядлок № 1, 3 прямое. Выделяется среди других донце прядлки № 6, которое от пятки до середины прямое, а дальше значительно расширяется и имеет форму прямоугольника.

Лопасти прядлок № 1, 2, 6 украшены росписью с лицевой и внутренней стороны. Мотивы росписи традиционные для прядлок русских крестьян-старожилов Алтая – крупные цветы, грозди, листья, птицы. Техника росписи – свободный кистевой мазок, цветы выполнены с применением «разбела». Композиция декорирована графическими веточками-«припiskами».

Своеобразна роспись лопасти прядлки № 2. Лопасть украшена черным рисунком на темно-зеленом фоне (множество веточек-приписок, лапки птиц). Обращает на себя внимание техника росписи: если на прядлках № 1 и 6 это кистевой мазок с применением «разбела», то на данной прядлке каждая деталь композиции прорисована отдельно. В результате рисунок кажется «живым».

Отдельные элементы росписи, конструкции прядлок, зафиксированных в ходе ИЭЭ, имеют аналоги в других районах. Так, по технике и ком-

Рис. 6

позиции росписи прялка № 1 схожа с некоторыми прялками Солонешенского района [7, рис. 52, кат. № 1] – крупные шестилепестковые цветы, выполненные кистевым мазком с применением «разбела», наличием листьев-«метелочек». Введение птиц в композицию определяет сходство прялки № 1 с прялками Третьяковского [10, рис. 4, 6] и Алтайского районов, для которых изображения птиц типичны. Роспись прялки № 6 имеет черты сходства с росписью прялок Залесовского района [5, рис. 79, кат. № 3] – наличие крупных круглых цветов на темном фоне.

Прялка № 2, которая стоит особняком среди прялок Быстроистокского района, имеет аналог в Залесовском районе. Композиция росписи – черный вазон и темно-зеленое древо, каждая веточка которого также прорисована отдельно, что создает впечатление единства и оживленности рисунка.

Таким образом, сравнение прялок Быстроистокского района и других районов Алтайского края показывает, что прялки изготовлены и расписаны в рамках традиций, характерных для русского старожильческого населения юга Западной Сибири.

Научное описание предметов

Прялка № 1. Деревянная. Составная. Широкая лопасть переходит в узкую ножку; сделаны из одного куска дерева. Ножка с помощью вырезанного на ней шипа крепится в отверстии донца под углом 90°. Верх лопасти оформлен двумя вогнутыми, низ – двумя выпуклыми дугами. В верхней части лопасти, с левой стороны, имеется одно отверстие для закрепления веревочки, к которой привязывалась кудель. Ножка округлая в сечении, фигурная. Донце расширяется от ножки. Нижняя сторона донца плоская, а наружная в месте соединения с ножкой имеет утолщение. Лопасть окрашена бордовой краской. С рабочей стороны лопасти оставлена неокрашенная часть. Роспись на лицевой стороне частично утрачена и просматривается лишь изображение птицы. На тыльной стороне написано древо в традиционно-упрощенной интерпретации, представляющее собой 2 цветка-розетки, расположенных вертикально. Верхний цветок желтого, нижний синего цвета, соединены черными веточками-приписками. В верхней части композиции – птица, по обеим сторонам от верхнего цветка прорисованы два крупных листа, с двух сторон от нижнего цветка листья-метелочки синего цвета. Роспись живописная, с разбелом.

Сохранность: отколот правый верхний угол лопасти, имеется небольшая трещина.

Лопасть: 21,5 29–35 0,5–1 см; ножка: 35,5 5,5–3 см; донце: 52,5 9,5–6,3 3,7–0,3 см;

Место хранения: историко-краеведческий музей Быстроистокского района.

Прялка № 2. Деревянная. Составная. Ножка крепится к донцу с помощью прямоугольного шипа, вставленного в отверстие донца. Ножка выточена на токарном станке, окрашена зеленой в сочетании с бордовой краской. В прорезь в ножке вставлена лопасть, закрепленная металлическими гвоздями с круглой шляпкой. На лопасти с левой стороны имеется отверстие для закрепления веревочки, к которой привязывалась кудель. Лопасть окрашена в темно-зеленый цвет. На лицевой стороне лопаски мелкий черный рисунок: веточки-приписки, птицы, дерево, а также множество птичьих лапок по всей поверхности лопасти. Роспись на обратной стороне утрачена.

Сохранность: часть донца отколота, ножка и лопасть закреплены металлическими гвоздями. Многочисленные царапины, трещины.

Лопасть: 35 24 1 см; ножка: в. 46,5 4,5 см; донце: 55 6–8,5 см.

Место хранения: историко-краеведческий музей Быстроистокского района.

Прялка № 6. Деревянная. Составная. На круглой ножке-«стволе» в виде точеной балюсины закреплена прямоугольная лопасть с полукруглыми выступами в нижней и верхней части. По краям свисают две «сережки». Ножка крепится в донце под углом 90°. В верхней части лопасти с левой стороны имеется отверстие для закрепления веревочки, которой привязывалась кудель. Донце прямое, расширяется от середины и приобретает форму прямоугольника. Лопаска окрашена красно-коричневой краской с обеих сторон. На лицевой стороне прорисован крупный цветок-розетка зеленоватого цвета, от него в стороны расходятся гирлянды синих ягод, соединенных веточками-приписками. На обратной стороне, в центре, – большой бордовый цветок-розетка, над ним еще два аналогичных меньшего размера. От нижнего цветка в сторону свисают синие грозди ягод, соединенных приписками, и два листа зеленого цвета. Между верхними цветами расположен синий колокольчик с двумя зелеными листьями вверху и по бокам. Роспись прялки живописная, с разбелом.

Сохранность: лопасть расколота по центру. На лицевой стороне две половины скреплены металлической пластиной, а с обратной стороны деревянной дощечкой.

Лопасть: 33 20 0,9 см; донце: 49 5–10 0,5–3,5; ножка: 37,5 4–4,5 см.

Место хранения: историко-краеведческий музей Верх-Озернинской средней школы.

Источники и литература

1. Беляева Г. Г. Декоративные росписи по дереву. Традиционная культура Омского Прииртышья второй половины XIX–XX века. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 124 с.
2. Денисова И. М. Вологодские прялки // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2004. С. 786–839.
3. Живова Л. В. Домовая роспись на Алтае // Этнография Алтайского края. Барнаул, 1994. С. 20–28.
4. Каплан Н. И. Очерки по народному искусству Алтая. М., 1961.
5. Клокова Л. И., Живова Л. В., Дубровская М. В., Куприянова И. В., Корникова Л. В., Паньшина Н. Г. Традиционная культура старожилов Алтая и переселенцев. Аннотированный каталог Залесовского краеведческого музея // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 272–296.
6. Липинская В. А. Русское население Алтайского края (народные традиции в материальной культуре XVIII–XX вв.). М., 1987.
7. Памятники русской традиционной культуры в музеях Солонешенского района. Каталог // Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. материалов / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2004. С. 311–353.
8. Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск: Наука, сиб. отд-ние АН СССР, 1989. 173 с.
9. Шайхтдинова Н. Х. Тюменские прялки. Тюмень, 1981.
10. Шишкина Н. В. Расписные прялки из с. Староалейское Третьяковского района Алтайского края // Культурология традиционных сообществ. Омск, 2002. С. 109–112.

E. A. Коляскина

К вопросу о деторождении в первой трети XX в. по материалам Шелаболихинского района

Данная публикация является частью результатов исследований, проводившихся в районах Алтайского края, и носит характер предварительных замечаний, основанных на полевом материале, собранном в Шелаболихинском районе.

Большое количество детей в семьях как старожилов, так и переселенцев не являлось редкостью: у деда-переселенца М. Г. Волковой было семь сыновей, у ее матери, челдонки по происхождению, родилось девять детей; в семье воронежской переселенки В. В. Конновой было восемь детей; и этот список можно продолжать до бесконечности. По воспоминаниям сибирячки Т. М. Ворсиной, 1929 г. р., проживавшей в с. Иня, «жило в округе столько домов, и меньше пяти не было ребятишек».

Высокое чадородие было сопряжено с большой детской смертностью: по воспоминаниям М. Г. Волковой, у ее матери родилось девять детей, из которых до взрослого состояния дожили двое, остальные «померли»; мать А. П. Пановой родила одиннадцать детей, «а осталось в живых трое»; подобную ситуацию в своей семье описала и В. В. Коннова: мать

родила восемь детей, «но они помирали маленькие»; у матери Е. Д. Карповой детей «много было, но они маленькие умирали», выросли только четверо; можно привести множество подобных примеров. Нужно отметить, что данная ситуация была типична не только для селений Шелаболихинского района, но и в целом для Алтая и России.

Женщины рожали на протяжении всего репродуктивного периода, рождение ребенка около и после сорока лет было достаточно распространенным явлением. Так, мать М. Г. Волковой, 1923 г. р., родила ее на тридцать девятом году. Довольно часто встречаются рассказы об одновременном рождении ребенка дочерью и матерью или снохой и свекровью. Например, по рассказу З. И. Шишкиной, «у маме родился мальчик, а у свекровки дочь последняя, Валентина».

По народным представлениям, женский организм содержал определенный «запас» детей, которых женщина в течение репродуктивного периода носила в себе и производила на свет. Об этом свидетельствует терминология аборт или преждевременных родов: «скинула ребенка». Одна из информаторов отметила: «Рожали всех, сколько было... Рожали-то, пока менструация идет» (Коннова В. В., 1930 г. р., воронежская переселенка, с. Иня). Представления об определенном «запасе» детей в женском теле подтверждает также и впервые встреченное нами представление, что если женщина сделает аборт, ее не родившиеся дети «сквозь ребер будут выглядывать потом» (Ворсина Т. М., 1929 г. р., старожилка, с. Иня).

Способность к деторождению выступала признаком феминности. Сами роды воспринимались как женская «болезнь»: «Как заболею (начнутся схватки. — Е. К.), и идет эта баушка» (Лиханова Т. А., 1912 г. р., старожилка, с. Шелаболиха).

Символика материнства в народном сознании наделялось магическими свойствами. Нам удалось записать молитву «Сон Пресвятой Богородицы», которая считалась «защитницей» от всех жизненных неурядиц. Как заметила информатор, «я нигде с этой молитвой не боялася, куда ни пойду» (Волкова М. Г., 1923 г. р., чедонка). Вот текст этой молитвы: «Во граде Иерусалиме в большой церкви на престоле спала и почивала Матушка пречиста Пресвятая Богородица, сновиденье видала про своего сына возлюбленного, как бы его жиды поймали на горе, на Артепе, над рекой на Иордане, взяли бы ее на муки. Мучили, терзали, плевали, каркали, на три древа распияли, на кедра, на педро, на древо кипарис, и в руки и в ноги гвоздей набивали, белую грудь гужлом пробуждали, в камень пещеры закладали. На третий день по писанию святому Иисус Христос из гроба воскрес. Идут и поют с Михаилем Архангелем стихи сарасимски, голоса новосиимски, идут и поют во ету соборну, святую,

апостольску церкву. Мати моя, спиши или нет? Сплю и не сплю, но и паче так лежу, сон мне приснился про своего сына возлюбленного. И начинат его надо сначала. Он ей и отвечает: „Взять этот сон, списать этот сон на три книги евангельские, положить этот сон в престол иерусалимский, запечатать этот сон тремя крестами, пяти пятиярками. Кто этот сон поймет, да помилует, трижды раз в день прочтет, да отца, мать почтет, не будет тот раб, на воде не сгорит, на воде не утонет, суду судом не обсужден и от всякой напасти сохранен“. Спаси меня, Господи, в поле и в доме, спаси меня, Господи, в пути и в дороге, спаси меня Господи от мужика-веретника, от бабы-веретницы, от девки-волосиницы. Присно, во веки веков, аминь» (Волкова М. Г., 1923 г. р., чледонка). Как видим, текст молитвы весь проникнут символами материнства, одним из которых являлась «Матушка Пречистая Пресвятая Богородица», считавшейся покровительницей материнства.

Ограничение репродуктивной способности женщины считалось большим грехом. Аборт в сознании женщин до сих пор ассоциируется если не с грехом, то со смертью, страхом, неминуемым наказанием, лишением женщины в будущем возможности материнства, о чем свидетельствуют следующие рассказы информаторов: «Боялись Бога... Греха боялися» (Ворсина Т. М., 1929 г. р., старожилка, с. Иня); «Сами аборты делали, но многие стали помирать, боялись» (Коннова В. В., 1930 г. р., воронежская переселенка, с. Иня); «Слыхать же было, вот Клава сделала аборт... Она больше не рожала... Ведь аборты раньше, боже сохрани. В Шелаболихе одна ездила, делала аборт, пострадала, но потом ее все же посадили, слыхать было, что посадили за аборт» (Пушкирева Е. В., 1931 г. р., сибирячка); «У нас тут одна девка была хороша такая и забеременела. А ее родители притесняли. Он дал ей отравы, выпить в бане и родиши. Она выпила и умерла» (Панова А. П., 1918 г. р., чледонка); «Умирало много тогда от аборотов» (Митрохина А. Т., 1924 г. р., российская переселенка).

К искусственному прерыванию беременности прибегали чаще всего незамужние женщины или неверные жены, «вольны женщины», как называли их на селе, поскольку условием «нормального» деторождения считалось наличие брака между родителями ребенка. Дети, рожденные вне брака, считались незаконнорожденными, в Шелаболихинском районе и вообще на Алтае их называли «суразами», «нагульными». Отношение к данному явлению со стороны деревенского общества было негативным: «Суразы были... раньше считали за позор» (Прайдакова Н. И., 1936 г. р., старожилка); «С презрением, даже девка пролетит, все знали... Было, ворота мазали... это при маме было» (Быковская З. И., 1928 г. р., российская переселенка). После коллективизации, с вовлечением жен-

щины в общественное производство, и «порядочные» женщины стали прибегать к абортам, но уже не как к средству скрыть нежелательную беременность, а как к средству регуляции деторождения, применявшимся женщинами, уже имевшими детей: «Делала и я... ну, конечно, тижало было работать... А одна (сделала аборт. – Е. К.)... у ей десять детей было» (Митрохина А. Т., 1924 г. р., российская переселенка).

Поскольку деторождение воспринималось как «нормальное женское дело», оно не должно было мешать выполнению женщиной ее обычных хозяйственных обязанностей. Традиционно встречается множество рассказов о работе крестьянок «до последнего». Так, З. И. Шишкина вспомнила историю своей матери: «Мама рассказывала, как меня рожала... белила... тогда утюга-то не было – каток, валек... Давай все это перестиранное катать вальком, схватки... дошла до соседки». Считалось даже, что активность женщины во время беременности, в том числе и непосредственно в период схваток, способствовала легким родам. «Мама говорит: ходи (между схватками. – Е. К.) по одной плашке (пола. – Е. К.) взад-вперед» (Пушкирева Л. М., 1925 г. р.). «Они, наоборот, говорили, надо помаленьку двигаться, не сидеть (Карпова Е. Д., 1925 г. р., кержачка).

Хозяйственная активность женщины ограничивалась первое время после родов: «Сырая... шесть недель... тяжело поднимать нельзя» (Леонтьева Н. А., 1931 г. р., полячка); «После родов нельзя тяжело поднимать, сырая (роженица. – Е. К.)». (Карпова Е. Д., 1925 г. р., кержачка). Помочь женщине в таком положении был призван обычай «на зубок». Женщины села, уже имевшие детей и составлявшие одну возрастную группу, приходили к роженице, приносили приготовленную пищу, могли помочь по хозяйству. «Идут, на зубок несут... покушать, у кого че есть. Кто богатый – товару» (Леонтьева Н. А., 1931 г. р., полячка). «Обязательно придут посмотреть ребенка, принесут родихе... Называлось „на зубок принести“» (Шишкина З. И., 1938 г. р.). «„На зубок“ говорили, кто тряпки принесет, кто еду, чтоб после родов поесть» (Чернодарова Л. Ф., 1923 г. р., старожилка). «Роженице поищь... на зубок» (Карпова Е. Д., 1925 г. р., кержачка).

Е. К. Лейбова

Методика работы с устными историческими источниками при изучении школьниками темы переселения их семей в Сибирь

Устная история – актуальное направление в методологии XX–XXI вв. Главной ее отличительной особенностью является реконструкция исторических сюжетов на основе устных источников, все многообразие которых можно разделить на три группы: 1) отражающие индивидуальную

историческую память (свидетельства конкретных участников и современников событий, их ближайших потомков); 2) отражающие групповую, коллективную память (семейные предания и легенды, слухи и т. п.); 3) отражающие общественную, общенародную память (фольклор).

Среди разнообразных устных исторических источников на уроках региональной истории в большей степени востребованы устные свидетельства очевидцев и участников событий, их современников и ближайших потомков. Эти источники обращают школьников к индивидуальной и коллективной исторической памяти, актуализируют субъектную позицию ученика как участника диалога поколений, способствуют самоидентификации школьников в поликультурном пространстве современной России.

Каждая группа устных источников отличается содержанием исторических сведений и назначением (ролью) в культуре, помогает наиболее полно изучить какой-либо аспект жизни людей. Устная традиция находит применение в первую очередь в семейной истории. Устная биография незаменима при написании биографии отдельного человека или многих лиц, объединенных общим делом. Устная история широко применяется в историческом краеведении, при описании конкретных объектов города или края, а также при описании исторических событий, участниками, очевидцами или современниками которых являются опрашиваемые историком люди. Однако, помимо событий личной и «большой» истории, все группы устных источников отражают духовный мир человека, его ценности, традиции, стереотипы, страхи, надежды и характеризуют особенности мировоззрения людей.

Несомненно, устные исторические источники, доступные учителю и ученикам, в первую очередь отражают сюжеты региональной истории, т. е. той местности, жителем которой является рассказчик. Однако к устным свидетельствам очевидцев и участников событий сегодняшние старшеклассники могут обратиться лишь при изучении периода истории, пережитого их ближайшими родственниками, т. е. при изучении региональных курсов истории. Видный специалист в области устной истории, английский историк П. Томпсон подчеркивает, что устные источники незаменимы при описании истории своего города, его конкретных жителей или событий [4, с. 189].

Устные источники дают возможность взглянуть на проблемы жизни страны, края, города, семьи «изнутри», «снизу», поэтому особую роль они способны сыграть при изучении вопросов повседневной жизни, быта людей. К тому же интервью или беседа с участниками и современниками событий позволяют узнать мнение населения по поводу событий

«большой» истории, понять их эмоциональные переживания в момент событий, а также выяснить их отношение к последствиям этих событий. Поэтому к устным источникам целесообразно обращаться и при изучении масштабных (рубежных) событий истории страны в целом.

Таким образом, устные исторические источники могут использовать- ся как для изучения исторической реальности как таковой (историче- ской повседневности, быта, важнейших событий истории), так и для изучения ее отражения в массовом историческом сознании.

Приемы работы старшеклассников с устными историческими источ- никами целесообразно разделить на две группы, соответствующие эта- пам познавательной деятельности: приемы создания источников и приемы их изучения. Первая группа включает сбор, фиксацию устных исторических источников, вторая – чтение (расшифровку), комментирова- ние и интерпретацию. Таким образом, этап обращения к источникам практически всегда предполагает дополнительную деятельность историка по созданию устных исторических источников – сбору и фиксации устных исторических свидетельств.

На уроках по темам «Столыпинская аграрная реформа», «Эвакуация населения в ходе Великой Отечественной войны», «Распад СССР» и т. п. возможно обращение учителя к сюжету переселения семей школьников в место их нынешнего проживания. Работа по данному сюжету возмож- на только при обращении ребят к воспоминаниям своих родных и близ- ких, когда они могут последовательно применить на практике приемы сбора и изучения устных исторических источников. Именно на подоб- ную работу ориентируют старшеклассников авторы разных пособий по региональной истории [2, с. 39, 175, 281, 301; 3, с. 125, 137].

Самым распространенным методом сбора устной информации явля- ется интервью. Оно может быть как массовым (с целью выявления обще- ственного мнения по тому или иному вопросу), так и индивидуальным (с целью выявления личных представлений респондента по интересую- щему интервьюера вопросу). По содержанию обсуждаемых вопросов различают биографическое, генеалогическое, событийное и другие ин- тервью. Беседа – иной метод сбора информации, поскольку собеседни- ки являются полноправными участниками диалога. Наконец, еще од- ним актуальным для устной истории методом является наблюдение – получение информации о собеседниках путем непосредственного вос- приятия особенностей их речи (интонаций, пауз, оговорок), а также не- вербальных знаков – мимики, жестов, настроения.

Поскольку беседа как метод наиболее сложна для освоения школьни- ками, использовать ее они могут преимущественно при общении с близ-

Таблица 1

Основные невербальные компоненты общения интервьюера

Компонент	Описание компонента
Зрительный контакт с собеседником	Интервьюер, обращающийся к респонденту, смотрит ему в глаза, когда говорит сам или слушает собеседника.
Выражение лица, мимика	Интервьюер сохраняет в течение всего разговора с респондентом внимательное и доброжелательное выражение лица (широкая, открытая улыбка, искренний, смех в те моменты беседы, когда это уместно).
Сила голоса	Интервьюер говорит своим обычным голосом, не слишком тихо и не слишком громко, с расчетом на то, чтобы его мог хорошо слышать собеседник. Сила голоса соответствует содержанию и тону разговора.
Гладкость (плавность, непрерывность) речи	Интервьюер произносит речь плавно, не прерываясь, не делая ненужных пауз, порождающих излишние ожидания и напряженность у собеседника, не включает в свою речь ненужные междометия. Говорит в ровном темпе, не ускоряя и не замедляя речь, если в этом нет необходимости.
Жестикуляция	Интервьюер мало жестикулирует, чтобы не отвлекать внимание респондента.

кими людьми, в домашней обстановке, располагающей к откровенному и доверительному разговору. Другой распространенный метод сбора свидетельств родных и близких – биографическое интервью.

Чтобы ученики смогли провести по выбору беседу (или биографическое интервью с родными), необходимо познакомить их с особенностями фиксации устных исторических свидетельств, оптимально организовать на уроке просмотр видеointервью по теме. Перед этим класс нужно разделить на две группы, каждая из которых получает особое задание. Первая группа должна обращать внимание на организацию интервью, поведение и коммуникативные качества интервьюера (каково выражение его лица, громкость голоса, особенности речи, удерживает ли он позицию диалогичности со своим собеседником и т. п.). Для удобства фиксации ученикам предлагается заполнить таблицу, составленную нами на основе памяток, предложенных психологом Б. Б. Айсмонтасом [1, с. 30] (табл. 1). Заполненная таблица, являющаяся итогом работы первой группы, содержит «правила поведения» интервьюера. С ее помощью возможно обобщение представлений учеников о невербальных компонентах общения, важных для становления их коммуникативной позиции.

Вторая группа учащихся будет наблюдать за поведением и коммуникативной позицией респондента, стремиться понять, какие эмоции в

Таблица 2

Вопросник по теме «Переезд в Сибирь»

Общие сведения	A) Фамилия, имя, отчество. Б) Пол. В) Адресс. Г) Дата и место рождения. Д) Даты и места прежнего проживания. Е) Нынешний род занятий. Ж) Семейное положение. Для состоявших в браке/расставшихся – даты вступления в брак и начала раздельного проживания. Число детей.
Основные вопросы	Вы можете объяснить, по каким причинам семья переехала в Сибирь? Какие сведения имелись у вашей семьи о Сибири до переезда? Где семья взяла деньги на переезд? Оставался ли кто-нибудь из родных по месту прежнего жительства? Каким был сам переезд? Как отнеслись к вашей семье местные жители: дружелюбно или враждебно? Каким было проживание на новом месте? Какие имелись удобства? Изменился ли после переезда рацион питания? Каким образом? Думали ли о возвращении на прежнее место жительства?

тот или иной момент интервью он переживает. Учитель рекомендует школьникам обращать внимание на мимику, жесты, паузы в речи, понижения или повышения голоса респондента (информанта). В результате школьники могут сделать вывод о навыках общения, продемонстрированных респондентом и важных для того, чтобы интервью состоялось. Как правило, старшеклассники называют умение слышать другого, готовность находить с интервьюером взаимопонимание, наличие установки на диалог, владение речью во время интервью (уверенный тон, четкое произношение, достаточная громкость).

В качестве одного из заданий учитель может предложить учащимся схематически изобразить мимику лица респондента и описать эмоции, которые он при этом испытывает. Из нашего опыта установлено, что все учащиеся могут изобразить наиболее распространенные эмоции человека: радость, печаль, безразличие, удивление, а также крайние проявления некоторых из них – бурную радость, агрессию. Это является свидетельством того, что большинство людей схожим образом выражает свои эмоции, которые понятны другим без слов. Однако не все учащиеся могут отобразить схематически такие эмоции, как, например, сочувствие и недовольство, возможно, потому, что они менее выражены мимически и для их определения требуется восприятие других знаков собеседника, например его жестов, интонаций.

В качестве домашнего задания, позволяющего применить составленные памятки о правилах составления вопросов и коммуникативной позиции интервьюера на практике, ученикам предлагается выяснить в

процессе беседы или биографического интервью со своими родными и близкими, когда и как их семья переехала в Сибирь. Записать беседу или интервью ребята могут любым способом: при помощи видеокамеры, диктофона или от руки.

Для того, чтобы ребятам было легче справиться с заданием, в классе составляется специальный вопросник по теме «Переезд в Сибирь». Он носит рекомендательный характер, поскольку беседа как особый прием сбора предполагает достаточно свободную форму общения (табл. 2).

Таким образом, учащиеся знакомятся с особенностями проведения биографического интервью и беседы, учатся при этом собирать общие сведения о респонденте, организовывать интервью или беседу в зависимости от степени знакомства с респондентом, воспринимать и понимать вербальные и невербальные знаки в процессе общения. Педагогический потенциал работы школьников с устными историческими источниками чрезвычайно широк, что обуславливает их активное использование в рамках региональных курсов истории.

Источники и литература

1. Айсмонтас Б. Б. Психология общения: схемы, рисунки, таблицы / Б. Б. Айсмонтас. М.: Наука, 1996. 38 с.
2. Исупов В. А. История Сибири в 3 ч.: Учеб. пособие для 9 кл. общеобразоват. учреждений / В. А. Исупов, И. С. Кузнецов. Ч. 3. Сибирь: ХХ в. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000. 336 с.
3. Кузнецова Ф. С. История Сибири: дидактические материалы: Учеб.-метод. пособие для 5–9-х кл. общеобразоват. учреждений / Ф. С. Кузнецова. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2003. 152 с.
4. Томпсон П. Голос прошлого: Устная история / П. Томпсон. М.: Весь мир, 2003. 368 с.

И. В. Куприянова

Элементы традиции в современной деревне

Приближаясь к концу первого десятилетия XXI в., полевая этнография по-прежнему остается актуальным видом исследовательской деятельности. Однако в ближайшее время это направление может столкнуться с весьма существенной проблемой: с каждым годом уменьшается количество потенциальных информаторов.

Как известно, наиболее интересными рассказчиками являются представители самых старших поколений сельских старожилов. Наиболее пристальное внимание привлекают люди, родившиеся в 1910 – начале 1920-х гг., поскольку эти поколения еще застали традиционный уклад жизни алтайской деревни на последнем этапе его относительно целостного бытования – накануне колLECTIVизации. Если в начале 1990-х гг.

людей таких возрастов проживало на селе довольно много, то теперь их можно встретить чрезвычайно редко. Таким образом, постепенно внимание полевых исследователей все в большей мере сосредоточивается на возрастной категории сельских старожилов, родившихся в конце 1920-х и даже в 1930-х гг. В связи с этим неизбежно уходит ряд тем, и возникают новые темы, хронологически более близкие к нашему времени.

Традиционная культура, как правило, отступает под натиском того, что принято называть цивилизацией. Чем больше комфорта привносится в сельское жилище, тем быстрее утрачиваются его архаичные элементы, прежде всего мебель и традиционные способы декора. Например, домовая роспись не только не современна, но и весьма неудобна, так как ее надо отмывать: проще побелить или покрасить деревянные поверхности интерьера. Тем не менее даже в наши дни в деревне сохраняются некоторые традиционные черты. Это обусловлено прежде всего спецификой сельского образа жизни, который более устойчив к воздействию процессов модернизации и в котором находят применение элементы архаичного мировоззрения, местный диалект, сохранившаяся старинная или воспроизведенная по старинным технологиям утварь, трудовые процессы и др. Вторая, также значимая причина — образ жизни старшего поколения сельчан, которое не в полной мере оторвалось от родной для него традиционной культуры.

Архаичные черты сохранились прежде всего в жилищно-хозяйственном комплексе; к ним можно отнести планировку хозяйственных построек, сам их набор. Он включает:

- амбары;
- бани, причем встречаются бани, которые топятся «по-черному»;
- летние кухни, в которых обычно живут старики;
- постройки для скота, сеновалы, пасеки, поленницы;
- элементы крытого двора — чаще всего это навесы, устроенные над дорожками между строениями, проложенными из досок по периметру двора;
- ворота с двускатными крышами.

В с. Чинета Краснощековского района мы наблюдали станки для ковки лошадей, поставленные у внешней стороны ограды: точно такие же, по словам старожилов, делались и в прежнее время.

Жилые дома, особенно в небольших деревнях, как правило, принадлежат к традиционным типам: это пятистенники, связки, крестовики. Архаичной по характеру часто выглядит резьба наличников: в основном на ней изображены солярные знаки, однако по времени исполнения эта

резьба может быть и современной. Встречаются сдвоенные окна, окна с одной ставней. Традиционная и трехчастная расстекловка окон. Нередки крытые, с односкатным навесом или двускатной крышей крыльца, открытые с боков или защищенные частично с помощью рубленных из бревен стен: это сохраняет тепло в сенях. В Краснощековском районе крыльцо часто закрывается на калитку. Все эти элементы встречаются не только в старинных, но и в относительно поздних домах.

Внутренний декор помещений во многом зависит от состава семьи, профессионального и культурного уровня хозяев. Старинные дома традиционной планировки сохраняют большую декоративность: их владельцами являются в основном пожилые крестьяне, предпочитающие не изменять привычную обстановку и убранство. Если в семье имеется несколько поколений, то одну половину дома оформляют соответственно вкусам старшего поколения, другую — в современном стиле. При этом старшие члены семьи, как правило, занимают ту часть дома, где находится русская печь. В этой части дома часто сохраняются функциональное деление пространства избы, а также деревянные конструкции печи: печной столб, голбцы (ящики), полати, опечки, приплечки.

Комната с русской печью в настоящее время называют кухней. В домах традиционной планировки по назначению и убранству она соответствует избе. Внутреннее ее убранство часто включает мебель местных мастеров (комоды, посудные шкафчики, полки, столы, стулья, табуретки, скамьи, сундуки). В красном углу очень часто присутствуют божницы. Для побелки используют по-прежнему известняк или белую глину. Печи в зимнее время подбеливают еженедельно, а многие почти каждый день подмазывают известью. У многих старожилов по-прежнему хранятся предметы старинного ремесла: туеса, крынки, прядки. В ряде случаев эти предметы используются владельцами по прямому назначению.

Элементы старинного уклада можно видеть и в праздничной обрядности. Например, на Крещение люди ходят на прорубь-«ердань», купаются в ней, не стирают из уважения к воде, рисуют крестики над окнами и дверями, набирают богоявленскую и крещенскую воду, сбрызгивают ею жилище, скотину и т. д. Сохраняются также традиции обрядовой кулинарии, особенно в семейной обрядности. Рассказывая о поминальных и свадебных столах, обычай приносить роженице пироги, информаторы часто добавляют: «И сейчас так делают». Определенную преемственность можно наблюдать и в детских играх. Наконец, многие старожилы до сих пор употребляют различные обереги: от порчи, глаза, от недоброжелателей, воров и т. д. Сохраняется вера в домовых, дворовых, банных.

Таким образом, следы традиционной культуры по-прежнему присутствуют в сельском быту, хотя являются себя не столь здимо и рельефно, как несколько десятилетий назад.

В. В. Лобода

Скатерти в музейных коллекциях Быстроистокского района (по материалам экспедиции 2007 г.)

Скатерть традиционно являлась одним из неотъемлемых элементов праздничного убранства жилища русского населения Алтая. Л. М. Русакова отмечает: ткаными белыми холщовыми и цветными «настольниками» накрывали столы в горнице, стелили часто три, а то и пять скатерей одну на другую, так, чтобы был виден край каждой из них, демонстрируя тем самым мастерство хозяйки [4, с. 128].

Особенностям изготовления тканых скатерей русским населением Алтая уделяли внимание в своих работах исследовательницы декоративно-прикладного искусства Н. И. Каплан, Л. М. Русакова [3, 4]. Имеются описания скатерей и в каталогах музейных коллекций, подготовленных сотрудниками ГХМАК и БГПУ [2]. Однако совершенно отсутствуют специальные работы, посвященные изучению вязаных (крючком, на рамке) и вышитых скатерей, о широком бытовании которых в ХХ в. свидетельствуют полевые исследования и материалы музейных коллекций. Так, в ходе историко-этнографической экспедиции БГПУ 2007 г. в собраниях трех музеев Быстроистокского района¹ было рассмотрено девять скатерей, выполненных в различной технике и представляющих, на наш взгляд, значительный интерес для изучения как изделия декоративно-прикладного искусства ХХ в.

Первую группу составляют скатерти, связанные крючком из белых хлопчатобумажных фабричных ниток. Вязание кружева крючком распространяется на Алтае на рубеже XIX–XX вв. Так, полотенца с этого времени вместо кистей и вышитых концов часто украшаются кружевными «свесами». Скатерти и салфетки, связанные крючком из белых хлопчатобумажных ниток, становятся популярными со второй четверти ХХ в. Их отличительной чертой является геометрический или геометризованный орнамент, что обусловлено техникой вязания. По краям все скатерти оформлены кистями (№ 1–4).

Особую группу составляют скатерти, выполненные в филейной технике или технике настила по заранее связанной сетке (№ 5–8). Основа

¹ Школьный краеведческий музей МОУ «Верх-Ануйская образовательная средняя школа», историко-краеведческий музей Быстроистокского района (с. Быстрый Исток), историко-краеведческий музей Верх-Озеринской средней школы.

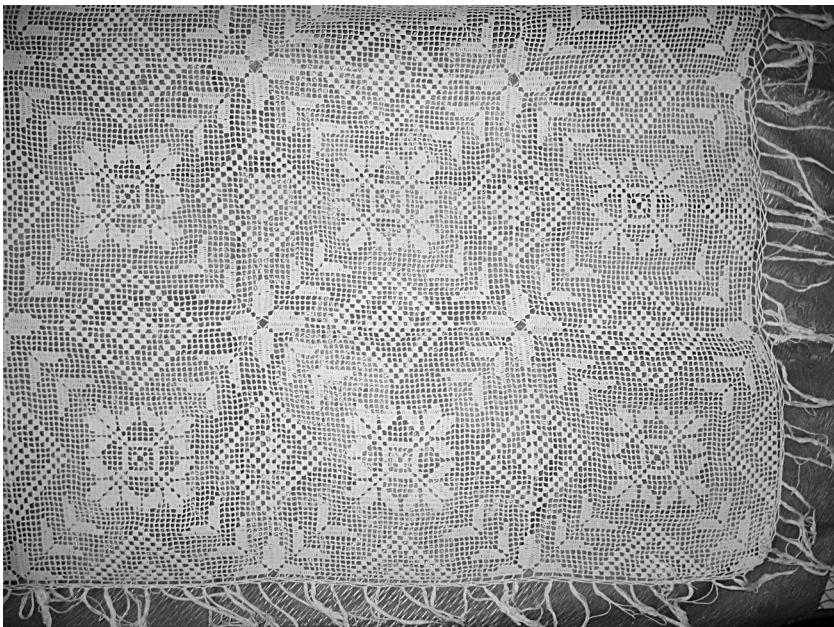

Рис. 1

скатерти представляет собой сеть прямоугольной формы с крупными ячейками, которая вязалась специальным крючком аналогично вязанию рыболовных сетей. Для сетки использовали льняные нитки домашнего прядения. Вышивали скатерти традиционно шерстяными нитками, спряденными и окрашенными в домашних условиях в яркие цвета: красный, оранжевый, зеленый, сиреневый. Орнамент вышивки геометризованный растительный, преобладают цветы и листья в виде бордюров. Изготовление филейных скатерей является, вероятно, старожильческой традицией: в переселенческих селах экспедиционной группе БГПУ они не встречались. Любопытно, что в историко-краеведческом музее Быстроистокского района имеется скатерть, вышитая Евдокией Корнеевной Бондаренко во второй половине XX в. акриловыми нитками, что является отступлением от традиции, хотя орнамент вышивки и оформление сторон скатерти кистями традиционны.

Особо стоит выделить скатерть, связанную на рамке из конопляных ниток серого и коричневого цвета домашнего крашения. Края оформлены кисточками. Техника изготовления предполагает наличие рамы из деревянных брусков с набитыми по периметру гвоздями, на которые на-

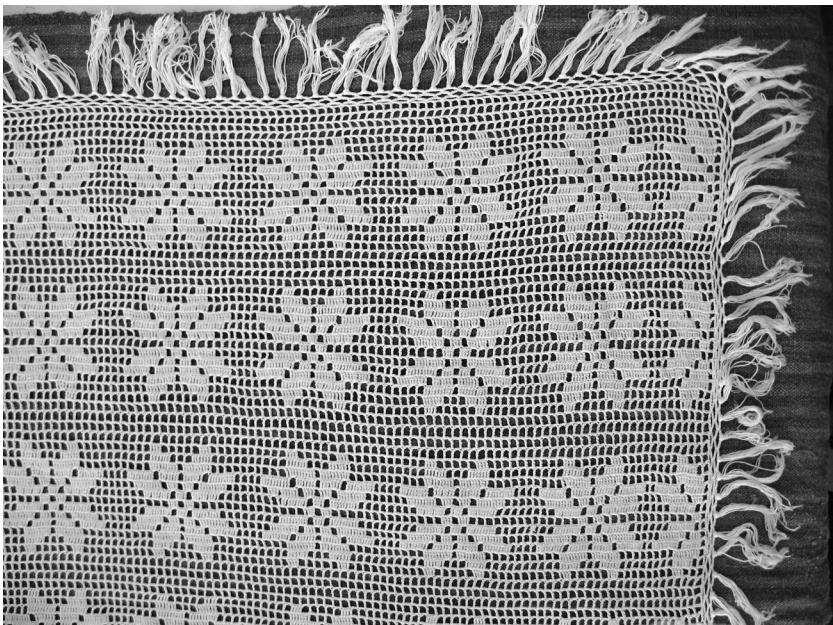

Рис. 2

матывают нитки, после чего каждое их переплетение связывают маленьким узелком при помощи нитки, вдетой в загнутую иглу. Аналогов этой скатерти ранее не встречалось. В подобной технике, которую бухтарминские старообрядцы называли «цыгански пялы», изготовлены наконечники полотенец крестьян-старожилов Алтая [1, с. 399].

В ходе работы экспедиции, к сожалению, не удалось записать воспоминаний об изготовлении и использовании скатертей, однако их количество и разнообразие в музеях свидетельствуют о существовании различных традиций украшения жилища населением района в различное время, а возможно, и у разных этнографических групп. Однако для доказательства этого необходимы дальнейшие полевые и сравнительно-исторические исследования.

Описание скатертей

1. Скатерть-«настольник» (рис. 1) связана крючком из фабричных хлопчатобумажных ниток белого цвета. Края скатерти украшены кистями. Геометрический орнамент представлен в виде ромбов, расположенных в шахматном порядке, в каждый из которых вписан ромб меньшего

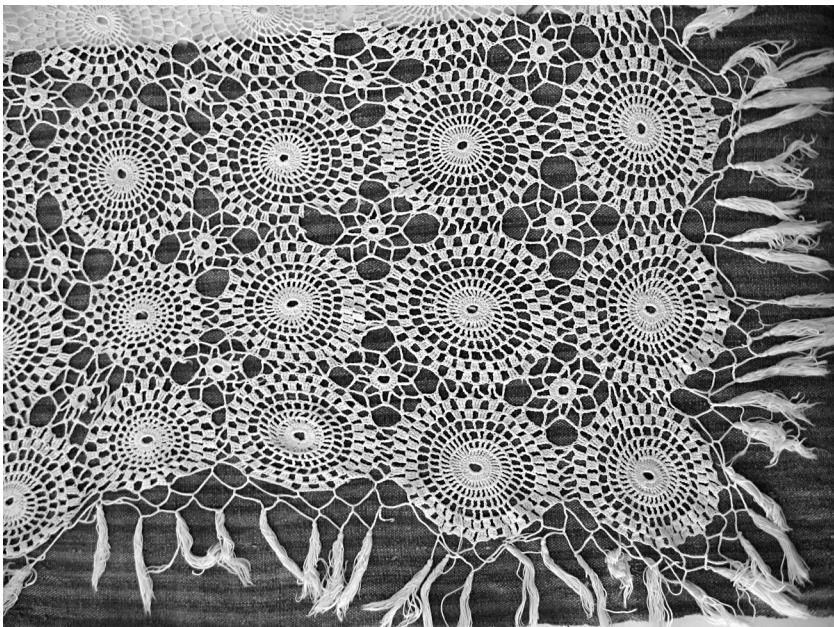

Рис. 3

размера. Геометризованные растительные мотивы представляют собой расположенные на вершинах ромбов четырехлепестковые цветы с отходящими от них по диагонали листьями.

Размер скатерти 118 86 см, сохранность хорошая.

Историко-краеведческий музей Быстроистокского района.

Архив ЛИК БГПУ Ф. 3. ИЭЭ 2007 г. Д. 7, фото № 18-01, 18-02.

2. Скатерть (рис. 2) связана крючком из фабричных хлопчатобумажных ниток белого цвета. Фрагмент. Края оформлены кистями (дл. 6 см). Орнамент скатерти геометрический, представленный в виде повторяющейся четырехлепестковой розетки на фоне простой сетки.

Размер 84 89 см, сохранность хорошая.

Школьный краеведческий музей Верх-Ануйской средней школы.

Архив ЛИК БГПУ Ф. 3. ИЭЭ 2007 г. Д. 7. фото № 28-01.

3. Скатерть (рис. 3) выполнена крючком из фабричных хлопчатобумажных ниток белого цвета. Края скатерти оформлены кистями. Орнамент представляет собой круги-розетки, каждая из которых выполнена отдельно и соединена с другими с помощью узорной вязки. Розетка состоит из восьми рядов столбиков с накидами.

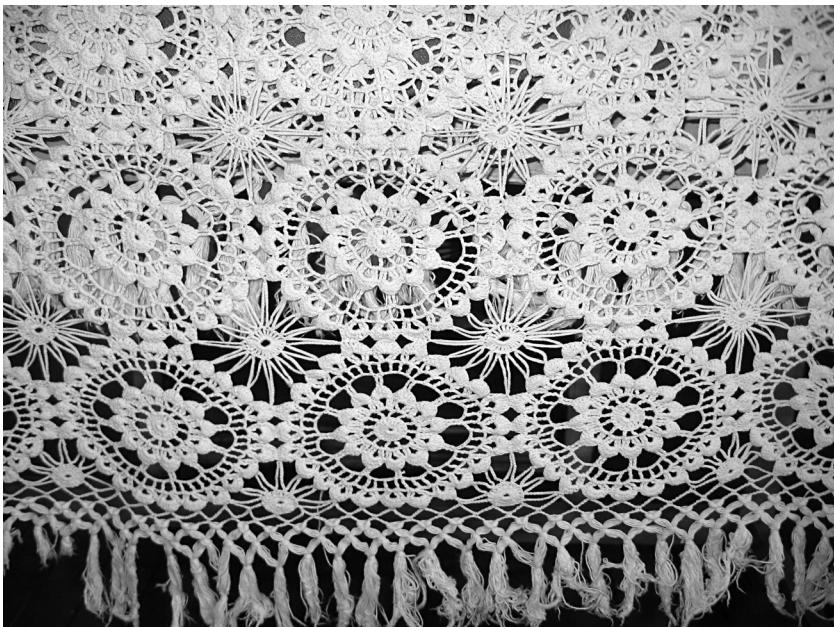

Рис. 4

Размер скатерти 110 147 см, сохранность удовлетворительная.

Историко-краеведческий музей Верх-Ануйской средней школы.

Архив ЛИК БГПУ Ф. 3. ИЭЭ 2007 г. Д. 7, фото № 29-10, 29-02.

4. Скатерть (рис. 4) выполнена крючком из фабричных хлопчатобумажных ниток белого цвета. Края скатерти оформлены мелкими кистями. Орнамент – геометризованные цветы-розетки. Каждый цветок вывязан отдельно и соединен с другими вязкой столбиками. Пространство между розетками заполнено вывязанным кругом-розеткой, от которого отходят 16 лучей, образованных цепочкой.

Сохранность хорошая.

Историко-краеведческий музей Верх-Озернинской средней школы.

Архив ЛИК БГПУ Ф. 3. ИЭЭ 2007 г. Д. 7, фото № 59-01, 59-02.

5. Скатерть выполнена в филейной технике. Основа связана из хлопчатобумажных ниток черного цвета фабричного производства. Вышита скатерть фабричными нитками красного, сиреневого, бордового, темно- и светло-зеленого цвета. Края скатерти оформлены кистями. Орнамент растительный и представляет собой ветвь с распустившимися цветами и бутонами.

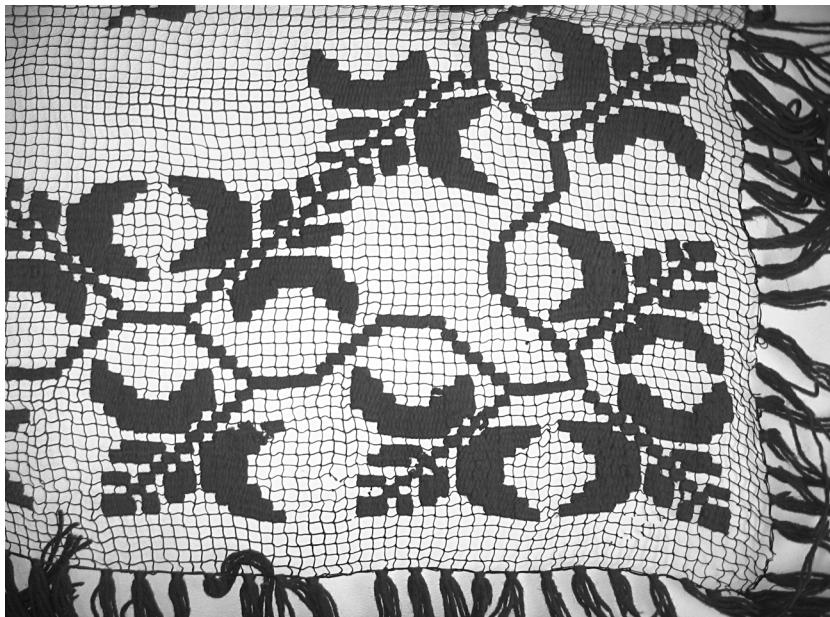

Рис. 5

Размер 168 348, сохранность удовл. Изготовлена Дудниковой Марией Егоровной в середине XX в.

Историко-краеведческий музей Быстроистокского района

Архив ЛИК Ф. 3. ИЭЭ 2007 г. Д. 7, фото № 16-02, 16-02.

6. Скатерть (рис. 5) выполнена в филейной технике. Сетка связана из фабричных хлопчатобумажных ниток, вышивка выполнена акриловыми нитками красного цвета. Края оформлены кистями. Узор скатерти представляет собой растительный побег (меандр), повторяющийся по краю всей скатерти. Центральное поле скатерти заполнено небольшими веточками, расположенными рядами.

Сохранность хорошая. Изготовлена Бондаренко Евдокией Корнеевной во второй половине XX в.

Историко-краеведческий музей Быстроистокского района

Архив ЛИК БГПУ Ф. 3. ИЭЭ 2007 г. Д. 7, фото № 27-02, 27-01.

7. Скатерть изготовлена в филейной технике. Сетка связана из фабричных хлопчатобумажных ниток. Вышита скатерть шерстяными нитками красного и бордового цветов. Края скатерти оформлены кистями желтого цвета. Орнамент представляет собой вьющуюся лозу, от кото-

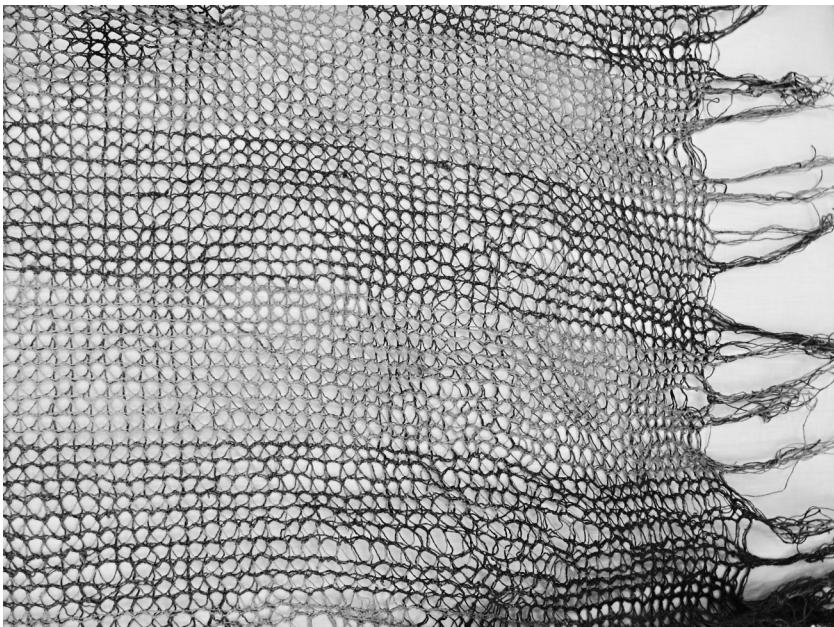

Рис. 6

рой отходят веточки с плодами, по краю скатерти. В центре – крупные цветы с 8 лепестками. Поле скатерти заполнено мелкими «сердечками».

Сохранность плохая.

Историко-краеведческий музей Верх-Ануйской средней школы.

Архив ЛИК БГПУ Ф. 3. ИЭЭ 2007 г. Д. 7, фото № 24-01.

8. Скатерть выполнена в филейной технике. Сетка связана из фабричных хлопчатобумажных ниток черного цвета. Вышивка по сетке выполнена шерстяными малиновыми и коричневыми шерстяными нитками. По краю скатерти вышит меандр, по обе стороны от которого отходят цветы.

Сохранность плохая. Кисти, обрамляющие края скатерти, большей частью утрачены.

Историко-краеведческий музей Верх-Ануйской средней школы.

Архив ЛИК БГПУ Ф. 3. ИЭЭ 2007 г. Д. 7, фото № 23-01.

9. Скатерть (рис. 6) связана на рамке. Нитки использованы конопляные, домашнего прядения, окрашенные в коричневый и черный (серый) цвета. Края оформлены кистями, образованными из продолжающихся

нитей основного полотна скатерти. Орнамент геометрический, представляет собой полосы разного цвета.

Размер 150 132 см. Сохранность плохая.

Школьный краеведческий музей Верх-Ануйской средней школы.

Архив ЛИК БГПУ Ф. 3. ИЭЭ-2007 г. Д. 7, фото № 35-01.

Литература и источники

1. Грибанова Н. С. Способы орнаментации полотенец русского населения юга Западной Сибири // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной науч. конф. / Под ред. Т. К. Щегловой, И. В. Октябрьской. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 395–401.
2. Гончарик Н. П. Народное искусство Залесовского района в Государственном художественном музее Алтайского края // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 233–272; Грибанова Н. С. Культура населения Мамонтовского района в коллекциях районного историко-краеведческого музея. Каталог // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научной конференции / Под ред. Т. К. Щегловой, И. В. Октябрьской. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 155–171; Клокова Л. И. Традиционная культура старожилов Алтая и переселенцев. Анnotatedный каталог Залесовского краеведческого музея // Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 272–296; Памятники русской традиционной культуры в музеях Солонешенского района. Каталог // Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. материалов / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2004. С. 311–353.
3. Каплан Н. И. Очерки по народному искусству Алтая. М., 1961.
4. Русакова Л. М. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. 173 с.

О. С. Мамонтова, И. В. Попова

Традиционная культура казаков Чарышского района (по материалам экспедиции 2007 г. Алтайского государственного краеведческого музея)

Историко-этнографическая экспедиция Алтайского государственного краеведческого музея в Чарышский район проходила с 25 июня по 4 июля 2007 г. Участники экспедиции продолжили изучение населенных пунктов бывшей Бийской военной линии, начатое в 2005 г. в Краснощековском районе. В ходе экспедиции были обследованы села Маральи Рожки, Тулата, Малый и Большой Бащелак. Основной целью экспедиции являлось комплектование материалов этнографического, исторического характера. Были поставлены следующие задачи: сбор предметов материальной культуры населения района, сбор устной истории по темам: «Изготовление и использование утвари», «Санитарно-бытовая культура сельского населения», «Традиции питания и пища», фото- и видеосъемка бытовых сцен, сельской архитектуры.

В ходе экспедиции было собрано около 100 экспонатов, характеризующих традиционную культуру старожильческого населения и казачества Чарышского района. Среди наиболее интересных находок выделяются комплексы расписных прялок, казачьей мебели, лепной керамики. На цифровой диктофон были записаны интервью с представителями чувашской и казахской национальностей. Проведены фото- и видеосъемки памятников архитектуры Чарышского района, бытовых процессов. Особое внимание было уделено работе с потомками этнической группы «казаки», которые компактно проживают в с. Маралы Рожки и Тулата. В селах были собраны образцы мебели, утвари, посуды, предметов женского рукоделия, комплекс фотографий конца XIX – середины XX вв.

Село Маралы Рожки основано в 1770 г. как Маралихинская зашита. На сегодняшний день в селе проживают потомки нескольких казачьих родов: Пахаруковы, Косихины, Машенских, Астафьевы, Бычковы, Тарские. Потомков казачьих семей в с. Тулата несколько больше: Ворогушины, Березовские, Чирковы, Иевлевы, Вершинины, Кудияровы, Бирюковы, Пичугины. Само же село основано в 1777 г. как Тулатинская зашита.

Многие потомки казаков проживают в домах, построенных их дедами в первой четверти XX в. Самыми распространенными типами жилищ были пятистенок или связь. Как правило, дома строили из сосны, пихты и лиственницы. Со слов информаторов, интерьер представлял собой смешение городского и сельского стилей. В комнатах были встроенные лавки, стол, кровать, полки, буфет с резьбой, диван, подвесные шкафчики. Жительница с. Тулата Клавдия Спиридовна Лобанова, 1927 г. р., отметила, что в доме стоял овальный стол. На него стелили льняную скатерть и ставили пепельницу, самовар. Были фарфоровые чашки с блюдцами. На угловых столиках стояли шкатулки с документами. Между окон висело зеркало. Как видно из рассказов, интерьер казачьего дома не менялся на протяжении многих десятилетий. Подобное описание казачьего жилища дал еще в 1879 г. Ф. Н. Усов в «Статистическом описании Сибирского казачьего войска» [1, с. 112–114].

Такой элемент интерьера, как мебель, лучше сохранился в домах старшего поколения. В селах Маралы Рожки и Тулата было получено несколько образцов (диван, стул, столы), характерных для казачьего дома конца XIX – первой четверти XX вв. Собранный комплекс позволяет почти полностью воссоздать обстановку горницы. Вся мебель выполнена и окрашена местными мастерами. В с. Маралы Рожки мебель в основном была голубого, желтого, красного цветов. Для убранства домов жителей с. Тулата характерна мебель черного или коричневого цвета. Одна из жительниц с. Маралы Рожки, Мария Трофимовна Тарская, 1921 г. р., сооб-

Рис. 1. Г. Д. Ворогушин, житель с Тулата (слева) с сослуживцем. 1915 г.

щила, что краску делали из смеси творога с красителем для ткани. Другой информации о составе краски для мебели нами не было получено.

Из предметов убранства многие женщины отмечали наличие в интерьере большого количества текстиля: полотенец, скатерей, подзоров, половиков и т. д. Жительницы с. Маральи Рожки передали четыре полотенца, выполненных в первой четверти XX в. Два из них принадлежат Анастасии Степановне Фирсовой, 1927 г. р. Полотенца были подарены ей мамой и прабабушкой. Использовали их исключительно для украшения икон и зеркал. По словам сдатчицы, были в доме и полотенца-«рукоделья».

Во время экспедиции был собран комплекс предметов домашней утвари и посуды первой половины XX в. В последние годы глиняная посуда все реже встречается в экспедиционных сборах, поэтому комплекс гончарной керамики представляет большой интерес для исследователей. Любопытно и то, что в казачьих селах вплоть до середины XX в. было распространено домашнее женское гончарство. Впервые за много лет был собран комплекс из 6 предметов. В основном это корчаги различных размеров, но представлены и другие формы: горшок, кринка. Вся посуда черного и серо-коричневого цвета, толстостенная, немного асимметричная, выполнена методом кольцевого налепа. По словам информаторов, корчаги использовали для приготовления пива, сусла, топления воска. К сожалению, в данном районе сведения о домашнем гончарстве в казачьих селах минимальны. Старшее поколение может лишь назвать имена женщин, кото-

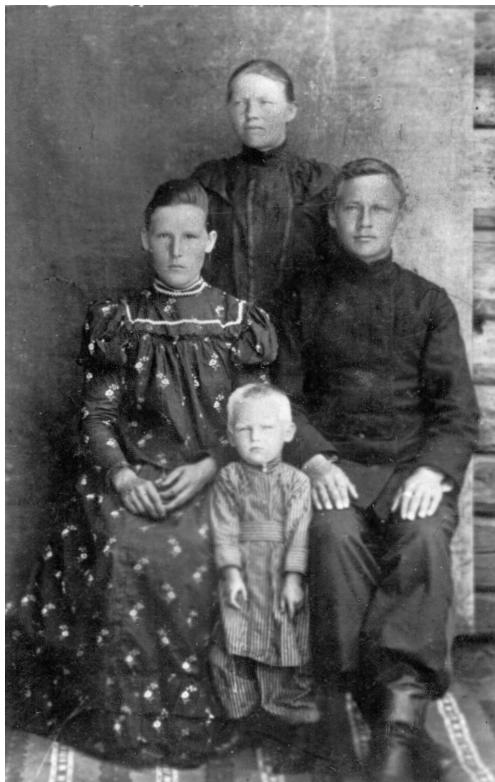

Рис. 2. Семья Иевлевых, жителей с. Тулата. 1903 г.

рые лепили посуду, но место, где брали сырье, технологию изготовления описать уже никто не может.

Немаловажным источником по традиционной культуре казачества является фотография. Казаки фотографировались часто, но после событий 1919–1922 гг. семейные фотоархивы уничтожались или хранились на чердаках и сарайах в плохих условиях. Об этом свидетельствует собранный нами комплекс снимков конца XIX – первой четверти XX вв. На фотографиях запечатлены казаки с сослуживцами, казачьи семьи. На некоторых из них – казаки, перешедшие на сторону Красной Армии. Сегодня фотография становится чуть ли не единственным источником, который может рассказать об истории казачьего костюма. Его отличительной чертой являлось более частое использование покупной ткани, городские формы одежды. Казаки, как правило, носили военную форму. Широко была распространена кожаная обувь. Одежда казачек более разнообразна. На снимках, переданных местными жителями, женщины одеты в юбки, кофты, платья с широкими поясами; девочки в сарафанах. В целом костюм не менялся вплоть до 1930-х гг. По словам М. Т. Тарской, «шили прямые, четырехклиновые юбки. Кофты были и в талию, и прямые. Обычно носили белые платки. Были бисера и серьги. Одежду шили из покупной ткани: ситца, сатина. До войны носили ватные пальто. Воротники делали из мерлушка, собаки». Причину, по которой не сохранились образцы одежды и текстильные предметы убранства, информаторы связывают с событиями гражданской войны и голодом в годы Великой Отечественной войны. Многие информаторы 1920-х гг. р. знают о событиях 1919–1922 гг. только по рассказам родителей. Как правило, это сцены насилия, разорения казачьих домов, грабеж имущества. По словам А. С. Фирсовой, «при отступлении от красных добро в сундуках закапывали; красные откапывали и увозили... если на бабе видели шаплюшку, красный подбегал, снимал и говорил, что это для его бабы... В войну за картошку все стаскали».

В ходе полевых работ была проведена обширная фото- и видеосъемка, запечатлевшая различные стороны жизни сельчан, сельскую архитектуру. По просьбе сотрудников музея жительница с. Маралы Рожки Валентина Андреевна Косихина, 1947 г. р., продемонстрировала всю технологию процесса хлебопечения в русской печи. В рамках темы «Санитарно-бытовая культура сельского населения» в казачьих селах были зафиксированы бани «по-черному», которые сегодня встречаются крайне редко. Житель с. Маралы Рожки Иван Степанович Косихин, 1935 г. р., так определил причину исчезновения бань «по-черному»: «Обрусили капитально, поэтому бани „по-белому“».

Таким образом, экспедиция в Чарышский район показала, что традиционная материальная культура казачества практически утрачена, поэтому проведенные сборы являются особенно ценными. Работа в этом направлении будет продолжена, но основной акцент следует сделать на сборе устной истории по различным вопросам традиционной культуры казачества Алтайского края.

Литература

1. Ивонин А. Р., Колупаев Д. В. Казаки на Алтае в XVIII–XIX столетиях: Исторические очерки. Барнаул: Изд-во АГИИК, 2003.

B. I. Мотузная

Календарные традиции Алейского района

Алейский район является одной из территорий Алтая, на которой обосновывались его первопоселенцы. Старейшие села Алейского района, в которых поработала фольклорно-этнографическая экспедиция ГХМАК, основаны в первой половине XVIII в.: это Моховское, Боровское, Безголосово, Осколково, Больше-Панюшево. А на рубеже XIX и XX вв. сюда был приток переселенцев с южных губерний России – Курской, Воронежской, Рязанской. Именно они сохранили традиционную культуру, так как сибирские старожилы здесь рассеялись.

По результатам экспедиции в обрядовом отношении лучше всего представлены календарные праздники, а также родильно-крестильная и детская тематика. Интересный материал был найден по устно-поэтическому творчеству – сказкам, былям. Песенный фольклор в настоящее время практически утрачен, и записать его удалось лишь в «осколочном» виде, одноголосно. Однако в жанровом отношении собранные песни оказались достаточно разнообразны – это и свадебные, и хороводные, плясовые, лирические, тюремные песни, романсы позднего происхождения, а также колыбельные, веснянки.

Интереснейшей информанткой оказалась жительница с. Осколково Федосья Ивановна Белорукова (1926 г. р., деды – из Курской губернии, муж сибиряк). Она очень содержательно и ярко рассказала обо всех обрядовых сферах, но в данной публикации ограничимся календарными традициями. Ее рассказ настолько самобытен, колоритен, что представляется целесообразным поместить его полностью с соблюдением диалектных особенностей (звук «г» в репортаже всегда фрикативный).

Календарный цикл открывался Святками, проходившими с Рождества до Крещенского Сочельника, и начинался славлением Рождества Христова. После пения рождественского тропаря «Рождество Твое» следовали приговорки:

«Здрасьте, хозяин с хозяюшкой,
Слазьте с печки,
Зажигайте свечки,
Открывайте сундуки,
Доставайте пятаки.
Если нету пятака –
Мы корову за рога.
Я маленький мужичок,
Перед Богом – червячок.
Славить умею –
Денег не имею.
Если будет ваша щесть –
Подарите гривен шесть.

Звезду на славлении не носили. Ребятишки славят отдельно, и взрослые, одаряют к Рождеству. Обычно стряпают, и стряпней угощали. А чтобы курочки хорошо садились и птичек вывести, то садили на порог: посиди на порожке. Вот он сидился ребенок этот, даже мужиков сажали. Давали стопарёк, ну и закусывал, конечно, пирожком. В доме славили.

А на Новый год они приходили... Ну поздоровались: „Разрешите Христа пославить, с Новым годом поздравить“. – „Ну, пославьте“.

Здравствуй, хозяин с хозяюшкой!
Сею-вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю.
Здравствуй, хозяин с хозяюшкой.

Рядились уже шестого (января), и славить в масках ходили дня три. В основном славят именно когда с заутрени (рождественской службы) приходят, утром седьмого (января). По-страшному рядились... Нарядилась соседка тыквой. Одела маску (из тыквы, с прорезями для глаз и рта), а оттуда два фонарика загорелись огнем, а тут – страшенные зубы. А я сидела, шила. К Новому году обязательно новую обновку надо, такое было поверье, что тогда весь год будешь в новом ходить. Ну, застучали в окно, я шторку-то отодвинула, глянула – мне самой робостно стало... А свекор говорит: «Ну это ряженые, Феня, пришли. Сибиряк был. Да я пойду, открою. В обморок упала. Он сильно рассердился. И по-всякому нарядятся, намажутся сажей, то сыгане они, и пляски тут, и всё...

К этому Новому году, к старому, в доме такой беспорядок был – курей можно было кормить целу неделю – сеяли (разбрасывали пшеницу). Ну сердились хозяева, если приходили и с сором приносили. Когда сеют с сором, во-первых, сор в огороде растет (шир, брешцак, такой сор-

няк), и они сеют ссору в семью. Иногда одним сором как насеют... Ну, я помню, вот этот свёкор говорит: „Да ты щё же делаешь, ты ж мне не пшеничку посеяла, ты же мне сор посеяла“. Надо сказать, что сбывалось». Пшеница, которую посеяли, имела в домашнем хозяйстве магическое значение. «Пшеничку сметешь всю, выносишь, ды ещё и приговариваешь: Вот сколько вам зернышек насыпала — столько нам яищекнесите, да и столько же птищек выведите.

Ну, зимой обычно костер разжигали, так-то холодно было, на какой-то площадке, на улице, а потом выходили, погуляют.

На Масленку жгли, провожали. Я помню, посадили меня (на сани), они взяли солому, зажгли и на санях везут. Солома же горит, а мене сжигают на костре. Ну, посмеялись, похохотали, да и все.

Чучело Масленицы делали из соломы, голову потом платком покрывали, одежду женскую делали, рваненько было. И стояли все, и ждали, что она дотла догорит. Целую неделю Масленицу справляли, а чучело — в предпоследнюю в субботу, а в воскресенье — уже в полном разгаре. К теще ходили. Ходили, прощаются (прощенья просили). Над молодыми подшучивали, умывали их (снегом), за пазуху снегу натолкают. Они не обижались. Это характер у жениха с невестой узнавали, это кто в этот Мясоед поженился.

С гор катались на санях, конских глызах, и деревянные лотки были. У нас дедушка делал, как вот дупло, дупляк делается из дерева, которое уже старое, постаревшее. Вот середину эту выбирают, отшлифовывают. Мы садились, там не страшно, там ты можешь и туда, и сюда им рулить. Лотки делали из коровяка, замораживали ровненькие, едешь — вот так вот крутишься. А вот на этом коровяке, если тебя завертело, то ты уже ни за что не уцепишься. Бывало, и носы разбивали. Кататься все любили, а вот завозить... Тогда все хором кричали: „Любишь кататься — люби и саночки возить!“

Раньше были тут страшные кулачные бои. Я не видала, а дедушка рассказывал. Тут один какой-то Петров был Лука, он всегда победитель был. Он такой был сильный, он зимою никогда шапку не носил, носил волос, подстриженный под кружок. Его почитали все, он в деревне был поченным человеком. Купался на Крещение в проруби.

Около клуба (на Масленку) строили ледяной городок, как горки. Уже в советское время у клуба делали горку, замораживали столб высокий, а на столбу вверху петух живой и бутылка. Врукопашную надо залезть, достать, сбить что-то призовое. Кто залезет — тот и возьмет. Из чьей команды достали — те и победили. После этого, когда эта церемония кончалась, начинали катать, запрягали коней в воскресенье. На конях кат-

лись, пели. Напекали блины, блинами угождали наряженные в большие шали цветные. После катания на конях начинают прощаться, расходятся. А вечером я с мужем иду к своим родителям прощения просить, и у его родителей просим прощения: папа, мама, простите меня. К матери подходишь, поцелуешь, и на колени становились. На могилки не ходили, не пройдешь, там заносит. Остатки скромной еды выносили на улицу птичкам.

Сороки справляют. Пекём жаворонков, закликаем их:

Весна-красна, на чём пришла?
На кнутике, на хомутике,
С красной тряпochкой.
Вас повеселить,
Жаворонков приманить.

Собираемся подружки-дружки. Вот один раз напекла нам мама жаворонков, пришли подружки. Ну, где будем? Залазим на поветь — ну, это сарай, ровно крытый (плоско). Взяли, скатерочку разостлали, посадили жаворонков, посыпали зернышек и стали закликать их, чтоб они притягались. Посадили, покормили их, а потом начали подбрасывать, каждая приговаривала.

На Благовещенье девка косы не плетет, птица гнезда не вьет. В какой день недели Благовещенье — потом в течение года ты в этот день ничего не делай. Я помню, в воскресенье мама начала что-то делать, бабушка говорит: „Доченька ты моя, знаешь, ты завтра сделаешь в два раза больше. Ты вот приметь, если ты в воскресенье не работаешь — в понедельник много работы сделаешь. Если ты работаешь в воскресенье — понедельник вхолостую у тебя пройдет“.

На Вербное воскресенье они с этими вербами придут — и: верба, ксти, верба, ксти. Везде себе похлещут, и идут корову похлещут, подоткнут эту вербочку над коровами, над овцами, такой обычай был.

Последнюю неделю Великого поста Шахова Алена Алексеевна в четверг поест — и пока не разговеется. Бабушка все пятницы до вечера не ела. Она за пост настолько истощает. У нас вот дедушка — он всегда жалел ее, скажет: „Стародавняя, да языком больше согрешаешь, в еде греха нет“. Причащались раза два в месяц. В Чистый четверг, до восхода, начинает только рассветать, мама заранее с вечера ставит воду, чтобы она немножко хоть тёплая была. Она заносит вот эту лохань, становись в лохань, она тебя обкатит водичкой этой теплой, приговаривала: „Святая вода, смой, сполоши с раба Божия (имя) все пасти, все напасти, всю порчу, чтоб раб Божий не знал никакой болезни“. И снова мы ложились и засыпали.

В пятницу начинали уже готовиться. Чистоту наводили, порядок, в Чистый Четверг вымывали всё, все уголки чтобы были вычищены. Куличи печь, яйца красить – уже в субботу. В пятницу прикладывались к плащаничке.

Когда посвятят пасху, приносят ее. Поднимает мама всех, умываемся, подходим, и бабушка заставляла всех петь „Христос воскресе“. Пропоем, перекрестимся, и опять, и потом садимся. А стол мама накрывала заранее, даже с вечера, потом накрывала скатертью. А для пасхи для освященной она оставляла место, на стол эту пасху разрезали (дедушка) и садились за стол. Первым должен был брать дедушка, бабушка, папа, мама, потом мы. Вперед яйцом разговляются, потом – пасха (кулич), потом все остальное. Надо отведать все, что стоит на столе. Богатый стол всегда делают. Из-за стола – ждем, пока кончат кушать дедушка с бабушкой. Все выходят, встают, помолятся Богу, и расходимся. И этот день наши никуда не ходили. Смотрели на восходе солнышко, как оно играет, два раза в году – на Пасху и на Красную горку. Около церкви карусель была кругом. Качели к Пасхе ставили. Хороводы – к вечеру. Всю неделю не работали. С молебнами по дворам не ходили. На Красную горку (следующее воскресенье после Пасхи) по земле катали яйца, сколько заденет – (забирали). Ходили на могилки, по могилкам эти яйца катали. На первый день Пасхи на могилки грешно было ходить.

А на Троицу обязательно всё выскребали, тогда же полы некрашеные были, и вот мы эти полы голяком. Вышаркаешь, травочки зеленою нарвешь, на лавки, на скамейки насыпешь, а многие люди и на пол травку стлали. Везде подтыкали березу обязательно. К этому времени расцветал горицвет. Мы нарвем этих цветов, поставим, а утром плетем венки и собираемся идти кумиться, одни девушки.

На Троицу разрешалось купаться. Окунешься маленько – и все. Старые люди всегда говорили: на Троицу никогда нельзя купаться, русалка ловит. Говорили, что плакала русалка на берегу, что обиженная. Родители прокляли ее, она утонула.

А вот мама рассказывала – это в Безголосово было. У них по соседству жили богатые люди. У них было много нарядов. И вот на Троицу она собирается идти в церковь, ну и попросила. Девочка росла больно такая буйная, живая, перед зеркалом вот вертелась, вертелась, потом говорит: мам, я одену вот этот платок. Она ей не дала полушишок этот одевать. „А я его одену“. А та – чертком: черт с тобой, одевай. И она пошла в церковь. И когда запели „Херувимы“ – и она закричала и упала. И у нее судороги начались. Батюшка сказал: отойдите и не дотрагивайтесь до нее. Он там, видимо, что-то делал ей. Потом она вроде пришла в себя, подня-

лась. Отес подошел, был он в церкви. А мать была дома, видимо стряпала там или что. Ну, ее сказали: там с твоей дочкой что-то сделалось. Ну, она схватилась, по деревне-то бежит, плачет. Прибежала, народ-то расталкивает, а отес говорит: с чем проводила — то и получила. Так она с эпилепсией и осталась, эта девчонка. Ну, в общем, прокляла. Это страшный день (Троица). В этот день никогда даже черным словом не надо ругаться. В этот день поминают и утопленников, и удавленников. На могилки ходили в Троицу.

А кумиться... У нас был там садик, там всегда был холодок, и там травка. И вот мы берем скатерть, расстилаем там, ну и яства, конечно из дома берем, раскладываем и садимся. Яищню не жарили, а яйца просто вареные, пирожки, ну сдоба была, такого особого ничего не было. И выбирали куму, берешься за руку — какая? Обнимаясь, целуемся через венок. До следующей Троицы считались кумами, ни ссориться, ничего нельзя было. Не пели. Как покумимся — и хороводы водили. Потом шли на речку и бросали — потонет, не потонет. Если потонет — значит не любит, а поплынет — значит, жди. Березку не наряжали, но ломали и ставили ее именно в центре, где сидели, потом тоже на речку пускали. К обеду, даже после обеда расходились. Парней не допускали. Парни потом стремились, но не положено им было.

Ивана Купалу справляли, обливались, да еще как обливались. А потом приходили, у кого-нибудь собирались. Или там же в поле, на полянке садились, отмечали, кушали. Костры не жгли. Как-то строго с kostрами было».

Итак, репортаж Ф. И. Белоруковой по календарной обрядности позволил отметить следующие особенности.

В святочных традициях хорошо представлены славление и посевание, причем интересна контаминация новогодних поздравлений с рождественскими славлениями. В этих обычаях явно выражена репродуцирующая магия. Очень живо помнятся традиции ряжения, которое происходило с вечера рождественского сочельника три дня, что нетипично. Обычно ряжение происходило после Рождества, с Нового года до конца Святок в так называемые «страшные» вечера. Очень необычным является разжигание костра и гуляние возле него во время вечерок. В других районах Алтая зимой костры разжигали в основном на Крещенье, как объясняли, Христу ноги греть. Здесь же не жгли костры ни на Крещенье, ни на празднование Ивана Купалы, как было принято повсеместно.

В масленских обрядах отсутствует снаряжение поезда Масленицы. Необычным является сжигание чучела Масленицы в субботу, а не в воскресенье в завершение гуляния.

Примечателен факт, что не только на Благовещенье не разрешалось ничего делать, но и весь год в тот день недели, на какой пришелся праздник Благовещения. В целом весенне-летняя обрядность по воспоминаниям Ф. И. Белоруковой представляет собой локальный вариант обще распространенных на Алтае традиций.

И. И. Назаров

**Деревенское кладбище как объект этнографического исследования
(по итогам полевых работ 2007 г. в с. Бобково)**

Погребальный обряд при детальном изучении его составляющих элементов: обрядовых действий, социальных функций, материальных компонентов – может стать богатейшим историко-этнографическим источником [1]. Этнографические исследования последних лет, базирующиеся на материалах коренных и пришлых этносов Сибири, показали перспективность изучения мировоззренческих установок относительно перевода человека из мира живых в мир потусторонний и материального воплощения этого мировоззрения: особенностей могильных конструкций и намогильных сооружений, самого кладбища и т. д. [2].

Материалы, положенные в основу данной публикации собирались ее автором в мае 2007 г. в с. Бобково Рубцовского района Алтайского края – старейшем населенном пункте данного района. Здесь проживают потомки старожильческого населения и групп переселенцев из Тамбовской, Воронежской, Самарской, Орловской, Рязанской и других губерний [3].

Деревенское кладбище расположено в юго-восточной части села, которая еще в начале XX в. являлась центром села, здесь же располагалась церковь. В настоящее время район кладбища является окраинным. Кладбище, называемое местными жителями «могилками», располагается на небольшой возвышенности, на высоком берегу старого русла р. Алей. По воспоминаниям наших информаторов, действующее кладбище используется с конца XIX в. До этого времени захоронения осуществлялись на другом кладбище, которое впоследствии было смыто Алеем. В настоящий публикации охарактеризованы особенности сооружаемых в Бобково могильных конструкций. Обрядовая сторона сопровождающим фольклором должны стать предметом отдельного исследования.

Место для могилы выбирается родственниками умершего, однако обязательно учитываются прижизненные пожелания умершего человека. Могилы копают специально нанимаемые среди сельчан люди, обычно 4–6 человек, их называют копачами. Еще недавно копачи работали за угощение. Их в числе первых сажали за поминальный стол. Сейчас

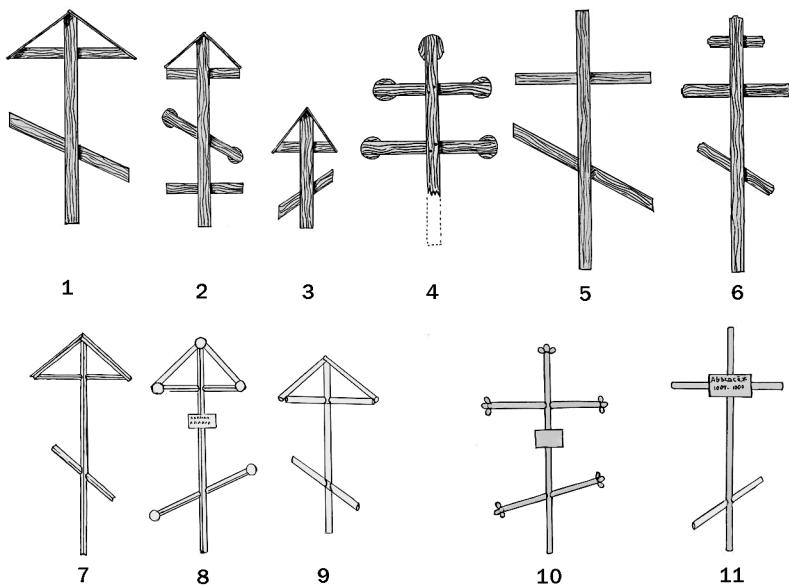

Рис. 1. Типы деревянных и металлических крестов на бобковском кладбище

же копачи просят помимо угощения и денежное вознаграждение за работу.

Могилы копают глубиной до 180 см. При этом, особенно в старой части кладбища, копачи часто на разной глубине наталкиваются на ранние погребения, следы от которых на поверхности уже не видны. В этих случаях потревоженный прах – остатки гроба и кости – собирают и после того, как новая могила окончательно выкопана, хоронят на дне.

После погребения усопшего над его могилой сооружается намогильная конструкция, которая состоит из могильного холма, креста, памятника и ограды (последняя почти всегда называется «оградка»). Крест с написанным на нем именем усопшего ставится в момент погребения. Памятник и оградка могут быть установлены позднее. После установки креста на него повязывается полотенце. Считается, что умерший будет вытираться этим полотенцем.

Могильный холм насыпается высотой до 40 см, вершина его делается плоской, на ее поверхности черенком лопаты выдавливается крест.

Намогильные деревянные и металлические кресты, встречающиеся на кладбище, имеют несколько форм. Самые старые деревянные кресты, за редким исключением, не сохранились, так как весной на кладбище

устраиваются субботники, во время которых случаются пожары и деревянные конструкции сгорают. Все же по сохранившимся образцам деревянных крестов можно составить представление о бытовавших типах (рис. 1, вверху), которые могли быть как шестиконечными, так и восьмиконечными. В качестве самостоятельных вариантов можно рассматривать шести- и восьмиконечные кресты, над верхней перекладиной которых имелась своеобразная двускатная крыша из плоских досок. Примечательно, что у металлических крестов, которые стали изготавливаться позднее из уголков и труб методом сварки, эти формы повторяются (рис. 1, внизу). Следует отметить и достаточную произвольность установки крестов на могиле, как видно из рис. 1: косая перекладина может располагаться как канонически – вершиной на север, так и в обратную сторону. Вероятно, причина этого кроется в условных представлениях о канонических формах православного креста и его расположении на могиле, так как с серединой 1930-х гг. село жило без церкви и священников. Церковная традиция, осмысливаясь народом, приобретала новые очертания, что может свидетельствовать о бытования на уровне деревенской культурной традиции так называемого народного православия.

В последние годы деревенские мастера изготавливают однотипные шестиконечные кресты, у которых нижняя косая перекладина чрезвычайно удлинена, а верхняя маленькая перекладина отсутствует (рис. 1, 5). Кроме того, используются деревянные кресты более изящных форм, купленные в ритуальных магазинах г. Рубцовска (рис. 1, 6).

Рис. 2. Памятник на бобковском кладбище

Рис. 3. Памятник на бобковском кладбище

В ранних захоронениях, относящихся к первой половине XX в., в надгробном сооружении присутствуют камни. Чаще всего применялись большие куски гранита, которые помещались вместо памятника либо соседствовали с памятниками и крестами.

Как правило, на ранних погребениях не ставились надгробия или надгробные плиты, закрывающие весь холм. Еще в 1980-е гг. в Бобково было принято после Пасхи приходить на кладбище и для поминовения усопших катать яйца на могильном холме близких родственников. Две женщины вставали по обе стороны земляного могильного холма и начинали перекатывать руками крашеное яйцо с одного края холма на другой. При этом они произносили «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ».

Памятники, устанавливаемые на кладбище, также имеют различные типы. На ранних захоронениях, как отмечалось выше, памятники либо отсутствуют, либо их заменяют кресты и камни. С середины XX в. в местных кузницах стали изготавливать сварные металлические памятники двух типов. Первый тип представляет собой сваренную из листового железа четырехгранную призму, типа небольшой стелы, которая покоятся на прямоугольной платформе, также сваренной из листов железа (рис.

2). На вершине стелы крепилась пятиконечная звезда либо шестиконечный крест. На самом памятнике приваривались рамка для фотографии и табличка с фамилией, именем, отчеством и датами рождения и смерти погребенного. Памятники второго типа также сварены из листов железа и представляют собой прямоугольное горизонтальное основание, к которому под прямым углом приварена плоская памятная плита, на которой размещены табличка и рамка для фотографии. Здесь же, на плите, могут располагаться специально приваренный крест или пятиконечная звезда (рис. 3). Оба типа памятников окрашивались серебряной или светло-синей краской. Позже стали использовать каменные памятники, приобретенные в ритуальных магазинах Рубцовска.

Непременным элементом погребального сооружения являлась пара жердей, на которых несли гроб на кладбище. После того как гроб опускали в могилу, эти жерди закапывали таким образом, что их концы торчали из могильного холма сразу за крестом или памятником. Зафиксированы два варианта расположения жердей в могильной конструкции: первый вариант, когда жерди неглубоко вкапывались за крестом и стоят вертикально (рис. 4); второй вариант – жерди почти полностью закапываются и выходят из земли под углом (рис. 5). Сгнившие и упавшие жерди не подправляют, их укладывают вдоль могилы. Встречены две могилы, одна из них – председателя местного колхоза, на ней вместо деревянных жердей были использованы железные трубы, которые торчат из земли под углом и покрашены. Жерди встречаются на могилах, сооруженных до се-

Рис. 4. Памятник на бобковском кладбище

Рис. 5. Памятник на бобковском кладбище

или быть сварными из металлических труб и прутьев. Ранние оградки довольно высоки, очень часто они скрывают памятник. В позднее время оградки стали изготавливаться более низкими.

Выше уже отмечалось, что место для погребения выбирали ближайшие родственники умершего. При этом старались хоронить таким образом, чтобы могилы родственников находились поблизости. Вследствие этого в старой части кладбища сложились группы захоронений родственников-однофамильцев. Такие клановые погребения, как правило, специально не огораживаются. Исключение составляет только комплекс Касмыниных, который имеет одну общую для всех погребений оградку.

Около многих могил сооружены поминальные столы и скамейки из дерева. За столиками поминают умерших в поминальные даты. Столики и скамейки могут быть установлены около могилы для того, чтобы «за-

редины 1980-х гг. Позже они исчезли из погребальной практики, так как умерших стали доставлять на кладбище на автомобилях.

Могилы, сооруженные в начале XX в., почти повсеместно не имеют оградок. В погребениях с середины века и до настоящего времени такие оградки являются обязательным элементом. Наличие оградок было необходимо в связи с тем, что в прошлом кладбище не имело общей ограды, защищавшей могилы от бродячих животных. В настоящее время кладбище имеет общую ограду. Оградки изготавливались местными мастерами. Они могли сооружаться из дерева — обычный забор из штакетника,

нять место» под будущее погребение: например, вдова ставит столик около могилы мужа, чтобы впоследствии быть погребенной рядом с ним. Стол и скамьи подкрашиваются, чаще всего синей или голубой краской; если ножки подгнили, их меняют.

Бросается в глаза и обилие специально посаженных на кладбище садовых и некоторых других деревьев (берез, кленов). Деревья сажаются у могил за памятником. Довольно распространенной является практика посадки цветов на могильных холмах, за цветниками специально ухаживают. Считается, что если цветы приживаются на могиле, значит, умерший был хорошим человеком.

Перспективным является дальнейшее изучение материальных элементов погребального обряда и их связи с религиозными представлениями для выявления локальной культурной специфики и возможных истоков традиций в рамках восточнославянской культуры.

Источники и литература

1. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.
2. Бережнова М. Л. Погребальный обряд русских старожилов Омского Прииртышья // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1997. Т. 2; Она же. О методике этнографо-археологического изучения погребального обряда русских Среднего Прииртышья // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1999. Т. 4; Грибанова Н. С. Полотенца в похоронно-поминальной обрядности русского населения юга Западной Сибири в XX в. // Алтайская деревня в первой половине XX в. Барнаул, 2007. С. 188–198; Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск: Наука, 2003. 192 с.; Минин А. В. Намогильные кресты русский Омского Прииртышья в конце XIX – начале XX в. // История и культура Сибири: Сб. науч. тр., посвящ. 15-летию Омск. филиала Объединенного ин-та истории, филологии и философии Сиб. отд-ния Рос. академии наук / Отв. ред. Е. Ю. Смирнова, Н. А. Томилов. Омск, 2007. С. 196–204; Смагулов Б. К. Погребальный обряд казахов Омской области конца XIX – XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. 20 с.
3. Назаров И. И. Очерки по истории села Бобково. Рубцовск: КГУП «Рубцовская типография», 2000. 200 с.

М. А. Овчарова

Мордовское жилище на Алтае: типология и строительные традиции (по полевым материалам 2003–2006 гг.)

Важной составляющей материальной культуры является мордовское сельское жилище, его интерьер и комплекс хозяйственных построек на усадьбе, которые принадлежали к разным типам, складывавшимся в процессе длительного исторического развития.

При анализе строительных традиций мордвы необходимо принимать во внимание ряд факторов. Во-первых, при строительстве домов на Алтае мордва учитывала особенности природно-географического ландшафта. Во-вторых, у мордвы сложились семейные и бытовые обряды, связанные со строительством жилища, которые имели сакральное значение и создавали у будущих хозяев благоприятный психологический настрой, уверенность в том, что после их совершения жизнь семьи в этом доме будет защищена от действия злых сил. Детальное изучение исторически сложившихся типов поселений и вариантов застройки мордовского жилища неоднократно освещалось в работах Л. Н. Никоновой, Л. Н. Щанкиной, В. Ф. Вавилина и др.

Особое значение у мордвы придавалось выбору места для нового дома. По дошедшим до нас традициям, зафиксированным в селах Залесовского района (Борисово, Никольское, Малый Калтай, Черемушкино), Солтонского района (Макарьевка, Урунское), до сих пор считается, что нельзя селиться там, где раньше проходила дорога или тропа, потому что она связывалась с дорогой предков, ведущих в мир мертвых. Не строили дома и на перекрестках. По преданию, на этом месте человека постоянно будут мучить страшные сны, из-за чего у него не будет идти дело, водиться скот, в семье наступит разлад. Самым благоприятным местом для строительства дома считалось то, где стоял прежний дом. С ним у мордвы связано представление о благополучии, а если рядом с домом приживутся черемуха и береза, значит, место для дома выбрано удачно [1].

Возведение мордовских домов сопровождается совершением различных обрядов, сохранившихся и в настоящее время. Так, повсеместно при строительстве под фундамент, матицу и по углам клади монетки, чтобы в семье был достаток [2]. Когда стены были готовы, внутри сруба накрывали стол и угождали всех перед тем, как ставить матицу. Под нее клади шерсть, чтобы дом был теплым [3]. На новоселье в д. Никольской Залесовского района в дом бросали курицу или петуха, чтобы на новом месте водились птица и скот. Соседи приносили вещи, посуду [4]. В с. Урунском Солтонского района было принято провожать новоселов из родительского дома в новый с вещами и «со всеми почестями, чтоб хорошо жилось» [5].

При вселении в новый дом немаловажное значение имело поверье о домовом. В с. Урунское, например, его «брали с собой», говоря: «Домовой, айда со мной, живи в новом доме». По рассказам жителей с. Урунское Солтонского района, если этого не сделать, то домовой будет плакать. Чтобы этого не случилось, нужно сказать: «Домовой, пойдем со

мной, куда я, туда и ты, меня не оставляй» [6]. В д. Никольской, когда домового «брали с собой», открывали подполье со словами: «Старый домовой, оставайся, а молодой — пойдем со мной». Придя в новый дом, открывали подполье и говорили: «Дома и в стайке живи тут, чтобы скотина велась, а дома будь хозяином. Будь хозяином. Заходи». Домовому старались угодить, не обижать его [7].

Современное жилище мордвы, в том числе и на Алтае представляет результат ее контакта с русским населением. Первоначальная форма жилища мордвы отражала ее связь с окружающим ее лесным миром. Естественное стремление к лесам, к берегам рек, оврагам имеет давние архаичные корни [8, с. 123]. Старейшим и самым распространенным жилищем у мордвы была двухкамерная постройка типа «изба — сени». Со временем ее вытеснил трехкамерный тип «изба — сени — изба» [9, с. 296]. Крыши преобладали соломенные, крытые внакидку («костром»). Солома сверху укреплялась жердями, попарно скрепленными на конце деревянными гвоздями, или крышу покрывали соломой с глиной; это покрытие было менее прочным, но предохраняло жилье от пожара [10, с. 165]. На исторической территории проживания мордвы изба ставилась не фасадом, а боковой стеной к улице, и выходящая на улицу стена не имела окон. Они прорубались только в стенах, выходивших во двор. Пола в мордовских избах не было, «мордин действовал тем, что настилал на землю глину и тщательно уколачивал ее», только под влиянием русских традиций у мордвы появляется деревянный пол [8, с. 125]. Печь в старых мокшанских и эрзянских избах помещалась в одном из углов напротив двери и была обращена устьем к двери или к окну. Постепенно она переместилась в один из углов у двери, и «на первых порах обращена была устьем к противоположной боковой стене, а не к стене против двери» [8, с. 129]. В ходе экспедиционного изучения мордовских жилищ современного села на Алтае нам не удалось зафиксировать эти типы домов. Традиционные для мордвы типы жилищ при переселении на Алтай довольно интенсивно вытеснялись пятистенниками, получившими широкое распространение у русского населения края. В середине XX в. к прирубу стали пристраивать еще и холодные сени, а к ним закрытое крыльцо. Можно сказать, что переселение на Алтай в определенной степени способствовало утрате жилищем его этнической специфики. В настоящее время распространены пятистенки, состоящие из двух комнат, чулана, коридора или террасы и крыльца.

Основным строительным материалом являлся лес, преимущественно хвойных пород (кедр и сосна) с диаметром ствола 25–35 см. В настоящее время в строительстве в основном применяют сосну. В некоторых селах,

расположенных вдоль Салаирской тайги (в Солтонском, Ельцовском, Целинном районах), встречаются старые дома, построенные из лиственницы. Это дерево долговечнее, чем сосна, оно и сейчас используется для нижних венцов сруба и матицы. Ель как строительный материал в притяжной и таежной зонах для постройки жилья используется редко, в основном идет на сооружение хозяйственных помещений. Осину старались не применять вовсе, поскольку она очень быстро впитывает влагу и подвергается гниению.

Как рассказывают информаторы, раньше владение плотницким ремеслом считалось обязательным для мужчины и было распространено среди мордвы. Были целые мордовские семейные кланы плотников. В с. Макарьевка (Солтонский район), например, были свои известные плотники – семья Видяйкиных, в с. Урунском (Солтонский район) – семья Игнатушкиных. Лес мордва старалась заготавливать преимущественно зимой или ранней весной, до начала движения смолы, поскольку такие бревна не требовали долгой сушки. Одновременно заготавливали мох – материал-утеплитель. В д. Никольской, селах Борисово, Думчево Залесовского района, Урунском и Макарьевке Солтонского района мох брали с болот, рвали руками или багром. Предгорье обеспечивало села каменными глыбами, используемыми вместо фундамента. Сруб изготавливали в тайге, а потом вывозили. До сих пор при сборке сруба у мордвы в сельской местности прибегают к помощи родственников, односельчан, соседей, называя это «помочами». По рассказам информаторов, для постройки дома необходимо было три-четыре «помочи». Первая устраивалась для заготовки и перевозки строительного материала. После необходимого угощения все участники на лошадях, с топорами, пилами, веервками отправлялись в тайгу. Во второй раз изготавливали сруб, в третью «помочь» поднимали сруб и вывозили его, в этом участвовали как мужчины, так и женщины (до 30 чел.). Важным этапом строительства являлась установка сруба, в этот день хозяева, как правило, устраивали обед для плотников и для всех участников «помочи» [11].

Строительство начиналось с установки фундамента. Наиболее распространенной являлась установка камней или деревянных чурок по углам сруба, реже вдоль стены, между угловыми «стульями», прокладывали ряд чурок – так называемый «ленточный вариант». Дома в мордовских селах (Никольском, Борисово, Урунском, Макарьевке, Думчево) строили в основном на невысоком (около 2 м) подклете, обычно состоявшем из четырех наземных и трех подземных венцов.

Для мордвы в Алтайском крае при строительстве характерен традиционный способ рубки «в угол», который был распространен повсемест-

но в мордовских селах. В ходе экспедиционных исследований эта техника была зафиксирована нами в эрзянском селе Никольском. Ряды рубили «в угол» с глубоким остатком не только для сруба, но для сеней, называемых прирубом.

Устройство потолка и пола в мокшанском, эрзянском и русском жилищах на Алтае не отличалось. В старых домах срубах сделаны лаги под пол, на которые укладывали перекрытия в виде толстых плах. Чтобы лаги не провисали, середину бревна подпирали толстым бруском или другим бревном, длина которого в подклете достигала 2 м. Потолочный настил поддерживался одной или двумя матицами (толстое бревно, диаметром до 30–35 см), закрепленными в верней части боковых стен — между предпоследним и последним венцами. Боковые настилы одним концом упираются в матицу, другим — в пазы боковых стен. Потолок делался тесовый, замазывался сверху глиной и засыпался землей или листьями (30–40 см) для утепления. Полы в современных мордовских селах деревянные, крашеные. Обычно их делали из широких, толстых сосновых бревен, плотно пригнанных друг к другу. Половицы всегда укладывали в направлении от входа к фасадной стене. Во время уборки полы скоблили ножом или «шоркали» водой с песком и кирпичом. По данным этнографических экспедиций, крыши в мордовских селах встречаются как двускатные, так четырехскатные. В одном населенном пункте можно встретить дома как с двух-, так и с четырехскатными крышами. На Алтае у мордвы не встречается традиционная для домов на исторической территории самцовская конструкция крыши. Плоские крыши более характерны для веранды, крыльца, летней кухни и некоторых хозяйственных построек. В качестве кровельного материала в мордовском жилище традиционно использовали тес, дрань. Характерно, что до сих пор большинство мордовских домов не перекрывают шифером или рубероидом, кровельным материалом остается тес. В последнее время при строительстве новых домов крыши кроют толем, шифером и железом [1].

Оконные и дверные проемы в мордовских домах старались делать с учетом сторон света. Обычно к северу сруб был поставлен прирубом; с западной стороны старались ограничиться одним окном, в пятистенке или шестистенке — двумя. Это защищало дом от холодных ветров, при этом максимально освещенной пытались сделать восточную и южную стороны. Вместе с тем считалось, что большое количество окон — показатель хозяйственного благополучия хозяев и признак красоты. Окна с косяками были размером 7 × 80, с наличниками — 80 × 90 см. Окна в старых домах, как правило, не открывались. Створчатые окна, открываю-

шияся наружу, у мордовского населения на Алтае появились совсем недавно.

Что касается декоративного оформления мордовского жилища, его конструктивно-декоративных деталей (карниз, крыша, фронтон, наличники окон и др.), то оно определялось материальным положением хозяина, региональными традициями и др. В ходе экспедиционных исследований нами были выделены следующие формы наличников: простая прямоугольная форма – из дощатых обкладок, обработанных или не обработанных резьбой (села Никольское, Урунское); у мордвы распространены наличники треугольной формы; встречаются наличники барочной и сводчатой формы (села Борисово, Думчево, Урунское).

В декоре мордовских построек выделяются прямоугольные геометрические узоры, как правило, в сочетании с криволинейными фигурами. Геометрические орнаменты изготавливаются в основном долблением и вырезанием, более сложные геометрические и растительные – вырезанием и выпиливанием. Необходимо отметить, что в мордовских селах в основном наблюдается плоскорельефная пропильная техника, где ведущим орнаментом являются геометрические накладные фигуры. Подобные украшения отнесены исследователями к типу пропильной накладной резьбы. Территориально орнаменты домовых украшений в мордовских селах на Алтае неоднородны. Богатством и разнообразием они отличаются в селах Борисово и Думчево Залесовского района, Урунском и Макарьевке Солтонского района, Малоенисейском Бийского района. В целом для орнамента домовых украшений в мордовских селах характерно смешение этнических традиций, ныне утративших первоначальное значение и имеющих только декоративную функцию, что приводит к стилизации орнамента, возникшего в результате традиционных этно-культурных контактов и под влиянием местных природно-климатических условий. Оформление сельского жилища мордвы представляет собой весьма устойчивый элемент мордовской культуры и отличается многообразием, что связано с использованием различных материалов и приемов изготовления украшений и т. д.

На современном этапе трудно говорить о самобытном жилище мордвы или особых типах хозяйственных построек, потому что мордва уже много лет живет в соседстве с другими этносами, имеет общий с ними тип хозяйства, жилых и хозяйственных построек, поэтому речь может идти только об отдельных сохранившихся элементах этнической культуры, используемых этносом в обустройстве своего жилища. По данным экспедиционных исследований, изменения в облике жилища мордвы на территории Алтайского края явились результатом межэтнических кон-

тактов мордовского населения с русским. Так или иначе, дома-пятистенки в течение XX в. утвердились в качестве основного типа жилища у мордвы Алтайского края.

Источники и литература

1. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2003–2005 гг. Алтайский край, Залесовский район, с. Борисово, Кузнецов Н. Г., 1931 г. р; Абрашкин И. С. 1925 г. р.; с. Никольское, Макарекова У. М., 1929 г. р.; Солтонский район, с. Урунское, Павлов В. Я. 1931 г. р.
2. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2003–2005 гг. Алтайский край, Залесовский район, с. Борисово, Кузнецов Н. Г., 1931 г. р; Солтонский район, с. Урунское, Дедина П. И., 1925 г. р.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2002 г. Залесовский район, с. Думчево, Власкина Е. М., 1938 г. р.
3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2003 г. Залесовский район, с. Никольское, Мамулькина У. Е., 1934 г. р.
4. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. Солтонский район, с. Урунское, Павлов В. Я., 1931 г. р.
5. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2005 г. Солтонский район, с. Урунское, Атясова М. И., 1935 г. р., Дедина П. И., 1925 г. р., Паненкова А. С., 1930 г. р.
6. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2003–2005 гг. Залесовский район, д. Никольская, Четвергова А. А., 1937 г. р., Кумайкина М. А., 1926 г. р.
7. Смирнов И. Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895. 296 с.
8. Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004. 992 с.
9. Белицер В. Н. Жилые и хозяйствственные постройки мордвы-мокша на территории Мордовской АССР в конце XIX – первой половине XX в. // Исследования по материальной культуре мордовского народа. Вып. II. Тр. мордовской этногр. экспедиции. М., 1963. Т. 86. С. 107–253.
10. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2003–2005 гг. Алтайский край, Залесовский район, с. Борисово, Зорькин В. Д., 1923 г. р.

С. А. Соловьева

Особенности художественной традиции крестьянского жилища

В настоящей публикации рассматриваются художественные особенности жилой крестьянской архитектуры населенных пунктов Кытмановского района Алтайского края (села Кытманово, Сунгай, Дмитро-Титово, Старая Тараба, Мишиха, Отрадное). Материалы получены в период летней полевой экспедиции 2007 г. Эта поездка продолжает этнографическое исследование северо-восточных районов края (Тогульский, Солтонский, Ельцовский).

Постараемся осветить основные черты художественного оформления жилища, создания «своего» мира, отделенного от чужого, неосвоенного пространства. В данном районе прослеживаются общие черты региональ-

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 5

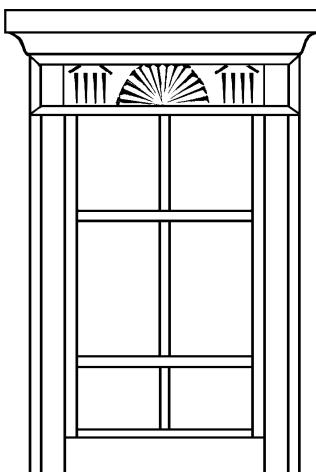
Рис. 4

Рис. 6

Рис. 7

ной культуры и сформированы местные художественные традиции. Как отметила Т. К. Щеглова, архитектурному стилю Причумышья в целом свойственны богатая обильная домовая резьба, сочетание крупных выразительных мотивов архаического типа и более современных ажурных пропильных узоров [2, с. 77].

Рис. 8

Рис. 9

К сожалению, сохранилось не так много жилых построек, которые в прежнее время определяли «лицо» населенного пункта. Однако оставшиеся свидетельствуют об особенностях местной художественной традиции, на которую оказали влияние этнически неоднородный состав населения, зажиточность крестьян, различные приемы и технологии, принесенные с мест переселения мастеровыми людьми. Можно отметить некоторую однотипность оформления построек. Но надо учитывать, что этот район обследован не полностью, поэтому работа будет продолжена.

Обилие строевого леса: сосны, пихты — сыграло положительную роль в период активного заселения региона в конце XIX — начале XX вв. Использовавшаяся для строительства жилья старожилами южных районов лиственница здесь применялась только для нижних венцов сруба.

Среди жилых построек наиболее тщательно украшались дома-пятистенки и дома-крестовики, покрытые четырехскатной или «круглой» крышей, кото-

Рис. 10

рые принадлежали зажиточным крестьянам (рис. 11). Для оформления ранних построек характерно покрытие стен сруба тесом как с практической целью (защита стен от влаги и гниения), так и с эстетической (стремление скрыть грубую рельефность бревен и придать поверхности вид каменной кладки).

Обычно наиболее богато украшалось окнооконное пространство на наличниках: верхние и нижние доски, пространство под крышей (рис. 10). В рассмотренных вариантах наличников преобладает симметричность построения декоративных композиций, доминирование крупных деталей, выполненных в рельефной технике резьбы, массивность которых подчеркивается легкими пропильными узорами. В верхней части окна (на лобовой доске) доминирует мотив соединенных массивных волют (рис. 1–4, 6–10).

Рис. 11

В орнаментации преобладают растительные и трудноопределяемые узоры затейливого построения, в основе которых лежат С- и S-образные завитки (рис. 2–4, 8–10), карточные мотивы – черви, крестьи (рис. 8, 9), выстроенные в линейные орнаменты, пики (рис. 1). Широкое распространение получили также мотив «мирового дерева» (рис. 1–4, 6) и солярные розетки (рис. 10), представленные во множестве вариантов. Сочетание пропильных накладных узоров на лобовой доске с массивными рельефными фрагментами, выступающими за верхний край, а также наложение на боковые доски деталей с тонкими вертикальными бороздками и круглыми углублениями создают глубоко рельефную поверхность у наличников. Наряду с рельефными или пропильными узорами сохранились сюжеты с мотивом сегмента круга, выполненные в архаичной трехгранновыемчатой технике резьбы. Они, как правило, размещены на простой прямоугольной лобани, выше которой расположены 2–3 верхние доски (рис. 7).

Как правило, декоративные детали постройки покрывались краской, что также имело двойное назначение – защитить вырезанные узоры от влаги и подчеркнуть их рельефный характер. Использовались преимущественно белый, синий, зеленый, иногда желтый, красно-коричневый

цвета. Декорирование подкарнизного пространства приобретало затейливые формы, число пропильных фризовых лент обычно составляло 2–3, иногда 4 ряда (рис. 10, 11).

По словам информаторов, во многих селениях в начале XX в. в постройках зажиточных старожилов имелась наружная и интерьерная роспись, что совпадает с материалами полевых исследований, полученными в других районах Причумышья. Ее образцы сохранялись до середины прошлого века.

Рассмотренные особенности орнаментации ранних жилых построек сходны с художественными традициями регионов, откуда направлялись многочисленные потоки колонистов, заселивших земли современного Кытмановского района. Технологические особенности, художественная выразительность, иногда усложненность трактовки изобразительных мотивов, использовавшихся в декорировании жилых построек, характерны для средне- и южнорусских областей России. Перенесенные и трансформированные традиции отразились в объектах архитектуры ис следуемого района.

Источники и литература

1. Рождественская С. Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. М.: Наука, 1981. 206 с.
2. Щеглова Т. К. Сельская домовая резьба Алтайского края конца XIX – первой половины XX вв. // Этнография Алтая и сопредельных территорий / Под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. 264 с.

Н. А. Тадина

К вопросу о методе сбора полевого материала (на примере изучения института зайсанства)¹

В последние два года наша этнографическая группа работала над темой регионального проекта РГНФ «Институт зайсанства и его правовые основы в свете современных проблем возрождения в Республике Алтай» (№ 07-03-61304 а/Т). Она состояла из пяти человек: В. С. Ивановой (канд. ист. наук, руководитель проекта), Н. А. Тадиной (канд. ист. наук, этнограф) и студентов ИФ ГАГУ Т. С. Ябыштаева, Д. В. Рыжкиной, Н. Н. Захаровой.

Объектом полевого исследования по проекту явился алтайский этнос с его этнотерриториальными группами. Следует подчеркнуть, что при изучении этнической культуры важно учитывать влияние соседних

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке регионального проекта РГНФ (№ 07-03-61304 а/Т – «Институт зайсанства и его правовые основы в свете современных проблем возрождения в Республике Алтай»).

народов: в Горном Алтае в роли такого народа выступают русские как этническое большинство республики. Предметом изучения явился современный зайсанат, многогранный по своей сути, выступающий как социальный институт, как форма родового управления, как система старшинства и авторитета рода-сёока. Изучение его основывается на междисциплинарном методе исследования, когда используются достижения ряда научных направлений, названия которых объединяются формантом «этно» – этносоциологии, этнопсихологии, этнолингвистики [1, с. 87–88].

Приступив к реализации проекта, мы освоили накопленный материал по изучаемой теме и выявили следующие основные положения. Во-первых, основой возрожденного зайнсаната явилась родовая структура алтайского этноса. Во-вторых, сохранение в советское время основных родовых обычаям экзогамии, авункулата, сватовства, соблюдение их в семейно-родственной среде обусловило возрождение зайнсаната как символа рода-сёока постсоветского периода. В-третьих, относительно необходимости существования современного института зайнсанства существуют различные мнения, отражающие особенности этнических процессов. Наблюдая и фиксируя в полевых условиях архаичные элементы традиционного социального института, каким является зайнсанат, можно проникнуть в глубь бытования этнографического явления. Этот метод сравнительно-исторического анализа позволит реконструировать родовое управление зайнсаната [2, с. 52–57].

В «Учебнике полевой этнографии» одного из этнографов СПбГУ В. А. Козьмина сказано: «Любой этнограф-полевик, какую бы исследовательскую задачу он перед собой ниставил, всегда имеет дело с современностью, что определяется самим объектом полевой этнографии. Такая методика полевой работы не допускает изучение только архаики либо новаций. Подобные крайности приводят к искажению реальности, что противоречит принципу историзма в этнографическом исследовании» [3, с. 464].

В целях успешного полевого исследования института зайнсанства мы использовали специальные методики получения информации по реально бытующим родовым отношениям. Само определение «полевые материалы», «полевые наблюдения» указывает на способ получения этнографического факта. Кроме того, в заявке проекта предполагалось классифицировать собранные источники по способу кодирования и хранения информации. На основании такого подхода были выявлены следующие виды источников: письменные и устные, поведенческие (обычаи, обряды и т. п.).

Для плодотворного сбора этнографического материала по теме проекта, уточнения имеющихся сведений нами был выбран экспедиционный метод исследования как наиболее распространенный способ полевой работы. Экспедиции предшествовали организационные мероприятия. Используя этносоциологическую методику для сбора массового материала в этнографическом исследовании, студенты приготовили вопросы для выявления общественного взгляда на зайнанат по этническому, возрастному и территориальному принципу.

Наша этнографическая группа совершила несколько экспедиционных поездок по большинству районов республики. Из числа ближайших к Горно-Алтайску, центру республики, районов был выбран Чемальский. Здесь находится Алтайский культурный центр, основанный А. К. Бардиным, проживающим в с. Чемал. Кроме того, зайнанатом он был избран Ага-зайнаном («старшим»). Из центральных районов республики нами были выбраны Онгудайский и Усть-Канский районы, в которых большинство населения являются алтайцами, считающимися в представлении народа «ядром» этноса. Из отдаленных районов был выбран Кош-Агачский, где проживают теленгиты, одна из этнотERRиториальных групп южных алтайцев, соседствующая с казахами как крупной диаспорой.

Мы решили сочетать маршрутный и кустовой метод обследования. Выбор такого способа был определен спецификой проекта. Сочетание методов обеспечило охват большей территории и более полный сбор материала. Мы предварительно определили районы работы, основные населенные пункты, через которые предполагалось проложить линейный маршрут экспедиции. Обычно мы останавливаемся в населенном пункте, расположенному на перекрестке дорог, это село выбирается в качестве базового пункта экспедиции. Как правило, здесь проводится работа по сбору этнографического материала, отсюда совершаются выезды членов отряда на один-два дня в близлежащие населенные пункты. Этот принцип полевой работы в отечественной этнографии получил название «куст». Сочетание маршрутного и кустового методов, выбранное нами, определил наш маршрут, состоящий из серии «кустов». Таковыми базовыми пунктами были ближайшее село Чемал, Каракол на Чуйском тракте, Кош-Агач и Усть-Кан – райцентры отдаленных районов республики.

Продолжительность и количественный состав экспедиции определяется ее целями, задачами и проблематикой. Мы придерживаемся общей установки: длительность экспедиции может колебаться от десяти дней до двух недель, а группа не должна быть большой: от трех до 5–6 человек.

век. Основным исследовательским звеном в проведении полевых исследований является экспедиционный отряд в составе этнографа-исследователя, владеющего инструментарием и методикой сбора материала по намеченной теме, и вспомогательного персонала (обычно студентов), принимающего участие в сборе и систематизации материала.

Полевая работа представляет собой сумму взаимосвязанных методик, основными составляющими которой являются личные непосредственные наблюдения, работа с информаторами, фиксация изучаемого материала, сбор этнографических коллекций, работа с документальными источниками. При этом сбор и перепроверка получаемой информации должны восприниматься как единое целое.

Если у археологов полевая работа связана с вещественными находками, то у этнографов специфика полевой работы состоит в умении общения с людьми различного возраста, этнической принадлежности, территориальных и социальных групп. Делясь опытом полевой работы, авторы редко говорят об особенностях работы с информаторами: этот аспект относится к числу личных впечатлений. Не всегда удается опросить знатока старины, если «не его день», перед встречей он заболел или нет настроения для беседы, не внушает доверия полевик и пр. Этую неудачу невозможно компенсировать опросом, дающим массовый материал в форме ответа «да-нет»: «Настораживает ли вас возрождение зайсаната?» или «Можете ли вы считать работу зайсаната полезной?» и пр. Дело в том, что массовый опрос выполняет одни задачи, а беседа с информатором – другие.

Другой важной позицией полевой работы является выбор языка общения с информатором. Считается бесспорным, что плодотворным является сбор материала на языке изучаемой культуры. Игнорирование языка изучаемого этноса равнозначно тому, как если бы в степной Алтай приезжал иностранный антрополог, не знающий русского языка. О важности сбора полевого материала на языке изучаемого этноса мы говорили на предыдущей полевой конференции [4, с. 159–163].

Ценность сведений отдельных информаторов, относящихся к числу знатоков старины, состоит в важности заложенных представлений по многим вопросам этнической культуры. Для получения необходимых сведений, хранящихся в народной памяти нужно длительное общение, в ходе которого проявляются отношение и понимание, подтверждение или несогласие. Такой вызов на беседу позволяет найти контакт со знатоком этнической культуры. Наш опыт полевой работы, накопленный в алтайской среде, позволяет утверждать, что информант, отвечая по-русски или на вопрос, заданный на русском языке, обычно дает усеченные

сведения. Дело не в нем самом, а в простой истине: этническое содержание явления передается лишь на языке культуры. О важности вживания в этническую культуру сказано как в отечественной этнографии, так и в зарубежной антропологии [5, с. 4; 6, с. 25–27; 7, с. 3–30].

Полевая этнография основана на экспедиционной работе с применением маршрутного или кустового метода. Экспедиция позволяет широко комбинировать способы организации полевой работы, и исследователь выбирает способ сбора материала, наиболее полно отвечающий его целям и задачам.

Литература и источники

1. Итс Р. Ф. Введение в этнографию: Учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ. 1989.
2. Тадина Н. А. О феномене возрождения института зайданства у алтайцев // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений: Материалы конф. Барнаул, 2007. С. 52–57.
3. Козьмин В. А. Учебник полевой этнографии // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 2–3. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1993. С. 457–470.
4. Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. О методике сбора этнографического материала на языке изучаемого этноса // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2006 г.: Археология, этнография, устная история: Материалы III регион. науч.-практ. конф. 6–8 дек. 2006 г. Вып. 3. Барнаул: БГПУ, 2007. С. 159–163.
5. Громов Г. Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Наука, 1966.
6. Лукина Н. В. О понятии «этнографический источник» (к постановке проблемы) // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1981.
7. Geertz C. The Interpretations of Cultures. N. Y., 1973. P. 3–30; Клиффорд Гирц. «Насыщенное описание»: В поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997.

О. Фролова

Диаспора как социальное явление

Многообразие народов, культур, языков представляет собой богатство России. В Российской Федерации живут более 170 народов [1, с. 5], из них представители 120 этносов проживают на территории Алтайского края. По данным последних переписей (1979, 1989, 2002) прослеживается увеличение численности народов из Средней Азии и Кавказа: таджиков, узбеков, армян, азербайджанцев, чеченцев и др., при сохранении абсолютного большинства русского населения, которое составляет 92% [2, с. 3]. В условиях полиглоссического окружения этнические мигранты консолидируются для помощи друг другу и сохранении своих обычаяев, традиций, культуры и передачи этого опыта будущим поколениям.

Предметом нашего исследования выступает азербайджанская диаспора как устойчивая группа людей единого этнического происхожде-

ния, проживающая за пределами своей исторической родины (Азербайджана) на территории Алтайского края.

Для изучения этих вопросов нами в 2007–2009 гг. проводились исследования с применением анкетирования, бесед, интервьюирования. Были разработаны анкеты «Этническое самосознание», «О традициях семьи», «О переселении на Алтай» и др. Данные анкеты позволяют выявить уровень самосознания, степень сохранности данной культуры (как духовной, так и материальной) на территории края, причины переселения и другие вопросы этнической истории и этнической культуры. В процессе исследования автором были опрошены 20 человек – мужчины, проживающие в г. Барнауле, члены национально-культурной автономии Азербайджана. При этом удалось реализовать не все методы исследования. Азербайджанцы открыты и доброжелательны, охотно идут на контакт, рассказывают о своем народе, но при этом контролируют процесс записи, в частности не разрешают пользоваться диктофоном, неохотно дают свои адреса и даже номера телефонов. Однако в результате встреч, бесед, анкетирования, личных наблюдений автора был собран некоторый материал, который позволяет сделать предварительные выводы.

Причины появления представителей азербайджанской диаспоры на территории края различны. Они зависят от временного промежутка и условий, способствовавших переселению. 19% респондентов основной целью приезда указали службу в армии, 31% – учебу, 37% приехали к родственникам. Службу в армии как причину указывают респонденты, появившиеся на территории края во времена существования СССР, остальные две характерны для периода 1990-х гг. и современного периода. В целом, по мнению представителей азербайджанской диаспоры, Алтайский край является благоприятным местом в силу экономических, демографических, национальных, этнических, политических и природно-климатических факторов.

Данные анкет и бесед позволяют говорить о высоком уровне этнического самосознания. «Я горжусь, что я азербайджанец, так как кулинария, традиции все у нас на высшем уровне. Вы посмотрите наши традиции гостеприимства, уважения к старшим и младшим. И эти традиции передаются из поколения в поколение» [3]. «Даже если бы я один был среди миллиона других народов, я бы признался в том, что я азербайджанец» [4].

В наши дни на территории Алтайского края создана и функционирует общественная организация – национально-культурная автономия Азербайджана, возглавляет которую Мурад Магомед али Зейналов. Национально-культурная автономия именуется «Берлик», что в переводе с

азербайджанского означает «единство». «Так она была названа потому что единство – вот что нас объединяет. Азербайджанцы, живущие в России, и в частности в Алтайском крае, хоть и находятся далеко от родины, но стремятся сохранить свой язык, культуру, следовать традициям. С этой целью мы решили создать нашу национально-культурную автономию. Нашлось немало заинтересованных в этом людей, моих соотечественников, которые живут в Сибири, но душой и сердцем любят нашу страну огней» [3]. Автономией осуществляется также защита национально-культурных интересов азербайджанцев г. Барнаула (как юридических, так и духовных). Началом создания национально-культурной автономии является 2006 г.: «...в 2006 году мы официально зарегистрировали национально-культурную автономию азербайджанцев в городе Барнауле. Со стороны мэрии мы встретили полное взаимопонимание. Нам выделили помещение, чтобы мы могли собираться вместе, обсуждать свои насущные проблемы» [5, с. 6].

На вопрос, приходилось ли им сталкиваться с явно негативным отношением со стороны местного населения, был получен отрицательный ответ. Хотя в беседах респонденты говорят, что все-таки иногда встречается некоторое недопонимание. Иногда приходится слышать «лицо кавказской национальности», которое из уст местного населения звучит с некоторым упреком и пренебрежением. В чем причины такого отношения? Самы представители азербайджанской диаспоры выделяют экономические причины. 43% респондентов имеют высшее образование (и даже не одно – 13%), поэтому им удается устроиться на высокооплачиваемую работу, а иногда даже открыть собственное дело. Высокие доходы становятся причиной зависти местного населения. «Особенно обидно то, что когда предлагаешь русскому работать у себя – он отказывается. В чем мы виноваты, что работаем и за это деньги получаем?» [3].

По словам информантов, жители Алтайского края выражают недовольство по поводу создания национально-культурных автономий, которые, по их мнению, влияют на политическую жизнь края. Действительно, представители азербайджанской диаспоры едины в политических взглядах, убеждениях и настроены на взаимодействие с администрацией края и правящей партией «Единая Россия»: «Мы стараемся на уровне администрации создать совместные проекты, целью которых является не захват власти, а налаживание так называемого диалога культур. Мы организовываем межнациональные праздники и отмечаем их все вместе» [3].

Благодаря этому в азербайджанских семьях, проживающих на территории Алтайского края, сохраняются и передаются культурные тради-

ции. Это проявляется в соблюдении похоронной и свадебной обрядности, постов и праздников (Навруз, Курбан-Байрам, Рамазан), которые проходят с учетом исконно азербайджанских традиций. Например, свадьба: невесту практически всегда выбирают родители в самом Азербайджане, там делают «женскую» свадьбу, а в Алтайском крае – «мужскую». Очень важно межкультурное взаимодействие, формирование взаимопонимания принимающей и прибывающей сторон, это касается соблюдения как культурных, так и религиозных норм. По данным анкет, респонденты не чувствуют никаких препятствий со стороны местного населения и властей к соблюдению ими культурных и религиозных традиций.

Таким образом, в целом Алтайский край является спокойным местом проживания представителей различных национальностей, что обусловлено, во-первых, отсутствием здесь межнациональной вражды, политической напряженности и военных конфликтов, во-вторых, в целом доброжелательным отношением местного населения [6]. Однако отмечается некоторое непонимание со стороны местного населения, формируются необоснованные обвинения, связанные с ростом влияния представителей различных национальностей на экономическую, политическую, культурную жизнь края. В связи с этим необходимо активизировать работу по изучению культурных традиций народов, проживающих на территории края. Тот факт, что представители азербайджанской диаспоры чувствуют недоверие и непонимание со стороны местного населения, затрудняет работу по исследованию этнических культурных традиций азербайджанского народа.

В рамках школьного предмета «Народоведение России» необходимо обеспечить воспитание подрастающего поколения в духе взаимопонимания, что позволит избежать ошибок в межкультурном общении и достижение взаимного согласия между народами.

Литература и источники

1. Арутюнян Ю. В. Этносоциология: Учеб. пособие для вузов / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. М.: Аспект Пресс, 1998.
2. Национальный состав населения Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 2002 г.). Барнаул, 2005.
3. ПМА, Зейналов М. М., 1961 г. р.
4. ПМА, Бахшалиев Б. Б., 1959 г. р.
5. Сахиб Ганадли. Форум расширяет географию (интервью с Зейналовым М. М.) // Страна Огней. 2007. № 7–9 (июль – сент.).
6. Плотников В. А. Оценка, прогнозирование и тенденции развития миграционных процессов в Алтайском крае // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнической стабильности в Евразии. Новосибирск. 2002. С. 175–176.

Е. Ф. Фурсова

О возрождении традиционной культуры и деятельности этнокультурных центров Сибири: материалы экспедиции «Славянский ход»¹

Комплексная научная этнографическая экспедиция «Славянский ход-2007» (июнь 2007 г.), организованная региональной организацией «Общество русской культуры» (г. Сургут) и Правительством Ханты-Мансийского автономного округа, ставила своей целью системное фольклорно-этнографическое изучение малоисследованных районов Прииртышья и отчасти Приобья. Местами работы являлись как сельские населенные пункты, так и небольшие города исследуемой территории (Омск – Большеречье – Евгашино – Тара – Знаменское – Тевриз – Усть-Ишим – Тобольск – Ханты-Мансийск – Сургут). В экспедиции принимала участие большая группа ученых-этнографов из различных научных центров России (Санкт-Петербурга, Новосибирска, Архангельска и пр.).

Целью работы автора в комплексной научной этнографической экспедиции «Славянский ход» являлось сравнительное изучение особенностей традиционно-бытовой культуры и декоративно-прикладного искусства русского старожильческого и восточнославянского «переселенческого» населения Прииртышья конца XIX – XX вв. на фоне уже известных западносибирских традиций. В задачи экспедиционной работы входил сбор материалов по теме «Особенности традиционно-бытовой культуры восточнославянских народов Прииртышья конца XIX – XX вв.», включая компоненты как материальной, так и духовной культуры. При этом особое внимание обращалось на самоидентификацию так называемого «старожильческого» и «переселенческого» населения. Предметной областью исследования стали вопросы, связанные с этнической и конфессиональной идентификацией, традиционной одеждой и женскими рукоделиями, семейно-свадебной и календарной обрядностью, православным мировоззрением восточнославянских народов Прииртышья. Использовались традиционные для этнографической науки методы полевого исследования – визуального наблюдения, описания, углубленного интервьюирования, экспресс-опроса. Часть информаторов оказались способна как дать развернутые ответы по конкретным темам, так и составить полноценные жизнеописания.

Вполне естественно, что при проведении исследования и обработке материала автор опиралась на данные, полученные из полевых экспеди-

¹ Грант РГНФ 07-04-40909 а.

ций предшествующих сезонов сопредельных с Прииртышьем территорий – Верхним и Средним Приобьем, Барабой, Кулундой, Алтаем и пр.

Вновь полученные материалы позволили сделать важные выводы о достаточно выраженной единообразии культурной традиции старожильческой макрообщности, известной в Западной Сибири под самоназванием «чалдоны» или «коренные сибиряки». Обнаруживаются близкие параллели с чалдонами Присалаяря, Новосибирского Приобья в традиционной одежде, семейном быту, календарной и свадебной обрядности и пр. Чалдонов указанных территорий объединяет с иртышскими общая мифологема происхождения этой группы старожильческого населения, согласно которой они идентифицируют себя с выходцами с Дона, донским казачеством и отсчитывают сибирскую историю от момента появления Ермака. Однако наряду с важными научными результатами в процессе полевой этнографической работы выяснились и некоторые проблемы.

Во время проведения экспедиции состоялись встречи с представителями властных структур местного самоуправления, православного духовенства, этнокультурных центров и фольклорных коллективов, краеведами и народными мастерами. При общении были выявлены методы и формы деятельности центров массовой и культурно-досуговой культуры. В целом можно говорить о высоком уровне развития краеведческих и культурных центров, а также о значительных достижениях благодаря ощущимой поддержке научных учреждений (прежде всего Омского государственного университета, Института археологии и этнографии СО РАН и пр.).

Отмечая позитивную роль центров русской традиционной культуры, созданных во многих районах Омской, Новосибирской, Тюменской областей решением региональных властей и призванных активизировать процесс культурного возрождения непосредственно в очаге бытования, нельзя не отметить разный уровень подготовленности кадров и различную направленность работ сотрудников. Одни центры русской традиционной культуры (этнокультурные центры) представляют собой хороший пример бережного и творческого отношения к традициям (Большереченский центр фольклора и этнографии Омской области «Сибирская старина»), другие ориентированы на популяризацию «фольклорных и этнографических шаблонов», которые в данном случае подменяют собой этнографическую специфику населения конкретного района, села. Вот уже десять лет, как «Сибирская старина» (директор А. Д. Гулько) сочетает в своей деятельности элементы краеведческой и культурно-досуговой работы, всячески поддерживая традиции родного района с его этно-

культурной спецификой, современное творчество большереченцев, которое на фоне пропаганды этнической культуры расцвело и дало много по-настоящему художественных образцов. Может быть, поэтому выглядят столь самобытно и столь глубоко связанны с этнической культурой современные промыслы и ремесла села: плетение из лыка, поделки на основе бересты, вышивка, народная живопись и пр.

В резолюции комплексной научной этнографической экспедиции «Славянский ход-2007» руководителям соответствующих властных структур и служб исследуемого региона указано на необходимость развития региональных исследований «на месте», плодотворность развития локальных традиций декоративно-прикладного искусства, фольклорных форм и пр. Не секрет, что «шаблонный» подход в деятельности центров традиционной культуры транслирует не характерные для данной местности обычай и обряды, формы произведений прикладного искусства. Многие учреждения такого профиля страдают слабостью научной базы и отсутствием профессиональной подготовки, необходимой для работы с носителями традиционной культуры, что нередко затрудняет возрождение местной этнокультурной традиции. Ориентация фольклорных ансамблей и мастеров народных художественных промыслов только на методическую литературу и другие, в том числе периодические, печатные издания по русской традиционной культуре без опоры на местный материал приводит к забвению своих традиций и фактической их подмене формами, не характерными для данного региона. Таким образом, получается, что заслуживающая большой поддержки деятельность по культурному возрождению села может иметь негативный результат.

Обозначенная проблема, может быть, и не выглядит столь вопиющей, как уничтожение памятников деревянного зодчества или сельских музеев, но если не обратить на это внимание сегодня, то лет через 10–20 этнограф увидит в Западной Сибири лишь «живую иллюстрацию» известных публикаций изуважаемых журналов «Живая старина» или «Традиционная культура». Очень хорошо, что в экспозициях центров народного творчества выставлены наши национальные «брэнды»: матрешки, северодвинские росписи, куклы-«кормилки», куклы-«неразлучники» и многие другие произведения народных талантов. Важно, чтобы изготовленные им мастера могли объяснить, традицию какой земли они в данном случае транслируют, и ни в коем случае не пересказывали содержание обычаев или обрядов из опубликованных источников без такой же ссылки, без которой ученики или слушатели будут введены в заблуждение. Возможно, что описанная ситуация более ха-

рактерна для Сибири, где пока мало изучена специфика народных традиций.

В настоящее время начинается работа над программой «Ареально-локальные традиции декоративно-прикладного искусства в Сибири», которая фактически стала продолжением большого исследования в 1990-х гг. материалов Южной Сибири на базе Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). Отметим, что исследовательская работа по выявлению ареально-локальных традиций белорусов в Западной Сибири осуществляется в настоящее время Институтом археологии и этнографии и Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларусь.

Сегодня в науке фактически действует подразделение Р. Редфилда, который четко выделил два типа традиций: «большие» и «малые». Носителями первых являются большие этнические группы: нации, народы, носителями вторых – «малые группы»: этнокультурные, этнографические, этноконфессиональные и т. д. В этом делении проявляется разнокачественный характер традиций, когда «большие» могут быть лишены глубоких историко-культурных корней [1, с. 7]. «Малые традиции» выглядят в этом плане более защищенными, им легче сохранить самобытность, поскольку механизм их межпоколенной передачи заключен внутри небольшой группы. Возрождение исторической национальной и этнической самобытности России невозможно только в рамках одной национальной (государственной) культуры, оно должно быть обогащено забытыми «маленькими уголками», «малой родиной», для которой глубинные традиции являются естественной средой обитания.

Литература

1. Кожин П. М. Традиции в системе этноса // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 3–13.

П. П. Цахер, М. А. Овчарова

Удмурты Алтайского края: история переселения и развития на примере исчезнувшего поселка Восход Быстроистокского района (по полевым материалам ИЭЭ 2007 г.)

Переселенческий процесс в Алтайском крае в первой половине XX в. был вызван комплексом различных причин (столыпинская аграрная реформа, голод 1920–1930-х гг., репрессии) и привел к размещению на его территории представителей разных этносов, занесенных волной переселений из европейской части России в 1921–1929 гг. Главными ее причинами стала засуха 1921 г. и гибель посевов в 37 российских губерниях, что привело к катастрофе: в Поволжье вымирали целые деревни. В этой

ситуации правительство принимало решительные меры по расширению переселенческих потоков в Сибирь, в частности на Алтай. Акцент был сделан преимущественно на переезде объединенных крестьянских семей. В этой связи всем желающим переселиться рекомендовалось объединяться в группы, чтобы выходцы из одной местности занимали отдельный участок или группу смежных участков. В результате число прибывших переселенцев, получивших водворительные документы в порядке, определенном декретом Совнаркома от 15 июня 1920 г., составило 3 686 семей (21 349 чел.).

В этих условиях для устройства малоземельного и безземельного крестьянства делался уклон в сторону образования новых населенных пунктов преимущественно сельскохозяйственного типа: поселков, выселков, хуторов, заимок. В составе потока переселенцев в 1920-е гг. на Алтай были и удмурты (вотяки). По данным переписи, на 1926 г. удмуртов проживало на Алтае 821 человек, основная их масса числилась в с. Верх-Озерное (Быстроистокский район) и в д. Чановка (Залесовский район) [1]. Селились удмурты в отведенном месте, устраивали даже целые поселки, и одним из них стал «удмуртский поселок» Восход, который просуществовал на территории Быстроистокского района до 1980 г. и исчез вследствие реализации политики ликвидации неперспективных сел [2].

В ходе историко-этнографической экспедиции БГПУ в Быстроистокский район летом 2007 г. было проведено исследование по программе «Народы Алтайского края: история и культура». В ходе ее реализации были проведены интервьюирование, анкетирование, собран фотоматериал. Основными информаторами выступали дети удмуртов-переселенцев. Вот как они рассказывают об образовании села: «Сказали нам, значит, собираться на площади в селе (мне так бабка рассказывала), жили-то мы в Верхгые (с. Верхгыя, Кулизинский р-н, Удмуртия), кто сам приходил, кого гоняли. Отвезли нас на станцию, стали по вагонам распихивать, а их (вагонов) мало было-то, вот и пихали всех под завязку. Родственников в один вагон, меня в другой, я их и не видела потом некоторых, подавило многих. Ехали кто как может, как рыбы в бочке, места-то немного было, изыхали часто. Кормили редко, и то когда останавливались. Чаще всего ели сами, и то, что из дома успели взять, другие и вовсе голодали. Морю много было. Привезли нас, выбросили в поле, там и стали строиться, там нам сказали» [3].

Основная масса переселенцев была в пос. Восход из Кулизинского района Удмуртии. Вероятно, вывозили удмуртов не хаотично, а по определенной схеме. «Родители мои приехали как организаторы коммуны.

Рис. 1. Изба-пятистенок в пос. Восход. 1950-е гг.

Рис. 2. Панорама пос. Восход в 1960-е гг.

Перевозили нас в вагонах, специально выделяли на это дело, ехали всем скопом, как скотина. В 1929 г. поселились у озера, но из-за частых затоплений перебазировались на более высокое место и стали строить поселение, которое и называли „Восход“. Строился он в чистом поле. Покупали бревна и строили дома в Восходе. Сделали скважину глубиной 172 м. Была одна большая улица, одна половина домов лицом к озеру, а другая –увальнейной частью. В 1936–1937 гг. Восход переименовали в колхоз, а отец стал председателем. Так и жили, пока всех не разогнали» (Леонтьев В. В., 1929 г. р.) [4].

По свидетельствам очевидцев, удмуртов в селе было около ста семей. Несмотря на то, что удмурты были не на родной территории, им долгое время удавалось сохранять свою этническую культуру. «В Восходе было много удмуртов, на своем языке разговаривали, но в кругу семьи, свои песни пели, но редко, в основном русские, на работу с песнями и с работы с песнями. Помню, в школу иду, голодная, колоски собираю, по дороге и наемся, и обратно так же. Сама говорю на удмуртском и понимаю, а дети лишь понимают, да и то не всё. Удмуртский язык – красивый язык, ласковый какой-то.

Жили все дружно. Дома строили кто из чего. Дерева мало было, строили саманные дома, каркас делали из чащи и обмазывали саманом. Комната была одна, стол, койка, печка, всё. Было две бани на всю деревню (колхозные бани), за день семей 5–7 мылось, топилась она по-черномору. Одна стояла у болота, а вторая на косогорке. Воду брали из колодца. Потом бани стали потихоньку строиться. Жила я там до последнего, по-

Рис. 3. Дети удмуртов. Слева – Валентина Николаевна Тихонова, удмуртка, родившаяся в пос. Восход, справа – ее брат Геннадий. 1940-е гг.

Рис. 4. В. Н. Тихонова, с. Верх-Озерное. 2007 г.

реписи нам восстановить не удалось, поскольку в 1959, 1970, 1979, 1989 гг. были опубликованы данные только по преобладающим национальностям в крае, и численность удмуртов нам удалось восстановить лишь по данным похозяйственных книг. Нами были проанализированы данные по пос. Восход за 1946–1978 гг. В 1946–1948 гг. удмуртов в нем насчитывалось 105 чел., а русских – всего 39. К 1955–1957 гг. русских было уже 87 чел., а удмуртов – 54 [6]. Вероятно, это объясняется тем, что удмурты в это время, как и большинство этнических групп, проживавших в окружении русских, подвергались ассимиляции и меняли свою этническую принадлежность. Происходила потеря национальной этничности, наци-

ка не обрезали провода, продукты в Верх-Озерном брали. Я бы и сейчас там жила, если бы дети не забрали. Жалко мне до слез, поставить бы сейчас палатку, я бы в ней жила» [5].

Об отношениях с русскими говорят по-разному: одни – что жили дружно, другие – что терпели насмешки, особенно в школе. Русские дети дразнили удмуртских вотяками, но до открытых столкновений не доходило. В 1975 г. поселок попал в категорию неперспективных. В 1975 г. начался процесс укрупнения. Первыми из села стали уезжать семьи с маленькими детьми (так как закрылась школа). Одни уезжали в Якутию, другие – в другие регионы, но в Удмуртию не возвращались. Большинство переезжало в с. Верх-Озерное, они и по сей день живут там.

Демографическую характеристику удмуртов по пе-

Рис. 5. Семья В. Н. Тихоновой.

нального самосознания. По данным на 1976–1978 гг., удмуртов в поселке проживало 7 человек, и это объясняется лишь одним – процессом ликвидации поселка. По данным переписи 2002 г., удмуртов в Алтайском крае насчитывается 920 чел., 19 из них проживают в с. Верх-Озерное [7].

У современного удмуртского населения с. Верх-Озерное сохранились воспоминания об элементах национальной культуры, например в пище. «Блюда свои раньше готовили и сейчас готовим. Першень (пшенная каша), перепечь (мясо с добавлением яйца заворачивали в тесто, ставили перед печкой и запекали, потому и „перепечь“), пили табань – подобие русского кваса». Но, кроме национальной культуры, сохранилось самое главное – осознание себя удмуртами, несмотря на то, что их осталось очень мало. В настоящее время удмурты на территории Алтайского края проживают в основном дисперсно, только в Быстроистокском районе они представлены более компактной группой, проживающей в основном в с. Верх-Озерное. Сегодня в селе живут 19 удмуртов, но лишь 14 из них знают родной язык и используют его в общении друг с другом.

Литература и источники

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4: Сибирский край, Бурят-Монгольская АССР.
2. Список населенных мест Сибирского края. Округа Юго-Западной Сибири / Центральное статистическое управление. Сибирский Краевой статистический отдел. Новосибирск: Тип. «Советская Сибирь», 1928. Т. 1. 831 с.

3. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2007. Быстроистокский р-н. Иванова В. С. 1930 г. р.
4. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2007. Быстроистокский р-н. Леонтьев В. В. 1929 г. р.
5. Архив ЛИК БГПУ. Материалы ИЭЭ 2007. Быстроистокский р-н. Тихонова В. Н. 1931 г. р.
6. Ведомственный архив сельского совета села Верх-Озерное Быстроистокского р-на. 1946–1978 гг.
7. Материалы Всероссийской переписи населения по Алтайскому краю 2002 г.

Т. Ю. Шишмакова

Православная жизнь села в прошлом и настоящем: итоги полевого сезона 2007 г.

В июле 2007 г. на территории Быстроистокского района Алтайского края проходила комплексная историко-этнографическая экспедиция БГПУ, одним из направлений работы которой являлось изучение духовной культуры населения – исследования по темам «Православие в сельской среде в XX в.», «Православие в современной сельской среде» (в рамках программы сектора этнографии и устной истории ЛИК «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие»).

Исследования по данной теме проводились с использованием различных методов: качественных (опрос, интервьюирование), количественных (анкетирование), наблюдение. В ходе экспедиции было проведено 24 комплексных интервью с респондентами преимущественно 1920–1930-х гг. р. По современному состоянию православия в сельской среде было заполнено 70 анкет. Собранный материал позволяет выявить общие закономерности и особенности православной жизни населения Быстроистокского района на советском и современном этапах.

Религиозная жизнь Быстроистокского района в советский период соответствовала процессам, происходившим в стране в целом. Так, к началу 1930-х гг. на территории Быстроистокского района насчитывалось 10 действующих православных храмов [6]. В период активизации антирелигиозной политики советской власти в районе все храмы были ликвидированы. Последняя действующая церковь на территории района была закрыта в 1939 г. в с. Быстрый Исток.

Великая Отечественная война и послевоенный период стали новым этапом в государственно-церковных отношениях, что проявилось в открытии храмов. Этот процесс затронул и Быстроистокский район. В конце 1940-х гг. верующие с. Быстрый Исток просили разрешение крайисполкома собираться в молитвенном доме, купленном ими. Однако этот молитвенный дом был закрыт, так как якобы по техническим условиям не подходил для молитвенных собраний [5]. Тем не менее, по словам ин-

форматоров, на протяжении конца 1940-х – начала 1950-х гг. этот молитвенный дом действовал, в него «приезжал батюшка, видимо, из Бийска» [2, с. 62].

Для сельской среды с ее традиционной православной культурой наличие храма и священнослужителей всегда было неотъемлемой частью жизни. Как же существовало православие в условиях отсутствия церковной организации? Поскольку количество верующих было достаточно велико, появление служителей православного культа инициировалось «снизу», из представителей населения (далее условно будем называть их «народные служители»). Это были в основном женщины, условно их можно разделить на «монашек» и «читах». Вероятно, «монашками» были девушки и женщины, принявшие постриг в монастыре и в условиях советского времени с благословения священника взявшие на себя некоторые обязанности священнослужителей. «Читахи» – пожилые женщины из числа местных жителей, знающие основные молитвы, умеющие читать церковные книги. Вероятно, первоначально в их обязанности входило только чтение молитв на похоронах. С исчезновением «монашек» они дополнительно взяли на себя совершение погружения (заменившего обряд крещения), проведение православных праздников.

Как показывают полевые материалы, народным служителем мог быть только глубоко верующий человек, умеющий читать церковные книги, знающий молитвы, порядок службы и исполнения обрядов, соблюдающий пост. В документированных устноисторических источниках прослеживается комплекс обязанностей народного служителя: совершение погружения как замена обряда крещения, чтение молитв на похоронах, проведение православных праздников.

В советское время в сельской среде отношение к погружению изменилось. Оно фактически стало замещать обряд крещения, напоминая его по ритуалу. З. И. Мурашкина вспоминает: «Ставят такой тазик, ставят эти свечи и начинают молитвы читать. А потом берет этой водичкой, если маленький ребенок, она прямо купает... а больших опрыскивают и одевают крестик» [3]. Вместе с тем, если появлялась возможность принять крещение в церкви, ею непременно пользовались. По словам информатора, когда «батюшка приехал, дак бежало все село, чтобы покрестить ребятишек» [2].

В советское время функция регистрации умерших была передана органам ЗАГСа, а сакральная часть из-за отсутствия в сельской среде церковной организации отпала. Тем не менее среди населения потребность в отпевании сохранилась. В связи с этим зачастую на похороны пригла-

шались служители. Посредством молитв они давали напутствие отошедшим в иной мир, в связи с чем информаторы называют это «отпеванием» или «чтением по покойникам». З. И. Мурашкина рассказывает: «Вот берет... молитвенник и до кладбища подходит, зажигает свечи, подходит, называет имя и поют какие молитвы надо... для отпевания» [3].

Характерной чертой духовной жизни современного общества является рост религиозности населения всех возрастных групп, возрождение православия, восстановление и постройка храмов. Возрождение религиозной жизни в Быстроистокском районе началось с восстановления православной общины верующих еще в конце 1980-х гг. Инициатором стала В. Г. Моховикова (1928 г. р.). Первоначально верующие собирались в молитвенном доме. Затем, при финансовой поддержке актера В. Золотухина, началось строительство храма в с. Быстрый Исток. В начале 1990-х гг. первый священник Быстроистокской церкви отец Евгений заложил фундамент новой церкви. В настоящее время священником Быстроистокской Покровской церкви является о. Димитрий (Миронов Д., 1978 г. р.). Отец Димитрий старается привлечь население к участию в религиозной жизни. Анализ анкетного материала показал, что большинство жителей с. Быстрый Исток и близлежащих сел в возрасте от 50 до 80 лет называют себя верующими: стараются ходить в церковь, посещают святые места, отмечают православные праздники [1].

Серьезную угрозу для православной религиозной жизни сельского населения составляют современные секты, в деятельность которых вовлекается в первую очередь молодежь. Подобная тенденция не является неожиданной. После того, как в течение советского периода несколько поколений были оторваны от своих традиционных религиозных корней, обращение к религии в условиях утвердившейся в начале 90-х гг. ХХ в. религиозной свободы связано с потерей культурных ориентиров [7]. Так, например, один из священников Быстроистокской церкви о. Борис принадлежал к сектантам, «сбил с пути» нескольких активных православных верующих, образовал в селе сектантскую общину [4].

Подводя итоги, можно сказать, что в Быстроистокском районе в советский период религиозная жизнь не замерла. Близость действующей (в течение почти всего советского периода) церкви г. Бийска позволяла сохранить в Быстроистокском районе православные традиции в большей степени. Сохранению православных традиций способствовала и деятельность народных служителей. Для современного этапа характерен обратный, по сравнению с советским периодом, процесс – восстановление общин верующих и церковных организаций, повышение уровня религиозности, появление местных святынь и центров православной

жизни. Тем не менее возрождению традиционной православной религиозности препятствуют различные факторы, одним из которых является деятельность тоталитарных сект.

Источники и литература

1. Архив ЛИК БГПУ (сектор устной истории и этнографии). Ф. 1. Оп. 2. Полевая документация (материалы анкетирования 2007 г.).
2. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2007 г. Быстроистокский район, с. Быстрый Исток. Аборнева З. Д., 1937 г. р.
3. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2007 г. Быстроистокский район, с. Быстрый Исток. Мурашкина З. И., 1935 г. р.
4. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2007 г. Быстроистокский район, с. Быстрый Исток. Ловейко Г. А., 1951 г. р.
5. Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск: Томск. гос. ун-т, 2003.
6. Список православных церквей Алтайского края, закрытых по постановлению Западно-Сибирского крайкома в 1931–1937 годах // Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае. 1917–1998. / Отв. сост. Н. И. Разгон. Барнаул: УДАК, 1999. С. 96–104.
7. Ушакова Ю. Атипичная религиозность в постсоветской России. Русский журнал. Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru> (декабрь 2005 г.).

Т. К. Щеглова

Этнографические исследования в Алтайском крае: история и современность

Население Алтайского края как предмет исследования всегда привлекало этнографов. Связано это с рядом исторических факторов. Во-первых, территория Алтайского края как Колывано-Воскресенского (с 1834 г. Алтайского) горного округа позже других территорий Сибири (вторая четверть XVIII в.) вошла в состав Российской империи. Поэтому она осваивалась в XVIII в. такими этнокультурными группами, как сибирские старожилы с северорусскими культурными традициями. Прикрытием от воинственных кочевых народов являлась формирующаяся оборонительная линия с казачьим населением. На этом этапе важную роль в формировании горнозаводских управленцев играли немцы, они составляли значительный процент среди горных инженеров и офицеров. Во-вторых, в силу особого (кабинетского) статуса территории Алтайского горного округа (добыча серебра, золота, дорогих камней) являлась закрытой до середины XIX в. от ссылки и каторги и в том числе поэтому была привлекательна для беглых и притесняемых, основную массу которых составляли староверы разных согласий. Именно они заселяли горную и таежную зоны Алтайского округа. В-третьих, важным этапом в

формировании этнокультурного состава населения стало открытие территории Алтайского округа в 1865 г. и массовые переселения крестьян из европейской части Российской империи – не только из великорусских черноземных губерний, но и из поволжских немецких районов, левобережной Украины, Белоруссии, Прибалтики и других полигэтнических территорий. Этнические переселенцы заселили прежде всего пустующие западные степные пространства Алтайского края (Кулунду и другие степи) и основали сеть этнических хуторов (литовских, эстонских) на северо-востоке и востоке округа. В результате этих исторических процессов население Алтайского округа оказалось пестрой историко-культурной мозаикой, что делает его привлекательным для этнографических исследований. Наконец, как известно, крестьянское население длительное время являлось хранителем этнических традиций. Поэтому сохранение аграрного профиля Алтайского края и в советское и постсоветское время являлось еще одним важным аргументом в привлекательности населения Алтайского края как объекта для этнографических исследований.

Важнейшим фактором на протяжении всей истории, включая и современность, являлось пограничное (фронтальное) положение Алтайского края. Алтайское побережье было территорией сезонных кочевий и скотоводческих угодий тюркского населения, в первую очередь казахов, дисперсно осевших вдоль всей казачьей линии (Петропавловский, Усть-Калманский, Чарышский и другие районы), обеспечивая служилых казаков лошадьми. Значительная часть казахских кочевников-скотоводов осела в пригодных для выпасного скотоводства западных районах, пограничных с современным Казахстаном (Кулундинский, Славгородский, Михайловский, Угловский, Волчинский и др.). Коренное (алтайское) население также сохранило до наших дней следы прошлого расселения в виде телеутских поселений Кытмановского и Заринского районов и кумандинцев (Бийский и Красногорский районы) [15].

Несмотря на благоприятные условия для развития этнографии, на протяжении XVIII–XX вв. в Алтайском крае отсутствовали научные этнографические центры и профессиональная подготовка этнографов. Даже в советское время, когда в Новосибирской области на базе Сибирского отделения РАН открылся Институт археологии и этнографии (И. Н. Гемуев, Л. М. Русакова, А. А. Люцидарская, А. В. Бауло, Н. А. Миненко, М. М. Громыко, Ф. Ф. Болонев и др.); в Омске и Омской области – его филиал с научной школой д-ра ист. наук, проф. Н. А. Томилова (Т. Н. Золотова, М. А. Жигунова, С. Н. Корусенко, Т. Б. Смирнова, М. Л. Бережнова), в Томской области центром этнографических исследований с XIX в. являлся ТГУ (Д. Н. Беликов, Г. И. Пелих, Э. Л. Львова, В. М. Кулемзин,

О. Н. Рындиной и др.), в Алтайском крае научных этнографических центров не существовало.

Однако начало фольклорно-этнографической исследовательской и собирательской работы на Алтае приходится еще на 1830-е гг. Хронологически оно совпало со становлением российской этнографии как науки, оформление которой положило создание этнографического комитета при Императорском географическом обществе в 1845 г. и было связано с именем Н. И. Надеждина. Основное внимание на начальном этапе развития этнографии уделялось фольклору и устному народному творчеству. На территории Алтайского горного округа фольклорно-этнографические исследования проходили в русле краеведческой работы и связаны с именем Степана Ивановича Гуляева – собирателя древней старины и архивных документов. Его можно назвать первым «домашним» исследователем Алтая, историком, этнографом, фольклористом. Он всю жизнь собирал народные песни, былины, сказки, открыл талант сказителя из с. Ерестного (под Барнаулом) Леонтия Тупицына, записал у него более 20 былин. Дом Гуляева был своего рода клубом местной творческой интелигенции, любителей старины, заезжих ученых и путешественников. Материалы С. И. Гуляева были представлены на страницах столичных журналов «Отечественные записки», «Санкт-Петербургские ведомости». Его работа «Алтайские каменищики» [1] является первой публикацией, знакомящей научный мир с одной из групп старообрядцев. В работе «Этнографические очерки Южной Сибири» (1848 г.) [16] С. И. Гуляев, помимо описания костюмов, текстов заговоров, впервые представил комплексное фольклорное и этнографическое описание свадебного обряда. Он стал первым этнографом старожильческого населения Алтая, оставив после себя замечательный архив.

К этому же времени относится деятельность первого этнографа алтайцев А. М. Горохова. Еще ранее этнографическим изучением алтайцев занимался Г. И. Спасский, служащий Колывано-Воскресенского округа с 1801 по 1831 гг. С 1860 г. изучением языков и мифологии алтайцев занимался во время службы в штате Колывано-Воскресенских заводов В. В. Радлов. Продолжили накопление этнографического материала уроженцы Сибири Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин. Их посещения Алтая были спорадическими, а материалы носили характер путевых заметок и воспоминаний. Однако они внесли определенный вклад в накопление источникового материала по культуре и быту населения Алтайского края, так же как и другие сибирские и российские исследователи и путешественники: А. В. Андрианов, В. В. Вербицкий, А. М. Головачев, Д. М. Головачев, Г. Е. Катанаев.

Новый этап в формировании собственных исследовательских сил в области этнографических исследований начался в последней четверти XIX в., когда совпали два фактора. С одной стороны, в результате массовых переселений усложнился этнический состав населения Алтайского региона. По переписи 1897 г. в Алтайском округе основную массу населения составляли русские – 1 443 753 чел., затем украинцы – 7 980 чел., коренные тюрки – 63 455 чел., казахи – 20 211 чел., мордва – 11 044 и др. В Барнауле были учтены татары (134 человека), зыряне (290 чел.), казахи (198 чел.), мордва (187), поляки (61), другие этнические горожане. Одновременно происходила консолидация крестьянского населения по двум культурно-правовым группам – старожилы и переселенцы, и дифференциация внутри них по этническим и этнографическим группам. С другой стороны, в Барнауле из административных ссыльных формировался слой образованных интеллектуалов, обладавших творческой энергией и жаждой исследований. Именно в их среде сформировалось краеведческое интеллектуальное движение, способствующее образованию нескольких научно-просветительских обществ. В 1884 г. В. К. Штильке основал Общество попечения о начальном образовании. В 1891 г. возникло Общество любителей исследования Алтая. Среди его членов были известные исследователи крестьянского населения И. Е. Овсянкин, С. П. Швецов, М. В. Швецова, П. М. Юхнев, Н. Т. Шерстобоев и др. С ними сотрудничал исследователь крестьянского мира А. А. Кауфман. Они основали знаменитое периодическое издание «Алтайский сборник». С помощью его членов с 1894 г. начало формироваться статистическое бюро при начальном участии Н. М. Ядринцева [14]. С 1895 г. его возглавил Д. И. Зверев, участвовавший в обследовании крестьян Бийского округа с последующим изданием 4 томов «Материалов по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде». В 1904 г. открылся алтайский отдел Русского географического общества. В том числе на его средства совершил в 1910–1912 г. этнографические поездки в Рудный Алтай Г. Д. Гребенников. Благодаря деятельности членов этих научно-просветительских сообществ продолжился этап накопления этнографического источникового материала и первичного обобщения полевых и статистических исследований. Именно эта плеяда исследователей впервые заметила, зафиксировала и описала формирование двух групп сельского населения – старожилов и переселенцев.

Ряд исследователей сфокусировал свое внимание на отличиях старожилов-сибиряков, в связи с чем они занялись наблюдением старообрядческого и горнозаводского населения. В частности по заданию РГО Мария Васильевна Швецова (Лаврова) описывает старожильческие этно-

группы риддерских бергалов и староверов-поляков. Результатом стало появление фольклорно-этнографических работ «Из поездки в Риддерский край» [13] и „Поляки“ Змеиногорского округа» [12]. Появился первый фольклорно-этнографический материал о традициях казаков Бийской линии на рубеже XIX–XX вв. Это публикации Н. М. Зобнина «Казачьи песни» [6] и В. Плотникова «Песни казаков сибирского казачьего войска» [10], они позволили сохранить материал о репертуаре данной старожильческой этнокультурной группы. Другая часть исследователей занялась изучением переселенческого населения. Очень богатый этнографический материал содержат материалы предпринятого главным управлением Алтайского округа в 1897 г. экономико-статистического обследования населения Алтая для упорядочения землепользования и выделения переселенческих участков. В этом обследовании приняли участие и сотрудники статистического бюро, и активные общественные деятели, члены Общества любителей исследования Алтая С. П. Швецов, П. М. Юхнев, Н. Т. Шерстобоев, Д. И. Зверев.

На следующем этапе развития собственных этнографических исследований традиции собирательской деятельности продолжили краеведы 1920–1930-х гг. В золотое десятилетие краеведения (1918–1928 гг.), которое по инерции продлилось до начала «большого террора» (1937 г.), продолжалось накопление источникового «сырья» и появились первые описательные проекты. Работа велась по-прежнему в русле фольклорно-этнографических исследований, но в новых послереволюционных политических условиях, когда, например, усилилось внимание к такой социальной группе, как рабочий класс. На этом этапе, наряду с деятельностью известных российских этнографов Б. Э. Петри, С. И. Руденко, Ф. А. Фиельструпа, в том числе благодаря деятельности отделения Русского географического общества, большую роль в сборе фольклора на Алтае сыграли местные периодические издания, музеи, учреждения образования, которые объединяли вокруг себя разрозненные исследовательские силы.

Одним из новых направлений в этнографических исследованиях стало изучение рабочего фольклора. Активное собирание материалов начинается с 1923–1925 гг. Ведущим исследователем Сибири являлся М. К. Азадовский, который изучал старые приисковые песни, особый интерес представлял для него Алтай и песни змеиногорских рудничных рабочих. Для Алтайского края в сборе рабочего фольклора большую роль сыграл А. А. Мисюрев, опубликовавший работу «Легенды и были» [9], в которой представлены приисковые песни и сказы рабочих Алтайского округа.

Большое внимание в этот период исследователи стали уделять малочисленным коренным народам и крупным этническим социумам. В зна-

чительной степени это было связано с гиперболизированной национальной политикой государства. Идеологическая политика строилась на поддержке эксплуатируемых и обездоленных в имперской России социальных групп. К ним относились не только трудящиеся (рабочие и крестьяне), солдаты и матросы. Эмансипация распространялась на группы населения и по этническому принципу (этногруппы, которые были объявлены жертвами «великорусского шовинизма»), и по половому признаку (эмансипация женщин). Поэтому на эти годы приходится «конструирование» народов СССР. Ярким примером является не только конструирование узбекского этноса, но и поддержка государством научных программ и учреждений по изучению народов СССР как в союзных республиках, так и в РСФСР. Большую роль в исследовании коренного населения Алтая этого времени сыграл А. В. Анохин. В условиях начавшейся индустриализации, повлекшей за собой значительные изменения в быту городского и сельского населения, усилилось внимание к материальным компонентам традиционной крестьянской культуры [3]. На этом этапе, как и в предшествующий период, работы по этнографии носили в основном описательный характер, авторы обычно фиксировали отдельные факты или этнографические явления. Целенаправленных этнографических исследований было немного. Такая ситуация сохранялась вплоть до 1950-х гг.

В 1950–1970-е гг. население Алтайского края стало предметом академических исследований. Сформировавшаяся советская академическая этнография, идя вслед за официальной национальной политикой, основное внимание уделяла изучению коренных народов и народов Сибири. Изучение тюркских народов Алтая велось научными силами этнографов Москвы, Санкт-Петербурга. Наибольший вклад в изучение алтайцев внес Л. П. Потапов. Русскому населению уделялось меньше внимания. Оно изучалось в 1960–1970-е гг. через одно из направлений работы РАН – комплексные исследования крупных регионов. В частности, в эти годы силами столичных этнографов происходило становление этнографического сибиреведения. Именно в его русле через крестьяноведение и изучалось русское население Сибири. Среди академических этнографов большой вклад в изучение русских Сибири внесли Е. А. Ащепков, В. А. Александров, А. Ф. Сафьянова, А. А. Лебедева и другие российские этнографы [17]. Так, в 1950-е гг. архитектор Е. А. Ащепков изучил на всей территории Западной Сибири постройки дореволюционного времени, показал типы русского жилища, его конструктивные и художественные особенности и выявил историко-этнические корни планировочной структуры [2]. Изучением одежды населения Сибири и Алтая в этот период занималась А. А. Лебедева.

В это же время возникли региональные академические центры – отделения РАН. Для становления и развития региональных этнографических исследований большое значение имело создание Сибирского отделения Российской академии наук и открытие Института археологии и этнографии. Русское (крестьянское) население Алтайского края так или иначе находилось в сфере интересов Мариной Михайловны Громыко, Лидии Михайловны Русаковой, Нины Адамовны Миненко и др. В частности, Н. А. Миненко обратилась к детальному изучению жизни и деятельности сибирской крестьянской семьи в XVIII – первой половине XIX в. [8], а М. М. Громыко – трудовых традиций русских крестьян [5].

Наконец, продолжением академических комплексных исследований в 1970–1980-е гг. стало изучение населения административных регионов. В эти годы архивными и полевыми изысканиями на территории Алтайского края занималась сотрудник Института этнологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Виктория Анатольевна Липинская. Она внесла большой вклад в этнографическое изучение населения Алтайского края, опубликовала множество статей с обобщением полевых исследований, рассмотрела с точки зрения последовательности заселения и мест выхода переселенцев локальные варианты материальной культуры (поселения, жилища, одежду, пищу). Конечными результатами ее работы стали две монографии [7].

Что касалось собственных этнографических исследований на территории Алтайского края, то они в 1950–1980-е гг., в условиях отсутствия региональных научных центров и научных школ по-прежнему проходили в рамках массового краеведения – вузовского, школьного, общественного. Например, проводились школьные походы, в которых собирался этнографический материал, создавались этнографические экспозиции в школьных музеях и комнатах. Значительный вклад в накопление этнографического материала внесла музейная этнография. Как известно, начало формирования первой этнографической коллекции было связано с именем П. К. Фролова – основателя первого в крае Барнаульского, а сейчас Алтайского государственного краеведческого музея. В 1960 г. сотрудники музея начинают регулярные выезды в районы края для сбора материала, с середины 1970-х гг. музей организует комплексные экспедиции с участием Элеоноры Марковны Медниковой, Тамары Ивановны Вараксиной, Ольги Викторовны Падалкиной, Ирины Васильевны Поповой, Константина Никифоровича Метельницкого. В целом сбор материала проводился по темам крестьянской культуры: орудия земледелия и скотоводства, инструменты ткацкого промысла и образцы ткачества, предметы внутренней обстановки крестьянского жилища, до-

машняя утварь, одежда, предметы культуры. В ходе целенаправленного поиска в АГКМ формировались коллекции атрибутов культуры старожильческого и переселенческого населения Алтая конца XIX – начала XX вв. В 1968–1978 гг. благодаря деятельности Ларисы Ивановны Снитко, Инны Константиновны Галкиной, Нины Прокопьевны Гончарик и других сотрудников формируются этнографические коллекции в фондах Государственного художественного музея Алтайского края (ГХМАК). Среди первых материалов музейных экспедиций под руководством Л. И. Снитко особый интерес представляли экспонаты народной росписи по дереву, русского узорного ткачества, вышивки старообрядцев Южного Алтая начала XX в. и др.

С середины XX в. центром региональных исторических исследований стал Барнаульский государственный педагогический институт. Он был основан в 1933 г., являлся первым высшим учебным заведением Алтайского края. В целом развитие системы высшего образования на Алтае, как и в большинстве регионов СССР, начиналось с учительских и затем педагогических институтов. Они же становились кузницами периферийных региональных научных сил. В стенах БГПУ получили образование и путевки в жизнь многие современные научные деятели, среди них д-р ист. наук В. А. Скубневский, д-р ист. наук В. Н. Разгон. Именно на базе БГПИ сформировалась первая научная археологическая школа под руководством д-ра ист. наук А. П. Уманского, который с 1951 г. стал проводить самостоятельные ежегодные археологические экспедиции и археологические разведки, тесно работая с 1949 г. с такими академиками, как М. И. Грязнов, А. П. Окладников и др. Традиция экспедиционных исследований в педагогическом вузе не прерывается до наших дней. А с 1976 г. в БГПИ в рамках историко-краеведческих экспедиций под руководством канд. ист. наук А. Д. Сергеева, наряду с изучением наследия первооткрывателей и путешественников и остатков горнозаводского производства (заводов и рудников Колывано-Воскресенского горного округа), началось изучение деревни Алтайского края силами студенческого кружка «Роза ветров». А. Д. Сергеев долгое время стоял, наряду с другими исследователями, во главе краеведческого движения Алтайского края. Благодаря краеведческому содружеству он получал финансовую поддержку для экспедиционных исследований от таких краеведческих общественных организаций, как Алтайское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Географическое общество СССР и др.

С 1976 г. А. Д. Сергеевым были проведены более 10 студенческих историко-краеведческих экспедиций исторического факультета БГПИ: июль

1976 г. – Третьяковский р-н, г. Змеиногорск; июль 1977 г. – Ельцовский р-н; июль 1978 г. – р. п. Сузун Новосибирской области; июль 1979 г. – Сорокинский, Кытмановский, Тогульский, Ельцовский р-ны; июль 1980 г. – Локтевский р-н; июль 1980 г. – Топчихинский р-н; июль 1982 г. – Сорокинский (Заринский) р-н; июль 1984 г. – с. Томское Кемеровской области; июль 1985 г. – Локтевский р-н; июль 1986 г. – Локтевский р-н, 1990 г. – Солонешенский р-н. Задачи экспедиций определялись как интересами самого руководителя, так и потребностями краеведческого движения, которое в 1960–1970-е гг. после разгрома 1930-х гг. возродилось на основе советской социалистической программы образования и воспитания, в том числе по изучению деревни. Об этом говорят цели экспедиций, которые, незначительно варьируясь, повторялись из года в год: 1) изучение остатков горнозаводского производства; 2) описание объекта историко-краеведческого изучения – современного села и колхоза; 3) прохождение практики по организации встреч, бесед и записей воспоминаний старожилов, передовиков производства; 4) изучение памятников истории. В этом перечне особую роль в развитии исследовательских этнографических навыков будущих учителей играли вторая и особенно третья задача – развитие навыков интервьюирования (опроса) носителей крестьянского мировоззрения. При ее реализации отрабатывались технология, методы, пути, направления краеведческого движения по изучению деревенской старины. Важным также являлось уже то, что объектом изучения стала деревня. Но внимание, в отличие от изучения краеведами деревни в 1920-е гг., обращалось прежде всего на социалистические социально-политические преобразования в деревне и успехи колхозно-совхозного строительства. Вместе с тем, следуя традициям краеведческого движения конца XIX – первой трети XX в., А. Д. Сергеев привлекал студентов к сбору остатков старины и заложил основу этнографических коллекций историко-краеведческого музея БГПУ.

Новый этап в этнографических исследованиях Алтайского края начался в 1990-е гг. Он был обусловлен новыми социально-экономическими и политическими условиями и факторами. Среди них важнейшими стали этнические миграции, новые тенденции в этнодемографическом развитии и, как следствие, рост национального самосознания, формирование национально-культурных автономий и активизация научного и общественного краеведения. Решение проблем этнического многообразия и его роли в формировании гражданского общества также стало приоритетными задачами для региональных властей. Перепись 2002 г. показала, что на территории Алтайского края проживают представители более 140 этносов, созданы и зарегистрированы около 40 националь-

но-культурных общественных объединений, свыше 250 религиозных организаций, представляющих более 20 конфессий. При доминировании русского населения (92%) наиболее многочисленными народами являются немцы – 3%, украинцы – 2%, казахи – 0,4%, белорусы – 0,3%, армяне – 0,3%, татары – 0,3%, мордва – 0,2%, азербайджанцы – 0,2%. При этом, как показывает сравнение материалов переписей 1989 и 2002 гг. в этническом составе населения складываются новые тенденции. В частности, традиционно многочисленные иноэтносы, длительно проживающие на Алтае, такие как немцы, украинцы, мордва, белорусы, численно уменьшаются, растет численность народов Центральной Азии и Кавказа. За период между двумя переписями сформировались диаспоры армян, которые в полигэтническом секторе стали занимать 8%, азербайджанцев (5%), узбеков (2%). Это ставит новые задачи и перед региональными властями, региональным сообществом и региональной наукой.

Ответом на вызов современности стало, с одной стороны, формирование центров полевых этнографических изысканий и интенсивное накопление этнографических источников. В начале 1990-х гг. в Барнауле образован Центр фольклора и народных ремесел, превратившийся под руководством Л. И. Клоковой в отдел традиционной русской культуры ГХМАК (с 1994 по 2006 гг. он назывался отделом реконструкции и реставрации традиционной русской культуры). С момента открытия Центра из его сотрудников образовался фольклорный ансамбль «Беловодье», репертуар которого был полностью основан на материалах экспедиций. Ведущие сотрудники Центра являются практикующими специалистами в сфере народных ремесел и духовной этнической культуры русского населения Алтайского края, среди них В. И. Мотузная (Бодрова), М. В. Дубровская, Л. В. Живова, И. В. Куприянова, Л. В. Корникова, Н. Г. Паньшина, Т. А. Боровцова. Большую работу по сбору и популяризации этнографического материала, особенно фольклора и духовной литературы проводит в краевом колледже культуры М. Н. Сигарева. Активизировались этнографические исследования в АГКМ, ГМИЛИКА.

С другой стороны, впервые на Алтае стали формироваться собственные региональные научные этнографические центры и стали готовиться собственные научные силы. Базой этих процессов стала вузовская наука. Большую роль в подготовке собственных научных кадров сыграло открытие в БГПУ аспирантуры по специальности 07-00-07 – этнография, этнология и антропология, в которой прошли подготовку Н. С. Грибанова, М. А. Овчарова (научный руководитель – д-р ист. наук Т. К. Щеглова) и др. В АГУ открыта кафедра археологии, этнографии и источниковедения, для которой под руководством Н. А. Томилова в Омске были подго-

тствлены два профессиональных этнографа – канд. ист. наук Е. А. Бельгибаев и канд. ист. наук И. И. Назаров. В Бийском педуниверситете формируется еще один центр этнографических исследований: в Новосибирске защитила по этнографии диссертацию канд. ист. наук Л. А. Явнова, успешно работает над диссертационным исследованием Е. А. Коляскина (Болотова) (научный руководитель – д-р ист. наук М. А. Демин).

В рамках вузовской науки в Барнаульском педвузе при открывшейся в декабре 1990 г. лаборатории исторического краеведения БГПУ (зав. – д-р ист. наук М. А. Демин), по инициативе Т. К. Щегловой сформирован сектор устной истории и этнографии. Постепенно он, пройдя эволюцию от устной истории к этнографии, стал инициатором объединения региональных научно-исследовательских сил, занимающихся изучением истории и культуры народов Алтайского края (вузов, музеев, культурно-просветительных и образовательных учреждений Алтайского края), а также российских этнографов, занимающихся этнографией населения Алтайского края.

В 1991 г. на историческом факультете кафедрой отечественной истории и лабораторией исторического краеведения были начаты целенаправленные полевые исследования (руководитель – д-р. ист. наук Т. К. Щеглова) по изучению деревни Алтайского края. В основу была положена методика устной истории (*oral history*), т. е. интервьюирование по тематическим вопросникам свидетелей и очевидцев сельской истории, тех или иных исторических событий, процессов, явлений с дословной записью опроса, документированием и архивированием транскрибированного интервью. В соответствии с первой программой «Города и села Алтайского края: историческое наследие» внимание уделялось изучению истории исчезнувших сел, но уже с 1991 г. были разработаны и запущены в полевых и стационарных исследованиях вопросы по так называемым «белым пятнам истории», среди них раскулачивание, репрессии, депортации и т. д. Появились подпрограммы «Депортации и репрессии на Алтае», «Ликвидация неперспективных сел» и т. д.

В дальнейшем программы полевых исследований по устной истории расширялись, и к сегодняшнему дню они охватывают большой диапазон советской и постсоветской истории. В 1992 г. в работу сектора ЛИК и в программы студенческой полевой практики (летние историко-краеведческие экспедиции), проводимой кафедрой отечественной истории были включены этнографические программы по изучению русского населения, с 1993 г. экспедиции Т. К. Щегловой стали называться историко-этнографическими. Всего с 1991 г. ею проведено 18 комплексных историко-этнографических экспедиций, охвачено и изучено 18 районов,

230 сельских администраций, 513 сел: 1991 г. – Павловский район, 1992 г. – Третьяковский, 1993 г. – Смоленский, 1994 г. – Алтайский, 1995 г. – Усть-Калманский, 1996 г. – Тальменский, 1997 г. – Усть Пристанский, 1998 г. – Залесовский, 1999 г. – Заринский, 2000 г. – Мамонтовский, 2001 г. – Кытмановский, 2002 г. – Зональный, 2003 г. – Бийский, 2004 г. – Чарышский, 2005 г. – Шелаболихинский, 2006 г. – Тогульский, 2007 г. – Быстроистокский, 2008 г. – Поспелихинский, а также полтора десятка тематических экспедиций в соответствии с научными интересами магистрантов и аспирантов. В основной научно-практической программе сектора этнографии и устной истории «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» сформировались подпрограммы: «Этнография Алтайского края», «Народы Алтайского края: история и культура», «Этническая мозаика Барнаула».

Все программы строятся в соответствии с комплексным краеведческим подходом и в том числе реализуют задачи формирования источниковской базы (артефакты, фото-, аудио- и видеоархив, устные исторические источники). В историко-краеведческом музее сформирован архив полевых и стационарных исследований. На сегодняшний день в нем находится 2600 интервью: аудиокассеты – 1171 шт. (запись интервью – 1935 часов), цифровой записи – 320 часов, видеозаписи – 18 часов, фотопленок – 317, фотоснимков – 4736, цифровых фотографий – 8280.

Обратной стороной научных программ, реализуемых в высшем учебном заведении педагогического профиля, стали программы по разработке методики этнографической и устноисторической работы в школе и сельских музеях и привлечение школьных учителей, сельских краеведов и музейщиков к этнографическим исследованиям. Эта работа ведется в соответствии с подпрограммами сектора устной истории и этнографии «Музеи Алтайского края», «Краеведческая работа в школе и вузе».

На сегодняшний день сектор этнографии и устной истории является признанным научно-методическим центром с изданием трех серий научной и научно-популярной литературы, которые не только отражают современные наработки в изучении этнографии и этнической истории народов Алтайского края, но и служат материалами для реализации регионального компонента стандартов общего образования и одновременно являются формами презентации исторического, культурного и этнографического наследия Алтайского края. Более академический научный характер имеет серия «Этнография Алтая и сопредельных территорий». Она является публикацией материалов периодических конференций ведущих специалистов в области этнографии не только Алтайского края, но и известных научных центров Сибири, России, Казахстана и

других стран ближнего зарубежья, а также междисциплинарных исследований историков, лингвистов, фольклористов, культурологов, психологов, политологов, социологов и представителей других смежных профессий.

В 1994 г. по инициативе Т. К. Щегловой была проведена первая конференция по этнографии Алтайского края («Этнография Алтайского края»). Основной ее задачей являлось объединение местного научного сообщества и активизация деятельности региональных исследователей по изучению этнографии алтайской деревни. Следующая конференция «Этнография Алтая» (1996 г.) привлекла специалистов в области исследования народов Алтая из научных и музеиных центров Сибири и России. А с 1998 г. конференция под названием «Этнография Алтая и сопредельных территорий» (2001, 2003, 2005, 2008 гг.) расширяет свой формат за счет тематического поля, территориальных рамок исследования, соответственно значительно расширяется круг участников. Наряду с обсуждением проблем народов Алтайского края и сопредельных территорий РФ и Республики Казахстан получают развитие междисциплинарные исследования: этносоциологические, демографические, лингвокультурологические, этнопсихологические и др., традиционно большое место отводится обсуждению проблем музеификации, каталогизации, реконструкции и сохранению памятников традиционной культуры. Итоги конференций освещались в журнале «Этнографическое обозрение» (№ 1, 1995 г.; № 1, 1998 г.; № 4, 1999 г.). На сегодняшний день конференция и публикация ее материалов аккумулируют все исследовательские силы, исследовательские проекты и наработки как на региональном уровне, начиная от музеиных работников и заканчивая краеведами, так и на общероссийском и международном уровне. Эта конференция – единственная региональная конференция в Сибири, проводимая регулярно с периодичностью в 2–3 года, на которой рассматриваются как конкретно-исторические вопросы этнической истории и культуры народов Алтая и сопредельных территорий, так и теоретико-методологические проблемы этнологии с привлечением этнографов, фольклористов, лингвистов, историков, демографов, социологов, психологов, экономистов, политологов.

Вторая серия в большей степени служит цели презентации исторического, культурного и этнографического наследия Алтайского края. Серия «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие» издается в виде очерков по истории и культуре народов сельских регионов Алтайского края на средства районных и сельских администраций, и включает в том числе материалы историко-этнографических экспеди-

ций [4]. Задачами серии, с одной стороны, является регионализация этнографических проблем, введение в научный оборот новых региональных этнографических материалов, описание локальных вариантов общеевропейских и других этнических традиций, мобилизация местных исследовательских сил с презентацией и публикацией собранных ими материалов; с другой стороны, материалы могут использоваться в качестве учебного пособия для реализации регионального компонента образования и служить популяризации этнографии и этнографических исследований в целях гражданского воспитания школьников.

Наконец, третьей серией стало участие в издании «Полевых материалов» [11], начатых в 2004 г. В них сформирован раздел по этнографии и устной истории. Целью этой серии является ежегодное подведение итогов полевого сезона по изучению истории и культуры народов Алтайского края с первичной обработкой экспедиционных материалов. Оперативное информирование научной общественности позволяет консолидировать научные силы, отслеживать новые источники и направления исследований, создавать совместные исследовательские проекты.

Таким образом, развитие этнографических исследований на территории Алтайского края в последние десятилетия привело к становлению собственных научных сил, которые выросли из вузовской науки и краеведческого движения. Они прошли через длительные стадии разработки методики, в том числе инновационных методов исследования традиционной культуры, формирования собственной обширной источниковой базы, научного анализа, интерпретации, презентации и научно-популярной презентации этнографических исследований. Становление и развитие региональных научных этнографических центров происходит в тесных контактах с академическими и научными центрами Сибири и России (Новосибирска, Омска, Томска, Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов и городов). Вместе с тем региональные научные центры не теряют связи с массовым краеведческим движением, привлекая к проблемам этнографии новые силы, возвращая будущих исследователей и воспитывая толерантность и гражданственность.

Источники и литература

1. Гуляев С. И. Алтайские каменщики // С.-Петерб. ведомости. 1845. С. 20–30. С. 89–121.
2. Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950.
3. Бломквист Е. Э., Гринькова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930.
4. Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район) / Отв. ред. С. Д. Сергеев, отв. за вып. Т. К. Щеглова. Павловск, 1993; Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры / Степанская Т. М., Щеглова Т. К. (науч. ред.). Барнаул – Тальменское, 1997; В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры / Науч. ред.

- Т. К. Щеглова. Барнаул-Алтайское, 1998; Нижнее Причарышье. Очерки истории и культуры» / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул – Усть-Пристань, 1999; Павловский район: Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул – Павловск, 2000; Нижнее Причумышье. История и судьбы / Под ред. Г. А. Кубриной, Т. К. Щегловой и др. Барнаул, 2001; Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул: Управление архив. отд. администрации Алтайского края, 2003; Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004; Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. материлов / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004; Бийский район: история и современность / Отв. ред. Т. К. Щеглова. В 2 т. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002.
5. Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1975.
6. Зобнин Ф. Казачьи песни // Записки Семипалатинского подотдела ЗСО РГО. Семипалатинск, 1903. Вып. I.
7. Липинская В. А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1987; Она же. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М., 1996.
8. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979.
9. Мисюров А. Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири. Новосибирск: Обл. гос. изд-во. 1940.
10. Плотников В. Песни казаков Сибирского казачьего войска // Записки Семипалатинского подотдела ЗСО РГО. Семипалатинск, 1905. Вып. II. Семипалатинск, 1909. Вып. IV.
11. Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г.: материалы регион. науч.-практ. конф., 9–11 дек. 2004 г. / БГПУ, Лаб. ист. краеведения; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2005; Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история). 2005 г.: материалы 2-й регион. науч.-практ. конф., 1–2 дек. 2005 г. / БГПУ, Лаб. ист. краеведения; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2006. Вып. 2.; Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история), 2006 г.: материалы 3-й регион. науч.-практ. конф., 6–8 дек. 2006 г. / БГПУ; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2007. Вып. 3.
12. Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки ЗСО РГО. Т. XXVI. Омск, 1891.
13. Швецова М. В. Из поездки в Риддерский край // Записки ЗСОРГО. 1898. Кн. 25.
14. Щеглова Т. К. 100 лет со времени организации статистического бюро при управлении Алтайского округа // Страницы истории Алтая. 1994 год: библиогр. указ. / АКУНБ им. В. Я. Шишкова; [сост.: М. Л. Борцова, В. П. Колбунова]. Барнаул, 1993. С. 121–127.
15. Щеглова Т. К. Телеутское население Нижнего и Среднего Причумышья Алтайского края по устным историческим источникам 1996–2002 гг: идентификация и интерпретация // Центральная Азия и Сибирь: первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда, 14 мая 2003 г. Барнаул, 2003. С. 258–268. Изд. на др. носителе. Режим доступа: <<http://new.hist.asu.ru/biblio/zalk/258-267.pdf>>, свободный (28.04.2008).

16. Гуляев С. И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. 1848. Т. 90, отд. 3. С. 1–47.
17. Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в. М.: Наука, 1981.

А. В. Юсупова

**Предварительные результаты этнографических исследований
вmonoэтническом татарском селе Беленькое Угловского района
Алтайского края**

Алтайский край на сегодняшний день является многонациональным регионом. На территории края проживают представители славянских и неславянских народностей, причем доля последних активно возрастает. В связи с этим на территории края возникают сложные этнические процессы: ассимиляция, консолидация, рост самосознания, самоидентификация малых народов. С середины 1990-х гг. в Алтайском крае начинается процесс создания национально культурных центров и автономий, к 2007 г. в г. Барнауле зарегистрирована 21 национально-культурная автономия, в Алтайском крае – 16.

На сегодняшний день татары являются вторым по численности народом Российской Федерации. Татарское население Алтайского края формировалось с середины XIX в. в течение XX в. в результате переселений различных групп из европейской части России и Сибири. По переписи 1989 г. численность татар на Алтае составляла 8 078 чел., а по переписи 2002 г. – 8 889 чел. [1] Они расселены во всех районах Алтайского края, наибольшая численность отмечается в Угловском (460), Кулундинском (364), Михайловском (239), Тальменском (143) районах [1].

С 19 по 25 ноября 2007 г. на территории Угловского района Алтайского края проходила тематическая экспедиция магистрантов 1-го курса по изучению этнокультурного облика района. Этот район был выбран для исследования в связи с полигэтничностью его населения, а также с наличием сел с monoэтническим казахским и татарским населением. Целью экспедиции было этнокультурное обследование сел с казахским и татарским населением, выявление уровня сохранности традиционной культуры этих этнических групп. Маршрут экспедиции включал проезд от г. Барнаула до с. Угловское, а также от райцентра до monoэтнических сел.

В ходе экспедиции было обследовано татарское село Беленькое, расположеннное на южной окраине района, примерно в 20 км от русско-казахстанской границы. По «Списку населенных пунктов Алтайского края» Ю. С. Булыгина, с. Беленькое образовалось в 1857 г., а по сведениям информаторов, проживающих в селе в наши дни, – в 1861–1862 гг. Первоначально село образовалось в 10 км от современного на берегу не-

большого озера Беленькое. Основано оно было казанскими и тюменскими татарами [2]. Свое первое название «Букур» село получило по окружающей местности: холмы по-татарски «букур» [2]. До начала XX в. село имело однородный этнический состав, его жителями были в основном переселенцы из поволжских губерний (казанские татары, а также татары-мишари), что, в свою очередь, значительно повлияло на архитектурный облик села.

Современное село Беленькое образовалось после обширного наводнения на оз. Беленькое в 1927 г. Население с. Букур, спасаясь от наводнения, переселилось на другое место. Новое село назвали Беленьким по названию озера. До сих пор на месте старого села находят предметы быта, орудия труда и другие предметы, которые легли в основу сельского музея, образованного при школе.

Исследования в среде татарского населения проводились в ходе устного опроса и анкетирования жителей с. Беленькое. Опрос строился на основе вопросника по истории и культуре семьи, состоящего из блока вопросов, касающихся национальной одежды, пищи, праздников, внутрисемейных отношений, а также ряда вопросов по истории рода. В ходе экспедиции было опрошены представители казанских и сибирских татар, татары-мишари. Были получены сведения о материальной культуре беленьких татар (национальная женская и мужская одежда, традиционная пища, традиционные праздники и занятия татар).

Наряду с опросами жителей села проводилось их анкетирование по двум направлениям: традиционная культура татарского населения и этническое самосознание татар. Первая анкета состояла из вопросов на идентификацию анкетируемого, разделов, посвященных традиционным праздникам, народным традициям и обычаям, пище, как праздничной, так и повседневной; национальной одежде. Большинство респондентов идентифицируют себя с татарами (80%), казанскими татарами (40%), причем в одной из анкет были указаны «беленькие», или, как говорят в деревне, «букурские» татары. Основными этнодифференциирующими признаками были названы: язык – 100%, культура, обычай; религия – 80%, характер, внешний облик, историческое прошлое – 20%. Свободно владеют родным языком 80% опрошенных, умеют писать 40%, читать – 60%, владеют на бытовом уровне 20%. При ответе на вопрос о чувствах, которые люди испытывают, осознавая себя татарами, 40% ответили «гордость», 40% проигнорировали этот вопрос и 20% отметили «чувство национального меньшинства».

В качестве основных традиционных праздников были названы Сабантуй (90%), Новый год (90%), Гаит (50%). Практически все респонденты ука-

зывают эти праздники в качестве традиционных, отмечавшихся их родителями и предками. Главным религиозным праздником были и остаются Курбан-Байрам, Ураза-Байрам (практически 100%), в качестве религиозного праздника указывается также Гайт (60%). «Ураза, Курбан – два праздника у нас. Ураза – это ни воду не пьешь, а ночью можешь кушать, а днем нет, ничего не кушать. Пост – это Ураза, 1 месяц. Каждый год меняется, в разные месяцы бывает, на 2 месяца 10 дней сдвигается, 70 дней получается (лунный календарь). Отмечаем завершение поста» [3].

На религиозные и традиционные праздники до сих пор готовят такие блюда, как бэлэш (100%), чак-чак (60%), токмач, костыбый (20%), были указаны также кулдама, пироги из тыквы и калины. «Кулдама – блюдо для дорогого гостя. Тесто как ракушки получается, тесто пресное, мясо отваришь, нарежешь мелко, и вместе. Маленькие кусочки мяса и теста. Отщипываешь тесто, вот так рукой сделаешь, оно маленькое получается, как ракушка маленькая. Мясо отдельно варишь, и тесто отдельно варишь как рожки, и потом смешиваешь...» [4]. Подают его в горячем виде.

Повседневная пища состоит в основном из супов (80%), каши, лапши (20%), а также жареного картофеля, мант, котлет.

Исследования, проведенные в с. Беленькое Угловского района, позволяют говорить о достаточно высокой степени сохранности традиционной культуры татарского населения в сельской местности по сравнению с материалами городских стационарных исследований.

Источники и литература

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2005. Т. 4. 450 с.
2. Архив ЛИК БГПУ Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2007 г. Угловский район, с. Беленькое. Себитова Минкабану Ахметовна 1936 г. р. Кассета № 5.
3. Архив ЛИК БГПУ Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2007 г. Угловский район, с. Беленькое. Хайруллин Асхадулла Тухватович, 1929 г. р. Кассета № 4.
4. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2007 г. Угловский район, с. Беленькое. Хайруллина Надежда Владимировна, 1971 г. р. Кассета № 4.

А. В. Юсупова

**Этнический состав села Быстрый Исток: история и современность
(по материалам анкетирования населения и похозяйственным книгам села)**

В ходе ИЭЭ 2007 г. в Быстроистокский район был собран материал по этническому облику с. Быстрый Исток. Сбор материала вёлся посредством интервью с представителями разных национальностей, заполнения анкет по национальному самосознанию, а также обработки похозяйственных книг села. В работе использовались анкеты общего типа, включающие указание сведений о себе, о национальности (своей, предков),

этнодифференцирующих и этнокосолидирующих признаков, традиций и обрядов, а также информации о праздничной культуре.

В администрации с. Быстрый Исток хранятся похозяйственные книги села с 1946 по 2007 гг., которые являются важным источником для изучения этнической истории села. В похозяйственных книгах содержится описание отдельных дворов/хозяйств по улицам села, в описание дворов включены сведения о главе хозяйства, членах семьи, их образовании, гражданстве, национальной принадлежности, месте работы. Отдельные графы касаются непосредственно домашнего хозяйства.

По результатам Всероссийской переписи населения 2002 г., на территории района проживают немцы – 204 чел. (1,6% от общего числа жителей района); украинцы – 107 чел. (0,8%); азербайджанцы – 30 чел. (0,23%); армяне – 28 чел. (0,22%); белорусы – 25 чел. (0,20%); татары – 21 чел. (0,16%); удмурты – 19 чел. (0,15%) [1]. В ходе работы с похозяйственными книгами мы указывали временной период, количество дворов, национальность жителей и т. д.

В 1940-е гг. этнический состав населения с. Быстрый Исток был более пестрым. Численно преобладали русские (около 1,5 тыс. дворов) – 3 тыс. чел., второе место занимали украинцы и белорусы – 50 дворов. Кроме того, в 1940-е гг. в селе проживали поляки, эстонцы, удмурты, латыши, калмыки, карелы с общим количеством дворов около 10 [2]. К середине 1950-х гг. этническая картина села незначительно изменилась. Численно по-прежнему преобладали русские, за ними шли украинцы, белорусы, а к немногочисленным народам села добавились гагаузы, чуваши, молдаване, венгры и болгары. Последних было всего 15 дворов [3]. Увеличилось количество дворов калмыков, эстонцев, немцев. Возможно, эти процессы были связаны как с внешним движением населения в период освоения целинных и залежных земель, так и с внутренними миграциями.

1960–1980-е гг. характеризуются достаточно стабильным национальным составом села. К этому времени в селе, по данным похозяйственных книг, не осталось калмыков, гагаузов, венгров, болгар [4], что, по-видимому, связано с возвращением представителей этих народов на места исконного проживания после реабилитации 1956 г.

Значительные изменения в национальном составе села отмечены в период с конца 1980-х гг. и на всем протяжении 1990-х гг. В похозяйственных книгах появляются представители народов, которых ранее не было в селе, среди них азербайджанцы, армяне, цыгане, грузины, алтайцы. В общей совокупности это около 20 дворов, но семьи достаточно велики (по сравнению с русскими семьями, в которых на протяжении

1940–2000-х гг. количество членов семьи составляло 3 чел. – родители и один ребенок) – в среднем около 5 чел. [5, 6]. На наш взгляд, такие изменения связаны с процессами распада СССР, установлением новых внутриполитических и международных отношений на постсоветском пространстве. В это время происходит переселение народов как из стран Центральной Азии в Россию, так и из России в азиатские страны. Такой национальный состав села сохраняется до настоящего времени.

В настоящее время из общего числа жителей с. Быстрый Исток (4070 чел.) представители различных нерусских национальностей составляют чуть больше 1,5%. Это приблизительная цифра получена подсчетом дворов по похозяйственным книгам села. Подворовые описи производятся примерно один раз в год и зачастую не успевают отразить миграционные процессы в селе. На сегодняшний день по похозяйственным книгам в с. Быстрый Исток выявлено 49 представителей различных национальностей. Из них около 1% было охвачено анкетированием: это азербайджанцы (2 респондента), армяне (2 респондента), алтайцы (1 респондент), а также метисы (те, кто отнес себя к 2 разным национальностям) (2 респондента). В основном это люди, поселившиеся на Алтае в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Основной причиной переселения был назван поиск работы. Большинство анкетированных сейчас имеют родственников за пределами Российской Федерации.

Говоря о национальной принадлежности, около 50% заполнивших анкеты сходятся во мнении о том, что национальная принадлежность передается по линии отца, примерно 20% – по собственному выбору, языку и месту жительства. В качестве основных этнодифференцирующих признаков в среде армян были указаны: язык – 100%, одежда, характер, пища, исторические судьбы – 50%; в среде азербайджанцев: язык, религия, внешний облик, жилище, характер – 50%, обычаи и обряды – 100%; в среде узбеков – язык, одежда, внешний облик, обряды и обычаи; респондент алтайской народности указал язык, характер. В числе черт, присущих их национальности, армяне указали гостеприимство, горячий темперамент; азербайджанцы – щедрость, открытость, гостеприимство, благотворительность; алтайцы – гостеприимство, трудолюбие; узбеки – воинственность и гостеприимство.

Практически все анкетированные из армянской среды говорят на родном языке, умеют читать и писать на нем (100%); азербайджанцы на бытовом уровне владеют родным языком; представители алтайской национальности считают родным языком русский и владеют им свободно; представители узбекской национальности родным считают русский и уз-

бекский языки. В то же время представители тех национальностей, которые не назвали русский язык родным, достаточно хорошо владеют им.

На сегодняшний день все анкетированные (азербайджанцы, армяне, узбеки, алтайцы) отмечают религиозные и традиционные праздники, причем как мусульманские, так и православные. В азербайджанской среде лидирующее положение среди религиозных праздников занимает Курбан-Байрам (его отметили все анкетированные); на втором месте Пасха, Рождество и Новый год – 50%; в среде армян преобладающими религиозными праздниками названы Пасха, Новый год (100% анкетированных); представители узбекской национальности указали такие праздники, как Курбан-Байрам, Наурыз, Ураза-Байрам, Чилья-Хайд (завершение поста), а также православные Рождество и Пасха. Интересно, что многие представители мусульманских народов (азербайджанцы, узбеки) наряду с традиционными мусульманскими религиозными праздниками отметили среди приоритетных и православные религиозные праздники. Скорее всего, это связано со значительным влиянием русского населения, в среде которого они проживают после переселения.

Таким образом, этнический состав с. Быстрый Исток на протяжении второй половины XX в. не был однородным, под воздействием ряда объективных и субъективных факторов достаточно часто изменялся. Единственным стабильным являлось численное преобладание славянской группы народов: в первую очередь русских, а также украинцев и белорусов. Численность неславянских народностей в разные периоды изменялась, и в наши дни они играют довольно значительную роль в жизни села, в его этническом и экономическом облике. Они демонстрируют также довольно успешную сохранность своей традиционной культуры (традиционные и религиозные праздники, традиции в приготовлении пищи), частично русифицированной.

Источники и литература

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2005. Т. 4. Кн. 1. 450 с.
2. Текущий архив администрации с. Быстрый Исток Быстроистокского района Алтайского края. Похозяйственная книга за 1946–1948 гг. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5, 8, 11, 17, 20, 21, 23, 25, 26, 28, 29, 34–36, 43, 45, 50, 52, 58.
3. Текущий архив администрации с. Быстрый Исток Быстроистокского района Алтайского края. Похозяйственная книга за 1952–1954 гг. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87, 92, 102, 111.
4. Текущий архив администрации с. Быстрый Исток Быстроистокского района Алтайского края. Похозяйственная книга за 1964–1966 гг. Ф. 26. Оп. 139. Д. 12, 233, 235.
5. Текущий архив администрации с. Быстрый Исток Быстроистокского района Алтайского края. Похозяйственная книга № 15 за 1992–1996 гг. Ф. 1. Оп. 1-д. Д. 321, 395.
6. Текущий архив администрации с. Быстрый Исток Быстроистокского района Алтайского края. Похозяйственная книга № 11 за 2002, 2003, 2004, 2005, 2006 гг.

Сокращения

- АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей
АГУ – Алтайский государственный университет
АлтГПА – Алтайская государственная педагогическая академия
АлтГУ – Алтайский государственный университет
БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГМИЛИКА – Государственный музей истории литературы, культуры и искусства Алтая
ГХМАК – Государственный художественный музей Алтайского края
ИФ – исторический факультет
ИЭЭ – историко-этнографическая экспедиция
ЛИК – лаборатория исторического краеведения
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет
РГНФ – Российский государственный научный фонд
РГО – Русское географическое общество
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТГУ – Томский государственный университет

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ

T. A. Акимова

Аварийные раскопки поселения Урлу-Аспак-І в Майминском районе Республики Алтай 4

A. П. Бородовский, Е. Л. Бородовская

Продолжение исследований некрополя Чултуков Лог-1 на нижней Катуни 7

A. П. Бородовский, Д. А. Михайлов

Археологический мониторинг нижней части Новосибирского водохранилища . 11

A. П. Бородовский, С. И. Назарова

Мониторинг археологического комплекса Березовый остров-1 (Мошковский район НСО) 20

Ю. И. Гельмель

Погребение раннего железного века из Славгородского района 24

С. А. Герасёв, А. П. Бородовский

Обследование археологических памятников Краснозерского района Новосибирской области 27

С. В. Горюхов

Возможности применения информационных систем, построенных на базе Microsoft Office Access, в полевой археологии. 30

А. М. Илюшин

Исследования аз-кыштымского средневекового погребального памятника в долине Ур 34

К. Ю. Кирюшин, С. С. Матренин

Бирюзовая Катунь-3 – новое погребение тюркской культуры на левобережье нижней Катуни 37

К. Ю. Кирюшин, В. В. Горбунов, П. В. Волков

Тюркское изваяние с Бирюзовой Катуни 45

Ю. Ф. Кирюшин, В. П. Семибратьев, С. С. Матренин, К. Ю. Кирюшин

Работы Катунской археологической экспедиции в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. 50

В. В. Орлов

Особо охраняемые территории и газопровод «Алтай»: судьба петроглифов. 56

В. И. Соёнов, С. В. Трифанова

Полевые археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2007 г. 61

ЭТНОГРАФИЯ И УСТНАЯ ИСТОРИЯ

М. В. Абоимова

Технология и традиции бучения и ухода за бельем в населенных пунктах Чарышского района Алтайского края (XVIII–XX вв.) 66

А. П. Бородовский, А. А. Бодрова

Новые материалы по устной истории с. Ташара (Мошковский район Новосибирской области) 75

Ю. С. Воеводина

Санитария и гигиена крестьянской семьи Алтайского края в годы Великой Отечественной войны 79

Ю. С. Воеводина

Система питания как способ выживания в годы Великой Отечественной войны (на устноисторических материалах ИЭЭ в Быстроистокский район) 81

Т. А. Горячева

Этническое самосознание казахов (по материалам исследования моноэтничного села Бор-Кособулат в Угловском районе Алтайского края) 84

Т. А. Горячева

Этнокультурная адаптация постсоветских этнических мигрантов с. Быстрый Исток (по устно-историческому материалу) 87

Н. С. Грибанова, Е. А. Шалыгина

Керамическая утварь в коллекциях музеев Быстроистокского района 91

Д. В. Дьякова

Прялки Быстроистокского района: сравнительная характеристика 98

Е. А. Коляскина

К вопросу о деторождении в первой трети XX в. по материалам Шелаболихинского района 104

Е. К. Лейбова

Методика работы с устными историческими источниками при изучении школьниками темы переселения их семей в Сибирь 107

И. В. Куприянова

Элементы традиции в современной деревне 112

В. В. Лобода

Скатерти в музейных коллекциях Быстроистокского района (по материалам экспедиции 2007 г.) 115

О. С. Мамонтова, И. В. Попова

Традиционная культура казаков Чарышского района (по материалам экспедиции 2007 г. Алтайского государственного краеведческого музея) 122

B. И. Мотузная	
Календарные традиции Алейского района.....	127
И. И. Назаров	
Деревенское кладбище как объект этнографического исследования (по итогам полевых работ 2007 г. в с. Бобково).....	133
М. А. Овчарова	
Мордовское жилище на Алтае: типология и строительные традиции (по полевым материалам 2003–2006 гг.)	139
С. А. Соловьева	
Особенности художественной традиции крестьянского жилища.....	145
Н. А. Тадина	
К вопросу о методе сбора полевого материала (на примере изучения института зайданства)	151
О. Фролова	
Диаспора как социальное явление	155
Е. Ф. Фурсова	
О возрождении традиционной культуры и деятельности этнокультурных центров Сибири: материалы экспедиции «Славянский ход»	159
П. П. Цахер, М. А. Овчарова	
Удмурты Алтайского края: история переселения и развития на примере исчезнувшего поселка Восход Быстроистокского района (по полевым материалам ИЭЭ 2007 г.)	162
Т. Ю. Шишмакова	
Православная жизнь села в прошлом и настоящем: итоги полевого сезона 2007 г.	168
Т. К. Щеглова	
Этнографические исследования в Алтайском крае: история и современность..	171
А. В. Юсупова	
Предварительные результаты этнографических исследований в моноэтничном татарском селе Беленькое Угловского района Алтайского края.....	186
А. В. Юсупова	
Этнический состав села Быстрый Исток: история и современность (по материалам анкетирования населения и похозяйственным книгам села).....	188
Сокращения	192

Полевые исследования
в Верхнем Приобье и на Алтае
2007 г.

*Археология, этнография,
устная история*
Выпуск 4